

Библиотека советской фантастики

Р. ПОДОЛЬНЫЙ
ЧЕТВЕРТЬ ГЕНИЯ

Роман Григорьевич Подольный родился в 1933 году, впервые выступил в печати в 1956 году, первый рассказ опубликовал в 1962 году. Автор пяти научно-популярных и научно-художественных книг и примерно ста пятидесяти статей. По образованию — историк, по профессии — журналист, последние девять лет — заведующий отделом в журнале «Знание — сила». Сейчас работает над научно-фантастическим романом «Восьмая горизонталь (Золото Ньютона)».

РОМАН
ПОДОЛЬНЫЙ

ЧЕТВЕРТЬ ГЕНИЯ

повесть
и рассказы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1970

P2
П44

Художник Г. НОВОЖИЛОВ

7—3—2

ЧЕТВЕРТЬ ГЕНИЯ

фантастическая
повесть

1. СРАЖЕНИЕ

Носите ли вы очки? Если да, то можете пропустить сейчас десяток-другой строчек. Они для тех, кому не знакома привычная тяжесть на ушах и носу, кому не приходится то и дело вытаскивать носовой платок даже при полном отсутствии насморка. Они для тех, чьи глаза не защищены от пыли надежными стеклами, кто видит радугу лишь изредка, а не после каждого мелкого дождика. Для тех, кто не знает ощущения беспомощности, посещающего очкарика, потерявшего очки. Да, они-то не поймут, почему, получив сокрушительный удар по правому уху от незнакомого субъекта, Игорь Плонский повернулся к нему спиной, а не лицом. А он отнюдь не был последователем Ганди или Толстого. Просто очки чудом удержались у него не столько на лице, сколько на левом ухе. И их нужно было спасти. Очки были уже в руке, когда голова загудела от чудовищной силы удара по затылку.

По-видимому, нападавший решил, что с боков и сзади у его жертвы непробиваемая броня, поэтому через мгновение его кулак уже навис над носом Игоря. Но очки к тому времени были застрахованы от неприятностей. А позади неизвестного храбреца находилась метровая ограда палисадничка — Игорь даже запомнил ее узор, — и наглец перевалился спиной через оградку быстрее, чем Плонский успел понять, что в этом повинны его кулаки.

Тут-то и подошли дружинники. Зрелище, открывшееся в свете их фонариков, было достаточно красноречиво. Удары по затылку и рядом не оставили заметных следов на победителе. Что же касается побежденного, то сам Игорь и представить себе не мог, что два кулака,

попав в лицо одновременно, в один прием, способны произвести такую метаморфозу. Рассеченный подбородок, разбитая губа, расквашенный нос и подбитая бровь неопровержимо свидетельствовали, что беднягу избивали долго и старательно. Вновь севшие на место очки дали Игорю возможность разглядеть все детали. Один из дружинников присвистнул, выпятив толстые, двумя широкими валиками, губы, другой вздохнул, взявшись руками за обе щеки, третий поднес к носу Плонского кулак: «Ох и дал бы я тебе...»

В ту же секунду он оказался на земле. Игорю совсем не улыбались классические пятнадцать суток, а дело пахло по меньшей мере ими. Единственный же прием, который он помнил из самбо, мог повредить лишь чистоте костюма, но отнюдь не здоровью человека, закрывавшего от Плонского подступы к ближайшему проходному двору.

Но они тоже знали этот двор. А бегун из Игоря никудышный. Примерно через две с половиной минуты он уже знал, что капитуляции не избежать, и искал только ее наиболее безопасную форму — гнавшиеся вошли в азарт. Именно на исходе третьей минуты он и услышал:

— Рви когти, паря. А мы с ними посчитаемся.

И между Игорем и его преследователями оказалась кучка парней.

— Да это же сам Тихон Васильевич! Или как там тебя по батюшке? — продолжал издевательски все тот же голос. — Вот мы и встретились...

Игорь Плонский стоял у грязной глухой стены старого двухэтажного дома. Он тяжело дышал, захлебываясь вязким осенним воздухом. Ноги вибрировали, как станина старого фрезерного станка, сердце прыгало, как прыгает мячик с опилками на длинной резинке. Но в гла-

зах посветлело. Может быть, благодаря оказавшемуся сравнительно недалеко фонарю. Он увидел, как блеснуло лезвие ножа в руке, протянутой навстречу парню с красной повязкой. И еще лезвие, и еще. «Спасителей» Игоря оказалось пятеро. Как на подбор здоровенные парни с челюстями гримальдийского человека. Пятеро вооруженных против трех безоружных. Кроме того, у пятерых еще были, видимо, какие-то счеты с дружинниками.

— Не надо за свисточек хвататься, деточка, — умильно уговаривал вожак пятерки того, кого он назвал Тихоном. — Нельзя будить граждан в ночное время. То ты, понимаешь, мою маму будишь, чтоб меня забрать, то других мам, пап и детишек. Ты не думай, мы тебя еще, может, и пожалеем. А может, конечно, и нет...

Что он хотел сказать еще, так и осталось неизвестно, потому что именно в эту секунду Игорь изо всей силы лягнул его сзади под коленку, трахнул его соседа ребром ладони куда-то между плечом и шеей, изо всех сил боднул головой в спину третьего бандита. А что было делать? Драчун из Игоря никудышный. Но остаться в стороне значило стать союзником бандитов...

Было ли то издревле прославляемое везение новичка (дрался Игорь впервые за последние десять лет) или ему помогло профессиональное знание человеческого тела, но все трое оказались сбитыми с ног. И к счастью, потому что в этих лихорадочных действиях Игорь израсходовал остаток сил и был теперь абсолютно беспомощен. Правда, вожак тут же вскочил на ноги, но на него напал губастый Тихон. Парень, которого Игорь боднул, ударился, падая, головой об угол стены и был без сознания. Другой не мог пошевелить правой рукой даже через полчаса в милицейской машине. С оставшимися двумя справились друзья Тихона.

— Ну битюг! — сказал, оглядывая Игоря, Тихон. — Запас надежности у тебя фантастический.

— Плеч твоих я обнимаю ширь, доблестный дружинный богатырь, — сказал тот из его товарищей, что был повыше. И сунул руку: — Леонид.

— Слава передовикам борьбы с хулиганами! — провозгласил третий и представился: — Карл.

Составление протокола в отделении милиции было одним из самых светлых моментов в жизни Игоря. Лейтенанты и капитаны расспрашивали его и его товарищей о подробностях боя, лейтенант восторженно произнес: «одним махом троих побивахом». Сержанты и старшины прислушивались к разговорам издали, так, во всяком случае, Плонский воспринимал происходящее.

И тут вдруг майор спохватился:

— А зачем это вы за ним гнались?

Игорь в отчаянии вскинул глаза на Тихона. Вот сейчас...

— Ну чтобы сообщить, что его противник признал себя зачинщиком драки, — невозможно ответит тот.

...Почему вожака не обыскали, в отделении спохватились слишком поздно. Едва стоявший возле него милиционер отвернулся, тот выхватил из кармана небольшой перочинный ножичек. Очень простой, с одним лезвием, такие покупают за полтинник мальчишки, у которых не хватает терпения, чтобы накопить более крупные капиталы. Ножичек открылся с легким скрежетом и через секунду уже торчал в плече Игоря.

Когда бандита утащили, выяснилось, что рана неглубока, но сильно кровоточит, отправляться из-за нее в больницу — после того как перевязка уже сделана — не стоит, но полежать надо. До дома было далеко. А Тихон: «Ну, да я же живу здесь, рядом с отделением, вон за тем углом».

Однокомнатная квартира в каменном доме, санузел отдельный, телефона нет. Такохарактеризовало бы это жилище объявление об обмене. Более изощренный в технике обмена гражданин обязательно добавил бы: солнечная сторона. Впрочем, не только объявления, но и средних размеров очерка не хватило бы, чтобы описать эту квартиру. При входе ошарашивал плакат, висевший в коридоре прямо напротив двери: «Что ты сделал сегодня для счастья человека, лодырь?» Рядом красовался график под названием «Развитие любовных увлечений Т. Фаддеева в 1971 году». По вертикали единицами измерения служили часы, посвященные мыслям о любимой ежедневно, по горизонтали откладывалась продолжительность увлечения в сутках.

Графики были в промежутках между полками, под полками и над ними; графики были припилены к потолку вперемежку с плакатами. Хозяина квартиры, судя по этим графикам, интересовали фазы луны и статистика преступлений, солнечная активность и зависимость шахматных успехов гроссмейстеров от возраста. Тут были еще графики чтения книг — нравящихся и ненавнящихся. Интерес измерялся по двенадцатибалльной системе, скорость — в страницах. А плакаты грохотали: «Дифференциальные уравнения — универсальный язык науки, дифференциальные уравнения передаются в виде графиков; график — все!!!» И другой плакат — рядом: «Хемингуэй работал утром, Толстой днем, Бальзак ночью. Пусть у тебя будут утро Хемингуэя, день Толстого и ночь Бальзака». «Тебе нужны деньги? Рядом есть Леонид!»

Между этими бумажными листами и полосами жались друг к другу книжные ряды. Они облегали стены единственной комнаты, подымались к кухонному потолку, заставляли проходить боком через коридор и испуганно наклонять голову при входе в ванную.

Пока Игорь разглядывал квартиру, ее хозяин с удовлетворением изучал ошарашенное лицо гостя. При этом его собственное лицо имело такое выражение, будто он проводит в уме какую-то классификацию. Игорь Плонский не любил свойственную иным из его знакомых привычку при первой же встрече находить для человека полочку, на которой уже помещаются несколько схожих субъектов. Знал он этих любителей по цвету глаз определять волю, а по форме бровей — трудолюбие. Только одну классификацию по внешности и можно сделать: внешнюю. А уж это-то Игорь, антрополог, наверняка умел лучше. Итак, Тихон был явным представителем малой беломорско-балтийской расы, одной из пяти, составляющих вместе большую европеоидную расу. Не очень высокий, светловолосый, светлоглазый, овальное лицо, короткий нос... но какой-то давний лихой наездник — половец, татарин, калмык? — заставил чуть-чуть раздвинуться скулы и чуть-чуть сощуриться глаза. А если приглядеться, то широкие полные губы напоят о черном рабе — воине, купленном, верно, владыкой среднеазиатской державы в Египте или еще южнее. Любили эти владыки иметь в охране людей, ни на кого вокруг не похожих и полностью от них зависящих.

По идее, от этого раба мог бы Тихон унаследовать буйную вспыльчивость, смягченную, наверное, медленно вскипающей северной кровью... Впрочем, тут Игорь поймал себя на том, что впадает в тот самый грех, за который только что мысленно осуждал Тихона, и, отказавшись от дальнейших физиогномических наблюдений, перевел взгляд на товарищей Тихона по дружине, начавших уже готовить для гостя постель на диване. Ну, Карл — тот принадлежал к балканокавказской расе со своим смуглым лицом, великолепно вылепленным большим — если не огром-

ным — носом и кудрявыми волосами, торчавшими во все стороны, как черные протуберанцы. Леонид был тоже и смугл и черноволос, но волосы у него были прямые, а нос поменьше, черты лица тоньше, и ни один антрополог не задумался бы отнести его к великой индо-средиземноморской расе, составляющей большинство населения стран между испанским Тахо и индийским Гангом. Скифы, очевидно, занесли этот антропологический тип в места, которые ныне зовутся Украиной. Вот такие молодцы разгромили когда-то великого персидского царя Дария. И — редкий с точки зрения Игоря случай — Леониду шли пышные усы.

— В шахматы, может быть? — спросил Леонид, когда Плонский уже прилег. — Или ты спать хочешь, Игорь?

— В такой день, точнее, в такую ночь — и в шахматы! — воздел Карл руки к небу. — Неужели у тебя ничего не найдется выпить, Тихон?

— Знаешь, где искать, — отмахнулся Тихон, не сводя с Игоря своего по-прежнему оценивающего взгляда.

— Что ты так смотришь? — не выдержал Игорь наконец.

— А?! Ты извини. Хочу тебя отблагодарить. За помощь...

— Ну знаешь!

— погоди, погоди. Благодарность эта особая. Ты кто по профессии?

— Антрополог. Только-только из экспедиции. Плыли на лодке по Енисею, изучали прибрежных жителей. Позавидуешь! — Плонский пытался разговориться, чтобы как-то защититься от Тихонова взгляда, но это не помогло.

— Антрополог, значит? А ну, ребята, быстро!

И Тихон сделал какой-то неопределенный жест рукой. Но друзья, очевидно, поняли его, потому что один из них

вытащил из-под дивана магнитофон «Астра», другой — из-под стола опутанный проводами чемодан, под крышкой которого оказался пульт управления.

— Может, отложили бы до другого раза... — умоляюще простонал Карл.

— Отложит он, дожидайся, — фыркнул Леонид.

Плонский хотел сказать, что ему сейчас нужнее бы всего поспать, что он недавно из экспедиции, что день был трудный, а про вечер они сами все знают... но к нему уже подвинули маленький журнальный столик и поставили на него три одинаковых прибора, каждый из которых состоял, собственно, из градуированной шкалы полукругом и стрелки. От приборов тянулись провода к чемодану.

Игорю стало интересно.

— Что я должен сделать?

— Нужно, чтобы все стрелки стояли на нуле. Имейте в виду: каждая из них зависит от двух других. Вращая ручку на одном приборе, вы заставляете двигаться все три стрелки. Работайте обеими руками... — заученным голосом произнес Тихон, впервые обратившись к Игорю на «вы». — А черт! У тебя же плечо ранено...

— Да, капитан, промашку ты дал, — засмеялся Карл. — Значит, будет все-таки по-моему: чтобы держать рюмку, одной руки хватит.

— Ладно, только сначала все-таки поработаем с магнитофоном. Тут, Игорь, записано несколько десятков слов. С паузами. Ты должен будешь заполнить паузы первыми пришедшими тебе в голову словами. Ясно? Потом поработаем с другой лентой.

— Может, вы мне сначала объясните, для чего это нужно?

— Ты хочешь быть частью гения?

— Как это — частью? Не лучше ли просто гением?

— Просто! Это от нас не зависит. А вот насчет части — что-то должно бы выйти, — Тихон сложил губы бантиком, — должно бы... Хочешь быть четвертью гения?
И Игорь узнал...

II. ТРОЕ СОГЛАСНЫХ

К экзаменам на аттестат зрелости они пришли заслуженными и уважаемыми людьми. Как же!

Классная стенгазета, редактором которой был Тихон Фаддеев, из года в год появлялась на всех выставках, на какие только могли ее выдвинуть директор и классный руководитель. А авиамодели Тихона отличались даже на областных соревнованиях.

Математический кружок, старостой и украшением которого являлся Леонид Липатов, гремел на весь город, захватывая на иных олимпиадах четвертую часть всех призов.

Карл же, бесспорно, был лучшим пионервожатым города. Ему поручали вопреки всем правилам каждый год новый младший класс — самый трудный, — и он не отказывался от этого привычного поручения, даже дойдя до выпускного класса.

Но для каждого из них торжественные рукопожатия директора школы, почетные грамоты горкома комсомола и даже умиленно-счастливые лица родителей отступали на задний план перед тем, что они называли Союзом Трех Согласных — их дружбой.

В жизни настоящая дружба значит для человека очень многое, в школе — почти все. О эта микропланета со своей политической картой, еще более пестрой, чем карта большого мира... Великие державы и их сателли-

ты, карликовые государства и нейтральные страны... И каждая страна — человек. Школьник. Ребенок. И каждой стране приходится вести сложную и порой мудрую политическую игру, чтобы не слишком часто являться домой с разбитым носом. Ведь значение каждой из этих стран на карте определяется десятками факторов — от успеваемости до ловкости, от остроумия до умения играть в лапу. Но среди всех этих факторов на первом месте — обыкновенная грубая физическая сила.

В школьном микромире подвизались свои Карлы Великие и Цезари Борджиа, свои Евпатии Коловраты и Макиавелли.

Тихон с шестого класса ходил в секцию самбо; Карл в одиннадцать лет стал брать у старшего брата уроки бокса, а к тринадцати был сильнее всех в классе; Леонид научился где-то урывками кое-каким приемам джиуджитсу. (Все это отдельно, потому что они знали друг друга только вприглядку и здоровались лишь тогда, когда встречались где-нибудь далеко от школы.)

Что же? Они становились сильнее и опаснее, ударов и обид на долю любого из них с каждым годом, даже с каждым месяцем, приходилось меньше. Но зато удары становились как будто больнее, а обиды — обиднее. Или просто кожа делалась тоньше, по мере того как толстели бицепсы...

Но... в школе было пять седьмых и только три восьмых класса. И когда седьмые «Г» и «Д» прекратили свое существование, в восьмом «В» встретились Тихон Фаддеев, Карл Фрунцев и Леонид Липатов.

Много позже они пытались вспомнить, с чего началась их дружба. Но ни Тихону с его педантичностью, ни Карлу, умеющему различать мельчайшие оттенки чувств, ни даже Леониду с его математической привычкой к тон-

кому анализу — это не удалось. Скорее всего потому, что не было конкретных обстоятельств, способных сохраниться в памяти.

Их потянуло друг к другу, как кусочки легкой коры в блюде с водой, которые собираются вместе под невидимыми ударами «броуновских» молекул жидкости.

И они собрались вместе. И скоро даже школьным богатырям пришлось считаться с силой этой уверенной в себе тройки.

И что бы каждый из них с тех пор ни делал — двое других были в этом участниками.

Тихону из всей математики нравилась только геометрия, а Карл не мог сказать о себе и этого, но они ходили в кружок к Леониду и вскоре могли ему помогать, когда надо было кому-нибудь что-нибудь объяснить. Леониду слишком многое казалось простым.

Карл рисовал, а Леонид писал стихи для Тихоновой стенгазеты, вместе они мучились над резиновыми моторчиками для Тихоновых авиамоделей, и все втроем являлись на пионерские сборы к очередным подопечным пионервожатого Карла.

В восьмой «В» пришли трое угрюмых мальчишек. Трое всегда готовых огрызнуться подростков, вечно ждущих от учителя — насмешки, от одноклассника — тычка исподтишка. Школу кончили трое серьезных юношей, три человека, которые знали не только чужое призвание, но и призвание свое.

Карл пошел в медицинский, чтобы стать психиатром. Леонида давно звали на мехмат. Тихону сам бог велел идти в авиационный — и пути всех трех разошлись. Карл и Леонид еще встречались, хотя и не каждую неделю, а Тихона вовсе отнесло куда-то в сторону.

Что же, теперь все они тверже стояли на ногах, и им не нужно было прижиматься спина к спине, чтобы

не упасть. И в тех кружках, в которых они теперь занимались, всем троем просто нечего было делать.

А тут еще появились девушки... И друзей относил друг от друга потоком времени. Относило все дальше и дальше. Год, другой, третий. Еще немного, и каждый из них превратился бы для остальных просто в некий символ детства.

Но настал день, когда Тихон открыл дверь на резкий звонок и не удивился, узнав Леонида. И Леонид не удивился, когда через минуту в квартиру Тихона ввалился Карл.

Они расставили шахматы и разлили по стаканам альб-де-масэ, они обменялись последними анекдотами и занятными историями из жизни общих и раздельных знакомых, они традиционно пошутили по поводу Тихоновой веры в приметы, шахматной горячки Карла и стихов, которые по-прежнему пытался писать Леонид.

А потом Тихон сказал:

— Ну, кто первый будет жаловаться?

— Я.

— Что с тобой, Карл?

— А знаешь, в чем два главных достоинства кожных болезней? От них не умирают и от них не выздоравливают. Ими я, наверное, и буду заниматься...

— Но ты же хотел стать психиатром?

— Многих, ребята, нынче тянет душу человеческую пощупать. Значит, это требуется заслужить. А у меня с успеваемостью не ахти что. Середняк. Нет дара божьего! И вообще, куда ни пойдешь — шах и мат... И вот жена ушла. Два месяца только прожили — разлюбила. Сказала, что больше меня не понимает, что я слишком много говорю, что уследить за ходом моей мысли невозможно — и вообще, тем более... Этого «тем более» я видел, братцы. Что же, когда на ввод кибернетической

системы подают слишком много информации, система не может ее переработать и отказывается действовать. Так это выглядит с точки зрения кибернетики. Что такое любовь, ребята? И что такое талант?

— Твоя очередь исповедоваться, Леонид, — кивнул Тихон. — А на вопросы мы будем отвечать потом.

— Отец у меня умер, ребята. Умер. Что же это такое — смерть? Знает это кто-нибудь? Завидую тебе, Карл, хоть ты и жалуешься, а все равно завидую. Никто тебя не заставит заниматься, чем не захочешь. А спасти людям тело и душу — будешь. Но я, будь врачом, думал бы над бессмертием. И еще завидую тебе, Карл: ты решаешь, выбираешь, пусть под давлением, кем быть, что делать. А за меня другие решили. Задачки хорошо решал — значит, математик. Легка мне математика. А достаточно ли этого — не знаю. Заниматься-то ею мне интересно — учиться интересно и работать интересно. А жить ею — скучно. Если б вы знали, до чего скучно! Хочу делать что-то, чего не могу — через не могу! Какой смысл лезть в гору, если твердо знаешь, что все равно залезешь? И Вика у меня есть — Карл видел, женюсь я, верно, а скучно, пресно мне сейчас живется...

— Да, невесело вам, ребятки. Но я буду жаловаться длиннее, — Тихон налил до краев стакан и залпом осушил его. — Я, ребята, попал в сказку. Добро бы — в страшную. А то в сказку, где на каждом шагу выясняется, что одно — плохо, да не очень, а другое — хорошо, да не очень. Я считал, вы же знаете, что рожден изобретателем. Помните, как летали мои авиамodelи! И я был прав, что верил в себя. Потому что уже на первом курсе я сделал настоящее изобретение. Какое? Увы, неважно. Продемонстрировал его в НСО, на семинаре, на студенческой конференции. Профессора венчали меня лаврами, деканат — премией.

Хорошо? Да не очень!

Потому что Государственный комитет по делам изобретений и открытий уведомил гражданина Фаддеева Т. М. о том, что за год до него соответствующую заявку сделал гражданин Охапкин З. С.

Плохо? Да не очень!

Потому что в ближайший год я подал еще восемь заявок. Похвастаюсь: ловко было все придумано. Стилль у меня уже был свой — изящно, четко, не ахти как важно — зато красиво и тонко.

Хорошо? Да не очень!

Потому что теперь я получил из бдительного комитета уже не одну, а восемь бумажек с синими углами. Говорят, ребята, посмертные портреты изобретателей печатают не в черной, а в синей рамке. Синий цвет — он же цвет отказа у этих комитетчиков. И никуда от него не денешься. Согласно статистике сейчас две пятых всех изобретений делаются одновременно и независимо друг от друга двумя или больше людьми. А мне, сами видите, еще и не везло!..

«Слишком вы по мелочам бьете, коллега, — сказал мне один профессор и подмигнул. — Знаете поговорку: «Замахивайся на большое, по малому только руку отобьешь»?»

Как улыбнулся, ребята! После такой улыбки в позапрошлом веке вызывали на дуэль. Эта улыбка — одна заменяла разоблачительный монолог на полчаса. Она утверждала, что я в лучшем случае выскочка, а в худшем — плагиатор. И предусматривала еще возможность десятка промежуточных определений... Но я сотру эту улыбку! Я еще заманусь на большое. Только — не один. С вами!

Тихон передохнул, разлил по бокалам остатки вина, затем заговорил снова и говорил долго.

— Значит, мы с вами спрашиваем друг у друга, что есть любовь? Что есть счастье? Что есть смерть? Что есть талант? И где его взять? Мировые проблемы! Вечные вопросы! Мы тут до ужаса не оригинальны, об этом раньше или позже спрашивает каждый. Спрашивает себя, потому что знает — другие ему на эти вопросы ответить не могут. Спрашивает себя, зная, что и сам на них не ответит. А почему бы кому-нибудь, наконец, не ответить? В том и беда, что эти проблемы не решают. Кто ими занимается? Где лаборатория бессмертия, институт семейной жизни, исследовательский центр любви? Так давайте, что ли, займемся, а? Мне, слышали, сам профессор велел... Замахивайся, говорит, на большое, а?!

Тихон сам не знал, говорит ли он серьезно. В первое мгновение он, пожалуй, хотел дать только повод для одного из тех глубокофилософских разговоров, в которых отдыхаешь душой от конкретных житейских бед. Поболтают, отвлекутся, забудутся. Но выбранная для затравки этого разговора мысль уже на пути к своему словесному воплощению обрастала аргументами, становилась грузнее и серьезней. Зато самого Тихона понесло, и он чувствовал, что ему уже не остановиться; идеи, факты и образы сталкивались в голове, и он едва успевал выложить их недоверчивым друзьям.

— Так я предлагаю, — учредим на общественных началах НИИ мировых проблем. НИИМП! Звучит?

— Вот предвиденье бы мы еще охватили, — подал голос Леонид, — подсказали б людям, кем им быть надо...

— Кафедру гениальности не забыть, — с надеждой сказал Карл. — Пора, наконец, выяснить, почему я не гений, а заодно исправить это обстоятельство.

— Я не шучу. Все уже знают, что наука в последнее

время раздробилась до невозможности. Физики не понимают химиков, да и друг друга тоже. Оптик и атомник говорят на разных языках. Ну, а перевод здесь невозможен даже в принципе! Каждый может узнать только общие выводы науки — и принять их на веру. Ну, плюс познать одну какую-нибудь свою собственную частность. Вот и все. Наука — сеть из мелких ячеек, ученые — рыбаки, но странные рыбаки. Каждый из них знает свою ячейку, а не весь невод!

— Но ведь и нельзя сейчас знать все. Времена Леонардо...

— Ну, прошли, прошли, черт их возьми, знаю. Давно прошли. Но ведь та сеть, о которой я говорю, состоит из дырок, как все сети на свете. И сколько ячеек занято? Сколько между ними свободных? Кто на это ответит? Ну, а может быть, свободные-то ячейки как раз важнее занятых? Может быть, в одной из них решение проблемы рака, в другой — витамин гениальности, в третьей... И может быть, это как раз самые простые решения! Ведь не всегда простое открывают раньше, чем сложное. Слышали про первый электродвигатель? Фарадеевский-то? Годился он только для эффектной демонстрации — висит проволочка и вертится неизвестно почему. Самое страшное, что и вправду — на сто лет — неизвестно почему. Фарадей не знал, и ученики его тоже не знали. Понадобился Эйнштейн, чтобы можно было понять, почему работает униполярный фарадеевский двигатель. Прошло полтора века, а первый из электродвигателей так и остался и самым сложным по принципу. Случайность? Но тот же принцип независимо от Фарадея открыли почти тогда же еще двое ученых. Сначала нашли то, что природа спрятала дальше. Почему? Природа объективна, а познаем мы ее по законам человеческого мышления. Ну, как пра-

вило, эти законы работают на нас. Но бывают, знаете, и исключения. Сейчас для этих исключений в науке создалось такое благодатное поле, что их не может не быть. Наше дело — заткнуть дырки в сети.

— Чье это — наше? — фыркнул Леонид.

— Мое. Твое. Ну, давайте их искать, те решения, что лежат ближе. Искать не под фонарем науки, а там, где еще посветить не удосужились.

— Хочешь сделать из нас алхимиков? Смешно! — возмутился Карл. — Что ты прикажешь нам искать: эликсир жизни? Любовный напиток? Магический кристалл?

И на каждый вопрос Тихон ожесточенно кивал головой:

— Да! Да! Да! Ну, за что ты так накинулся на алхимиков? Привыкли мы над ними издеваться! А они искали нереальный эликсир жизни, зато сделали лекарствами железо, ртуть, мышьяк, серу! Парацельс, слышали, вылечивал же холеру и сифилис и бог знает что еще! А как? Никто не знает. Посчитайте-ка, сколько всего жило алхимиков за те шесть или семь столетий, что они были в фаворе! Особенно если выкинуть из списка совсем уж явных шарлатанов. Несколько сот — всего-то! — настоящих ученых проделали совершенно невероятную по объему работу. И почти все, что осталось в самой науке, а не в ее истории, они делали попутно и походя. Главную долю своей бурной и короткой жизни алхимики отдавали поискам абсолюта, изготовлению золота и выращиванию гомункулусов. Они замахивались на большое! Лекарство, понимаете, — так уж от всех болезней сразу. Власть — так уж над всеми духами ада и стихийными силами. Любовь — так уж вызванная по их свободной воле. Ну, не добились своего, зато сколько нашли по дороге. Конечно, сейчас открывают куда

больше. Но ученых-то миллионы, на них не надышатся правительства, за день сейчас на науку тратится больше денег, чем за все «алхимические» столетия. И в результате — поди узнай, не изобретаешь ли ты велосипед. Я говорил уже — придумал бог знает сколько чего — и все оказалось старым. Ну, а излечим ли рак легких, можно ли жить триста лет — про это все знают одинаково: и профаны и специалисты...

Тихон пустил петуха — голос сорвался, подергал себя за лацкан пиджака и сказал совсем тихо:

— Ребята, ну, не хочу я играть по маленькой, давайте сыграем крупно.

— Жертва ферзя ради мата? Что ты предлагаешь? — Карл судорожно поддернул на коленях брюки.

— То и предлагаю — создаем свой общественный НИИМП — НИИ мировых проблем. Ну, наметим сейчас эти самые мировые проблемы — и будем над ними думать, работать. Мы же: математик, медик, инженер — словно нарочно. Сейчас всюду кричат о границах между науками. Да, там особенно много никем не занятых дырок в сети. Ну, а нам-то нужны не отдельные дырки. Вся сеть! Я кончил. Все. Решайте.

Несколько секунд все молчали. Леонид смотрел на пол и грыз ногти. Карл выстукивал дробь каблуком. Потом встал. На стену легла мефистофельская тень его профиля. Губы его дрожали, рот искривился. Он подавил на секунду вырвавшийся всхлип, кадык, обычно почти незаметный на его горле, резко выдвинулся вперед, натягивая кожу. Потом Карл заговорил:

— Ты слышал когда-нибудь, Тихон, что такое — сверхценная идея?

— Не-ет.

— Так вот — она у тебя возникла, и это одно из са-

мых печальных событий, которые могут приключиться с человеком. Это еще не сумасшествие, но может оказаться прелюдией к нему: идея, которая захватывает человека и забирает его у жизни.

Я не буду выдумывать доводов специально для тебя, лучше прочту статью, которую вчера, словно нарочно, нашел в одном журнале. Он у меня с собой. Так... — Карл лихорадочно перебрал несколько страниц. — Ну, слушай.

«Звучит оно как будто очень похвально, даже сверхпоощрительно: не просто идея, и даже не просто ценная идея, но сверхценная. Но изобретал этот термин наверняка гражданин злой, да еще с ироническим складом характера.

Запала человеку в голову мысль, скажем, некая научная идея. Ну, запала и запала. Это бы еще ничего, многие даже привыкли к такому. Идея закрепляется, осмысливается, обдумывается в деталях... Тоже неплохо. Даже хорошо. Человек проникается страстной верой в нее. И это еще отнюдь не страшно. Но иногда весь этот нормальный и естественный процесс начинает бурно развиваться... в неестественном направлении. Идея становится крайне неуживчивой, разгоняет все доводы разума, клонящиеся к ее неправоте, и воздвигает в конце концов вокруг себя непроницаемый барьер. Идея начинает определять все остальные мысли, все поведение своего владельца... а точнее — своей собственности. И получает отнюдь не почетный титул «сверхценная». Впрочем, надо сразу оговориться. Бывают случаи, когда этот эпитет оказывается отнюдь не издевательским. Случается, что такая идея завладевает подлинным гением. А гении — это их отличительная особенность — обычно позволяют пускать в себя корни именно идеям гениальным.

Типичный пример сверхценной идеи, оказавшейся верной (сверхценной — потому что она вытеснила из жизни своего автора бесчисленное множество необходимых для полноты этой жизни вещей, включая искусство), — идея Чарлза Дарвина о происхождении видов путем естественного отбора.

Но согласно подсчетам скептиков гениев на земле сравнительно небольшой процент. И их не берут в расчет ни статистики, ни планирующие органы, ни психиатры...

А вот число негениев со сверхидеями тоже с трудом поддается учету, но, увы, по противоположной причине.

В редакции любого журнала, любой газеты, в любом научно-исследовательском институте вам порасскажут невероятные истории об обладателях сверхценных идей.

Да вот представьте себе, что вы заведуете отделом журнала и перед вами появляется скромный, тихий, явно очень застенчивый человек с сильно потрепанным портфелем. И мягким голосом с убедительными, отнюдь не чрезмерно экстравагантными жестами начинает излагать свои соображения относительно состояния вселенной. По имеющимся у него догадкам, солнечные пятна представляют собой выходные отверстия полых каналов, пронизывающих наше светило насквозь.

Значит, перед вами «чайник», он же «шизофреник» по общепринятой во всех известных мне редакциях терминологии.

Разумеется, автору интереснейшей гипотезы не сообщают, что к нему применен один из этих двух терминов. Ему или вежливо говорят, что его теории должны, бесспорно, восхитить сотрудников Пулковской обсервато-

рии, а также Физического института Академии наук. Или... деловито объясняют, что из всех возможных специалистов его предположения ближе всего касаются психиатра. Не надо обвинять журналистов в том, что второй вариант встречается крайне редко. Называть в лицо идиотом удобно только хороших знакомых, желательно — близких родственников. И потом, это, увы, еще никого не исправляло.

Авторы, они же рабы сверхценных идей, склонны обвинять настоящих ученых в невнимании, боязни за свои места, инерции мышления и прочих нехороших вещах. Я тоже склонен считать, что в своих отношениях с этими несчастными ученые вовсе не без вины. Только она — в другом. В двадцатом столетии наука наконец-то получила подлинно всенародное признание. Попробуй-ка после атомной бомбы отрицать общественное значение ее создателей! И тут же ученых охватила настоящая эпидемия самокритики. Почти всегда и почти всюду они подчеркивают теперь относительность своих познаний, сомнительность имеющихся доводов, некатегоричность теорий и предварительность гипотез. И выражают готовность изменить взгляды, если появятся новые факты.

А журналисты радостно доводят такую точку зрения до десятков миллионов читателей, среди которых не могут не найтись потенциальные хозяева и рабы сверхценных идей. Придет человеку в голову после прочтения научно-популярной статьи мысль, несколько в общем-то не противоречащая тому, что было в данной статье изложено. И покажется ему эта мысль решением всей проблемы. Только об одном он забудет: что статья поневоле сверхповерхностное изложение идей ученых, что опровергать или подтверждать их доводы надо на уровне научных, а не научно-популярных статей, что для

этого часто нужно знать самые сложные из разделов высшей математики.

Чаще всего, конечно, сверхценные идеи не выглядят уже на первый взгляд безумными. Разве что для специалиста. Один мой знакомый, хороший инженер, отличный спортсмен, разносторонне эрудированный человек, сделал предположение, что вселенная не расширяется, а сужается. Его аргументы звучат вполне научно для любого юриста или биолога, но у астрофизиков от них волосы встают дыбом. Ему же самому тем легче было прийти к подобному выводу, что образование он получил в строительном институте.

Сверхценная идея доктора геолого-минералогических наук относится к истории, доктора юридических наук — к биологии, и так далее. В своей области эти люди знали слишком много. Зато в чужих областях высказывать новые идеи оказывалось так легко...

На первой стадии «заболевания» эти идеи представляют собой опасность больше для общества (время от времени о них, случается, печатают поощрительные статьи), чем для авторов. Поначалу ведь это даже не сильное увлечение, а мелкое хобби. Но всякую болезнь надо подавлять в зародыше! У автора сверхценной идеи есть выбор между тремя дорогами. На одной из них сверхценная идея постепенно будет вытеснена идеями просто. На другой — после насмешек друзей и недругов — идея будет глубоко скрыта, но не забыта и, в общем, так и останется хобби.

На третьей... На третьей он будет писать в журналы: «Если вы примете эту статью к печати, я сочту возможным выслать вам еще шесть, в которых раскрывается происхождение жизни на Земле, излагается классификация элементарных частиц, описывается подлинная картина мира, затуманенная всякими идеалистами и ра-

бами империализма вроде Эйнштейна, Бора и Гейзенберга».

Есть у человека в организме невидимая стена, отделяющая мозг от всего остального тела, своего рода фильтр, не пропускающий из крови в нервные ткани возможные яды. Но некоторые вирусы и микробы способны преодолевать этот фильтр (его зовут гематоэнцефалическим барьером). И, как только они проникнут в мозг, крепость оказывается захваченной изнутри. Стены защищают теперь захватчиков. Фильтры отказываются пропускать лекарства. Совсем как в случае с вором, который пробрался в дом незаметно для сторожевого пса. И теперь тот вцепляется в синие штаны милиционера.

Вот такая же штука происходит со сверхценной идеей. После того как она закрепилась в сознании, защитные психологические барьеры начинают работать на нее, отбрасывая самые разумные доводы.

Страшно? Да.

А ведь я вчера поймал себя на мысли о том, что красное смещение можно объяснить совсем не расширением вселенной (как считает большинство астрономов), а...

Впрочем, я ведь по образованию историк и избавлю вас от своих рассуждений. Если б и себя тоже!»

Карл перевел дыхание:

— Ну, поняли?

Леонид в отличие от Карла не встал, чтобы говорить, наоборот, он полулегал на тахте. И смысл его слов тоже был другим:

— Говорят, студенты-медики на первом курсе находят у себя все болезни, какие только есть в справочнике, да еще несколько дюжин сверх того. Судя по тебе, на третьем курсе они переносят все эти болезни на других.

Бывают же случаи, когда сверхценная идея оправдывает свое имя! Для меня это тот самый случай. Тот самый. Я за институт. За институт!

— Я — против, — Карл не успокаивался. — Всегда считал тебя умным и серьезным человеком, Тихон, а ты в игрушки хочешь играть. В НСО не понравилось? Сорвались изобретения, ты и брысь? Надо уметь проигрывать.

— Ну ладно. Я сумасшедший, ты нормальный. Когда поведешь меня к психиатру? Или сам окажешь первую помощь?

...В этот день они расстались поздно. Точнее, в этот день они не расстались вообще. Ведь каждые сутки, как известно, кончаются в двенадцать часов ночи.

На следующий день Тихон подал заявление о выходе из кружка НСО. Леонид сделал то же у себя на факультете. По скандалу, который устроили Тихону в деканате и в комитете комсомола, он мог представить, что творилось вокруг Леонида. Фаддеев был звездой первой величины на курсе, но Ленька — солнцем своего факультета. С друзьями Липатов об университетской реакции на это его решение не разговаривал. Его мать — тоже. Впрочем, она вообще перестала разговаривать не только с Тихоном, но и с Карлом. А Тихон подумывал уже об уходе и из МАИ. Играть — так по-крупному. Диплом — на кон. Поскольку у него не было ни родителей, ни влиятельных (на него) родственников, то их функции взяли на себя друзья.

— На что ты будешь жить? — вопрошающе ревел Карл, нависая над Тихоном своим грозным посом.

— Ну! Найдется. С завтрашнего дня начинаю вести шахматный кружок. Два вечера в неделю, тридцать шесть часов в месяц. Тридцать шесть рублей, а институт, сами знаете, при тех же рублях стипендии требует

времени раз в пять больше. А мне нужно будет много времени — нас ведь теперь только двое с Леонидом. И потом, твой уход губит самую суть идеи — работать у вершин, где сходятся грани. Вдвоем мы можем работать только над ребром. Как господь бог, когда создавал Еву...

— Вот что, — сказал Карл, — черт с тобой. Сдаю партию. Меняю лагерь. Перехожу на твою сторону. Предаю самого себя. Но при одном условии...

— Тихон остается в институте, — вступил Леонид, — вот это условие, верно? И я за него. А в случае неприятия — перехожу на сторону Карла. Нас будет большинство. А большинство, милый друг, всегда право. И решай свои мировые проблемы, милый друг, по старинке — в полном одиночестве.

— Согласен, согласен, ребята. Я знал, что вы меня не покинете. К слову: так и думал, что мы сегодня помиримся — с утра у меня левый ботинок раз десять развязывался.

III. ОНИ ЗАМАХНУЛИСЬ

Когда три третьекурсника из разных вузов хотят решать кое-какие мировые проблемы, это не может не быть игрой. И они сами это понимали. Но ведь игры бывают разные. И в этой — они верили — выигрыш был возможен.

Во всех троих жила, насыщая оптимизмом, пускай нелепым, память о школьных удачах. Тогда они собрались вместе — и кончились беды, и все стало удаваться. Почему бы теперь не произойти тому же?

И на первой странице толстой бухгалтерской книги

Тихон красными чернилами написал перечень вопросов, попадающих в ведение НИИМПа:

любовь,
дружба,
счастье,
талант и гениальность,
бессмертие,
предвидение будущего.

У строчек перечня не было номеров. С чего начинать — это требовалось еще решить.

Но играть так играть. И в НИИМПе тут же были созданы три отдела: гениальности (заведующий — Тихон); бессмертия (заведующий — Карл); предвидения (заведующий — Леонид).

Правда, обретение НИИМПом структуры не подвинуло дело его ни на шаг. Даже сама душа всего предприятия, Тихон, как-то оступел после своей победы, обращался с друзьями бережно и никак не мог решить, чем бы их занять. Леонид не был склонен торопить его и торопиться сам. Он почти бездумно отдавался счастьем снова ощущать себя одним из Трех Согласных. Некогда было только Карлу. Может быть, именно потому, что совсем недавно ему пришлось выступить против идеи НИИМПа, Карл теперь считал, что он должен продемонстрировать свою лояльность. И на шестое, после пяти бесплодных, заседание «ученого совета» НИИМПа он явился с деловым предложением. В этот день Карл ввалился в квартиру Тихона с опозданием и обнаружил, что его друзья уже успели переругаться.

Тихон, лежа на тахте, читал книгу; Леонид решал шахматный этюд. Двенадцатилетняя сестренка Карла Аллочка, которую родители присылали к нему время от времени из своего Медведкова — для последующего доклада — и которую он этим утром завез к Тихону

посмотреть книжки, тихо сидела в уголке и ленилась. Словом, все было так, будто никакого НИИМПа не существует.

Вот тут-то Карл и положил, точнее — грохнул на стол две небольшие книжки. Потом торжественно взял одну из них, раскрыл на заложенной странице и громко прочитал:

— «...В одном из экспериментов несколько пар идентичных близнецов дошкольного возраста упражнялись в составлении фигур из строительных кубиков. Всем были даны одинаковые кубики, с тем чтобы они строили одну и ту же постройку. Но в то время как один из партнеров пользовался картинкой, на которой был помечен каждый кубик, другой держал перед собой модель постройки, в которой кубики были заклеены бумагой. Через два месяца в каждой паре обнаруживались различия в строительном мастерстве. Во всех случаях без исключения близнец, который тренировался вторым, более трудным способом, проявлял себя лучше не только при копировании... но и в творческом создании новых построек». Вот! Об этих опытах рассказывает Шарлотта Ауэрбах в книге «Генетика». А опыты проводились у нас в Москве, в Институте экспериментальной медицины. Выходит, учеба должна быть трудной.

— Тоже мне новость! — возмутился Леонид. — Тяжело в ученье, легко в бою, это сказал еще Суворов...

— Да помолчи минутку! И используй эту минутку, чтобы подумать. Итак, наши дети учатся слишком легко. То есть им-то тяжело, но не так, как нужно. Они трудятся, вызубривая выводы, которые мы им даем, вместо того чтобы трудиться, делая эти выводы. Образование не воспитывает таланты, а мешает им проявиться. Вот что получается!

— О чем речь? — Тихон был в боевом настроении. —

Что же, по-твоему, цель образования — делать людей гениальными? Ха-ха! Все в обществе направлено обычно на то, чтобы обеспечить этому обществу сохранение своих основ. Так же, как все в организме для того, чтобы он смог выжить и дать потомство. Если общество не справляется со своей задачей, оно гибнет. Слава богу еще, что потомство при этом остается, и на развалинах старого возникает новое общество. И каждое поколение вплоть до девятнадцатого века считало свое общество не просто единственно возможным, но и лучшим из всех ранее существовавших. На черта такому обществу гении? То есть несколько штукечек не помешает. Пяток-другой гениев даже нужно иметь, чтобы был какой-то хоть прогресс в науке и искусстве. Но не слишком большой!

— Похоже на правду, — влез Леонид. — Даю справку. То ли Маркс, то ли Энгельс считал, что один Вильям Шекспир поднял свое время, по крайней мере, на одно поколение — настолько он ускорил прогресс (в самом широком смысле этого последнего слова).

— Дело говоришь, Леонид! Но что делать обществу с тысячами гениев? Представьте-ка себе скачок в тысячу поколений! Вот оно, общество, и стремится, бессознательно, разумеется, выращивать не гениев, а людей добросовестных и способных, но не больше.

— Разве всякое общество? — прервал Тихона Карл.

— Конечно, нет. Наше общество четко осознает себя переходной ступенью, первой стадией. Оно само торопит свой переход в новое качество. Ему пужны гении! Но система-то образования у нас в своей основе прежняя!

— Лично мне все-таки кажется, — сообщил Леонид, — что гений — это от рождения. И талант тоже. Да и способности.

— Лично тебе! Это ж из цикла: «Я так думаю, и Гегель тоже так говорил». Да, есть такая точка зрения.

Больше того, она господствует. Есть в ней, правда, одно ответвление, оставляющее какую-то лазейку, мол, в каждого заложен какой-нибудь талант, только трудно определить какой.

— Ерунда! — взорвался Леонид. — Можешь ты послать свой гений по десятку направлений. Талантливый человек во всем талантлив.

— Например, Эйнштейн, — ехидно сказал Карл. — То-то он ничем в науке, кроме физики, не занимался и не мог заниматься. Даже математический аппарат к его теории другие делали.

— Это мы отвлеклись в сторону. А по-моему, талант как деньги. Или он есть, или его нет.

— По-твоему? Плагиатор! Это Шолом-Алейхем сказал.

Тут не выдержал и Тихон:

— Ну, по-моему, если говорить серьезно, талант в принципе должен быть врожденным. Чтобы кибернетическая система работала как следует, в ней прежде всего должно быть достаточно элементов...

— Тогда как быть с близнецами и кубиками? — Карл явно считал свою позицию неуязвимой.

— Хорошо, — сказал Тихон. — Согласен на компромисс. Сойдемся на том, что талант может, как те же деньги, или достаться в наследство, или «благоприобрестись».

— Никаких «или», — Карл тверд. — Нас — я имею в виду НИИМП! — устраивает только один тезис: талант приобретается. Иначе нам просто нечего делать с этой проблемой. Нечего — и все. Генетиков среди нас нет. Поэтому к черту. Предлагаю считать гениальность не врожденной. И вообще — за дело надо браться. Взятся за фигуру — ходи! Проголосуем!.. Ты остался один, Тихон. Большинство — за!

— Вопрос о научной истине решать голосованием? — с презрением спросил Фаддеев.

— Конечно! Сам знаешь, что обычно так и делают. Но сюда наверняка можно привлечь еще и статистику. Есть ведь школы, из которых таланты десятками выходят. Сериями целыми. Почему? Случайность? Слишком просто. Не-ет, их в этой школе учили правильно. Подбор педагогов...

— Ну, так слушайте же, — обрадовался Тихон, — есть у нас теперь тема для работы — надо исследовать, как учат в таких школах, и разработать общие рекомендации.

— Правильно! — Карл энергично закивал головой. — Это можно. Но я хотел предложить другое. Конкретное. Надо попробовать вырастить одного-единственного гения. Хохот друзей никак не смутил Фрунцева.

— Гения, значит? А в какой области? — с трудом говорил наконец Тихон.

— Думаю, в шахматах.

— Почему?

— Во-первых, масса удобств. Единственная система, в которой существует четкая классификация талантов. Если мы доберемся с подопытным до мастера — уже хорошо. Ну, а ежели он станет гроссмейстером... Это будет блестящее доказательство! И темп подъема по лестнице званий зависит здесь только от самого человека.

— Ну, у тебя самого-то какой разряд? Как ты его учить на мастера будешь?

— Не буду, не буду, успокойтесь. Мы найдем только принципы обучения, а обучать будет кто-нибудь другой. Есть у меня один знакомый гроссмейстер. Коллективно мы его уговорим.

— Ладно, о твоих принципах потом. Но все-таки почему именно шахматы? — вступил Леонид. — В конце

концов, что мы, не разберемся, если наш гений окажется физиком?

— А вот на это ответ во второй книжке! — Карл схватил томик со стола. — Шахматы, понимаешь, всеобщая модель, хочешь — жизни, хочешь — общества. Модель! Моторчик тут резиновый, но профиль крыла — тот же, Тихон. Сотни тысяч людей хотят стать учеными-физиками — и просто сотни становятся. Десятки миллионов людей хотят стать гроссмейстерами — и просто десятки становятся. Видишь, какой масштаб? Видишь, какой отбор? Куда тут любой науке! А потом, в шахматах мы все понемногу разбираемся... не то, что в науках.

— Ладно, уговорил. А на ком будем ставить опыт?

— Об этом я не подумал!..

— На мне, а?! — раздался умоляющий голос. Аллочка давно уже выбралась из своего угла и напряженно слушала дебаты, хотя наверняка мало что в них понимала.

— Ха! — Леонид явно обрадовался. — Ну-ка, Карл, расскажи нам о сестричке.

— Да не годится она для опыта, — старший брат пренебрежительно махнул рукой. — В шашки-то еле двигает, а туда же! И капризна... — отвернувшись от сестры, подмигнул друзьям Карл. — Вот разве что пересилит она себя.

Леонид мягко пропел:

— Бог и Ласкер ясно видят: Нонны из нее не выйдет.

— Ну это-то нам и нужно, — подытожил Тихон. — Нам как раз и нужен человек, который не может случайно оказаться гением от рождения.

— Да, в этом смысле здесь все в порядке, — подтвердил Карл. — Правда, стоило бы ставить опыт сразу над пятью-десятью объектами: один свидетель — не свидетель, это еще древние римляне знали.

— Ну для начала сойдет и один... — сказал Тихон. — К слову: так и знал, что мы сегодня до чего-нибудь додумаемся. Ночью мне кошки снились. Что ж, излагай свою идею, Карл.

— Есть. Только... ты не могла бы выйти на кухню, Аллочка? Там я видел над умывальником «Одиссею капитана Блада». Работа для тебя начнется завтра. Давай, давай, милая девочка. Слышишь? Проваливай!.. А теперь, ребятки, придвигайтесь поближе. Вот мои восемь тезисов. Итак...

Поскольку тезисы НИИМПа, которых сейчас уже восемнадцать, находятся в настоящее время на изучении в Академии педагогических наук, автор считает себя обязанным воздержаться от их изложения. Мало ли, вдруг они будут признаны неверными. Позволю себе, с оглядкой на ту же академию, изложить два из этих тезисов.

Во-первых, обучение должно быть дискретным, материал должен подаваться ученику большими и трудными порциями.

Во-вторых, с самого начала человеку отнюдь не следует что бы то ни было разжевывать. Объяснять подолгу можно только в старших классах, когда у ученика уже не отобьешь привычку думать самому (или уже не привьешь эту привычку). Традиционное обучение направлено на то, что человек сначала узнаёт, получает знания, а потом уже учится думать, то есть использовать знания. Следует же, по мнению НИИМПа, делать как раз наоборот. Сначала давать умение мыслить, а со знаниями — успеется! А всего тезисов, я уже сказал, было восемь, стало восемнадцать. И все они были отработаны на случае с Аллой.

А дальше... Чтобы описать Аллочкину карьеру, надо быть сразу Дюма и Конан-Дойлем шахматной доски.

О, с каким пылом они воспели бы отважные рыцарские удары ладей, пробивающих пешечные забрала перед королем, и бесконечные злодейства централизованных коней, и безудержный напор проходных пешек, и буйство ферзей, и косые взгляды слонов, и мужество королев-выскачков.

А тут пойдет речь лишь о том, как Алла Фрунцева начинала свой победный путь в шахматные королевы.

IV. ПЕРВАЯ ЗВЕЗДА

Всякому, кто хоть немного знал Михаила Федоровича, было легко догадаться, что он в восторге.

Давно, давно было пора, чтобы в Калининском районном дворце пионеров взошла своя шахматная звезда. Собственно, они всходили, и уже не раз, но через год-другой — такова судьба звезд всех кружков во всех дворцах пионеров — переходили на другое небо, институтское. Только их фотографии светили со стен кружковых комнат новым кандидатам в чемпионы...

Что ж, проходная пешка может превратиться в фигуру. Но с доски при этом она исчезнет...

Разные пути приводят ребят в шахматные кружки. И каждый из них имеет свои путевые знаки и ухабы. Бескорыстная любовь к золотой игре загорается только в малой толике сердец. Кого-то влечет просто возможность на законном основании вырваться из родного, любимого и до смерти надоевшего дома. Другого прельщает то, что за доской из 64 клеток он равен не только седому папиному товарищу в генеральских погонах, но и грозному Фильке с соседнего двора.

Третий (третья) знает, что в кружке есть и девочки (или мальчики)...

Да, в шахматы редко влюбляются бескорыстно. Но влюбленность сменяется любовью, а настоящая любовь уже перестает быть средством. И брак по расчету становится союзом по взаимной склонности.

Хотя — всегда ли взаимной? В Советском Союзе миллионы любителей шахмат, только тысячи перворазрядников, сотни кандидатов в мастера, впятеро меньше мастеров и две с небольшими дюжины гроссмейстеров.

На какой стадии шахматиста надо признавать счастливым избранником? Кто ответит на этот вопрос?

Тихон и Карл держались на сей счет единого мнения. Если человек хочет себя уважать и гарантировать свой лоб от ярлычка с надписью «пижон», он морально обязан набрать первый разряд. Леонид был более скромнен и удовлетворялся вторым.

Все трое единодушно и открыто избегали встреч с мастерами — по точному определению Карла, в целях поддержания престижа. Или, как утверждал Тихон, в интересах сохранения в равновесии системы «гордость — слабость».

Никто из них не занимался всерьез теорией — только так, раз в год, тратили дня три перед интересным турниром на то, чтобы покопаться в курсах дебютов. Зато никто из них не вздыхал, что вот стоило бы подзаняться теорией — и в гроссы б вышел. Все они знали людей, безнадежно влюбленных в шахматы. Людей, которые всегда в курсе последних дебютных новинок. Людей, что гордятся знакомством с гроссмейстерами и дружбой с мастерами. Людей, которые легко и просто извлекают из бездонных запасов своей памяти длиннейшие варианты, разыгранные на сотнях турниров, начиная с чемпио-

натов Багдадского халифата. А сами редко поднимаются выше второго разряда...

И именно эти безответные поклонники служили трем друзьям лучшим доказательством того, что не просто память нужна шахматисту, что знаний одних для победы в игре недостаточно. На то ведь она и игра...

...А Михаил Федорович был кандидатом в мастера и руководил шахматным кружком во Дворце пионеров.

Он, впрочем, был скорее похож на вождя штангистов или боксеров. Лицо и шея из шероховатого кирпича, плечи из железа, чувствовавшегося даже на глаз под пиджаками любого покроя.

Только врожденная стеснительность и перешедшая меру доброжелательность не дали ему когда-то стать боксером мирового класса.

В кружке поговаривали, что, узнав именно его историю, написал Владимир Высоцкий слова для своей песни о боксерах:

Бить человека по лицу
Я с детства не могу.

Радость свою выражал Михаил Федорович не громгласно, а бережно, полупшепотом, точно боясь растерять.

— Нет, ребята, что делается — глазам не верю.

И было чему радоваться. Пятиклассница, дитяtko неразумное, пигалица била в турнире одного за другим маститых четырнадцатилетних второразрядников.

И на каждом занятии кружка появлялись трое парней явно не школьного возраста. Они приходили, но в шахматы не играли. Только стояли или сидели как можно ближе к столику пятиклассницы. И как только кончалась очередная партия, хищно накидывались на запись. Это все было бы лишь странно, и не больше, особенно если учесть, что один из тройки приходился Алле

старшим братом. Невероятное начиналось дальше. Три болельщика девочки не расставляли на доске фигуры, опрокидывая их в спешке, не тыкали Аллу носом в ошибки, не хвалили ее за удачи, как полагалось бы. Просто расставляли молча вдоль записи вопросительные и восклицательные знаки. Потом заставляли читать запись с листа, не пользуясь доской. И варианты просто называли вслух сокращенной нумерацией.

Аллочка, высокая для своего возраста, чуть сутулая девочка с густыми прыгающими бровями (даже на фотографиях одна из них обязательно оказывалась выше другой), треугольной челочкой на лбу и слегка выступающими скулами, покорно слушала и вполголоса отвечала. Время от времени Михаил Федорович не выдерживал зрелища этой пытки, подходил к друзьям, объяснял, что надо смотреть позиции на доске, тогда легче найти свои ошибки.

Его обычно вежливо слушали, изредка осторожно вздыхали. Аллочка до возмущения правдивым голосом говорила, что ей совершенно не нужна сейчас доска, Михаил Федорович начинал объяснять, почему, и как, и до какой степени важно и удобно видеть фигуры в натуре, а не в воображении. Ведь она учится, учится на своих ошибках!

Только однажды самый высокий из трех юношей мягко сказал, крутя в пальцах кончик молодого заборного уса:

— Простите, то ли Бисмарк, то ли Талейран говорил, что лишь дураки учатся на своих ошибках; он же предпочитает учиться на чужих. Вот так. Да и не должно Алле быть легче; пусть ей будет тяжело!

— Да ведь для того и существует теория, чтобы знать ошибки чужие, — возразил Михаил Федорович, — но нельзя подменять практику одной теорией; теория без

практики... А зачем человеку должно быть тяжело? Человеку должно быть легко.

Парни поспешили согласиться с Михаилом Федоровичем. Он заметил краем глаза и не без удовольствия, как один из них ткнул тайком высокого кулаком в бок, предварительно тихонько чертыхнувшись. Приятно все-таки остаться победителем в споре...

Но потом Карл на правах старшего брата категорически заявил, что пока запрещает Алле заниматься теорией.

И в конце концов во время одной партии Михаил Федорович не выдержал. «Боже мой, как эта девчонка разыгрывает дебют. Что, ей трудно заглянуть в учебник?»

Нет, он этого не потерпит. Турнир турниром, победы победами, а кодекс кодексом, однако он чувствует себя обязанным вмешаться. Дайте только кончиться партии.

— Сдаюсь, — сказал двенадцатилетний перворазрядник, недавняя гордость кружка, и прикусил губу.

— Девочка, девочка, — заторопился Михаил Федорович, — давай-ка поглядим, как ты разыграла дебют. Ведь уму непостижимо...

И тут, как он потом многим рассказывал, произошла неслыханная вещь.

Между ним и девочкой кинулись, разделив их, трое здоровенных парней.

— Собирайся, собирайся, сестренка, мама ждет! — торопил один из них.

— А скажите, пожалуйста, Михаил Федорович, куда бы вы посоветовали обратиться шахматистам послешкольного возраста, если они хотят заниматься именно с вами? — крайне вежливо интересовался второй.

— Что вы думаете о встречах Алехина с Таррашом

в нью-йоркском турнире шести? — настойчиво допрашивал третий.

И уже когда Аллочка исчезла за дверью, Михаил Федорович услышал мрачное:

— Большая просьба не разбирать с ней партии. Ни ее, ни чужие. Вся теория мы берем на себя. Впрочем, хотите принять участие в эксперименте?

— Каком?

— Мы решили в полтора года сделать из Аллы мастера.

— А кто поручится, что перед нами не случай врожденной шахматной талантливости? — по-детски надув губы, мрачно спросил Тихон год и два месяца спустя, когда друзья вернулись с последнего тура женского первенства столицы. Тура, в котором Алла закрепила за собой звание мастера.

— Но я же вам говорил, что она до двенадцати лет не занималась и не интересовалась даже шашками! — возмутился Карл.

— Даю справку, — заговорил Леонид, — то ли Нимцович, то ли Тартаковер... нет, нет... ага! Акиба Рубинштейн познакомился с шахматами в восемнадцать лет по учебнику на древнееврейском языке. Попав в большой город, зашел к местным шахматистам, которые продемонстрировали гостю, до какой степени он не умеет играть в шахматы. Он исчез — засел дома за книги, а когда появился вновь — вызвал на поединок чемпиона города и показал ему, кто из них сильнее.

— Вот видите? Рубинштейна же никто специально не воспитывал! Но хуже другое, — Тихон хлопнул рукой по столу, — представьте себе, что Алла не шахматный гений, а гений вообще, только прорезаться он должен

был попозднее; мы направили ее дар в шахматное русло. А если она была рождена, чтобы создать единую теорию поля, или новую «Войну и мир»? Или...

— Женщина-то?! — вырвалось у Карла.

— Даю справку, — меланхолически заговорил Леонид, пренебрегая предыдущей репликой, — лиц с художественным и научным талантом особенно сильно тянет к шахматам. Известны скрипачи-виртуозы, композиторы и художники, у которых приходилось отбирать шахматы, чтобы заставить заниматься «делом их жизни».

— Ничего, — Карла все это не смущало, — ты слышал про Филидора, Тихон?

— Слава богу.

— Кто это был?

— Шахматист. Великий.

— Ага! А он еще был композитором. И очень видным. А помнят его лишь в одном качестве. Так что же важнее оказалось: шахматы или музыка?

— Бесполезный спор! — отрубил Леонид. — Дело сделано. Надо решать, повторять ли опыт?

— А по-моему, затевать снова историю с шахматами будет просто скучно, — сказал Карл. — Надо попробовать что-нибудь новенькое. Я — за то, чтобы воспитать великого физика.

— Ха! А где ты возьмешь ребенка для опыта? И опять-таки, как насчет этики? Решать за человека его судьбу?

— А за Аллу? Или физика — это судьба, а шахматы — нет? — Карл явно сердился. — Впрочем... послушайте-ка! Проверим, нет ли у Аллы общей одаренности.

— Не знаю, как вам, — медленно и осторожно произнес Тихон, — а мне что-то поднадоело быть великим педагогом. Год, от силы два — больше я не выдержу.

— Ну что же, поглядим, что выйдет за год, — заявил Карл.

— Отлично, — согласился Тихон. — Я человек спокойный, могу год потерпеть.

V. КЛЯУЗНОЕ ДЕЛО

Но ближайший месяц покончил и с Тихоновым спокойствием и с великими планами преобразования Аллы в физика. Потому что Тихон захотел разоблачить у себя в институте крошечную кучку бездельников и жуликов. Ему было бы, правду сказать, плевать на этих Зайцева, Руднева и Филиппенко, если бы они просто бездельничали и жулили по мелочам, сдавая по шпаргалкам зачеты. Но Тихон при всех своих неудачах — по большому счету — успел за первые курсы института привыкнуть и к славе юного изобретателя, и к первым местам на конкурсах студенческих работ. А тут, на четвертом уже курсе, его вдруг обошли. И кто? Вперед вырвались не обычные его конкуренты, а три зауряднейших студента. Добро бы обставил Тихона Шурка Лапчонок или, скажем, Егор Званцев — так нет, победителями оказались Зайцев, Руднев и Филиппенко. Ну, кто они? Что они? И вообще... Тихон не раз слышал их ответы на экзаменах — в одной группе с ними ведь. Так только у Зайцева случались пятерки, и то изредка, а Колька Руднев — вовсе троечник. А бóльшого тугодума, чем Филиппенко, поискать.

И — такая победа. Ими и деканат заинтересовался, шум, статья в стенгазете, про работу Филиппенко в «Московском комсомольце» напечатали. А главное — не зря!

Тихон просмотрел их курсовые — поразился. Сам бы так не мог. Сам! Ну, а они? Тем более не смогли бы! У Филиппенко, правда, память отличная. А двое других и ею не блещут.

Нет, что-то здесь не так. Фаддеев снова взялся за папки с курсовыми. Листал. Вчитывался. Видел: чем-то похожи работы. Похожи. Темы разные, а стиль изложения — общий. И на одной машинке все печатались, буква «н» всюду западает. Писал их явно один человек. Один и тот же. Все три курсовые. Уж конечно, этот один не был ни Зайцевым, ни Рудневым, ни Филиппенко. Нашли себе, видно, где-то аспиранта. Хотя нет, где тут аспиранту. Какой-то кандидат, верно, влез. Правда, интересно бы знать, на что ему было отдавать стоящие вещи в чужие руки. Но что искать мотивы, когда факты известны?!

Тихон долго думал потом, как мог он на это решиться. Ведь воспитан же был в презрении к доносу и ябеде в любой форме. Когда подумал — понял, что виноват был мелкий его успех перед тем. Слава ведь, как известно, развращает. А слава мелкая еще и делает мельче. Хорошо еще, что совести осталось хоть столько, чтобы заговорить о трех самозванцах на групповом собрании, где педагогов не было. Тихону поверили сразу. Не одного его, оказывается, смущало стремительное вознесение к институтскому небу недавних троечников. Не один он подозревал в этом что-то неладное. Правда, у него одного хватило духу стать здесь следователем. Зато сколько нашлось прокуроров! Зайцев обиженно моргал, Филиппенко ругался, а Руднев со спокойным любопытством разглядывал лица своих обвинителей. В конце концов Тихон что-то разобрал в потоке несвязных слов, сквозь всхлипывания прорывавшихся из губ Филиппенко. И Тихона сразу бросило в жар и холод. Этот мучительно мор-

щившийся парень кричал о том, что они — трое — всё делают вместе, что они настоящие друзья, что у каждого в их дружбе и в их работе свое место. А курсовую ведь больше чем одним именем не подпишешь...

«Соратники» Тихона говорили о выговоре и исключении из комсомола, они судили и обличали, потому что не знали того, что знал Тихон. Он ведь тоже один из Трех Согласных, только других, и все, что говорил Филиппенко, Тихон мог повторить о себе и своих друзьях. Другие этого не понимали. Но он-то понял.

После Тихону говорили, что он тоже кричал. Сам он этого не помнил. Помнил только, как винулся в тупой мнительности, как говорил о благородном соавторстве, как предлагал, если уж хотят наказать эту тройцу, объявить заодно выговор Ильфу и Петрову. Или, еще лучше, Брокгаузу и Ефрону. И смял скандал, который сам же начал. И ушел, чтобы отправиться домой. Но по дороге взял такси и заехал предварительно за Карлом и Леонидом.

В такси Тихон ни словом не ответил на их тревожные расспросы. А у себя дома властно приказал им встать перед ним по стойке «смирно» и объявил: «Мы не одни!» И рассказал все про групповое собрание.

Собственно, все трое и раньше знали, что, наверное, не только им так хорошо работаете вместе, что не только они так хорошо подходят друг к другу. В конце концов, работают же вместе два писателя, трое ученых, четверо инженеров... Существуют авторские группы и групповые авторы, авторские коллективы и коллективные авторы. Фаддеев, Фрунцев и Липатов не только чувствовали, но и знали разницу между их союзом и этими содружествами, которые в конце концов были ведь только «содружествами». У них, у Трех Согласных, было не так. У Зайцева, Руднева и Филиппенко — тоже не так.

— А нельзя ли нас троих рассматривать как единую личность? — спросил Тихон и беспомощно добавил: — В каком-то смысле...

— В каком? В каком-то — можно. Есть такая наука — коллективная психология. Старая наука, — Карл призвал на помощь познания, полученные на институтских лекциях по психологии, — ею Бехтерев еще занимался.

— Но ведь и просто личности бывают разные. А уж коллективные-то! У нас случай редкой гармонии.

— Погодите, погодите. — Карл обнял голову руками. — Такой ли уж редкой-то? Рассказывал я вам, как в прошлом году играл в турнире по переписке?

...Скандал разразился неожиданно. Поначалу настроение судейской коллегии было даже скорес благостным. Турнир по переписке, за который она отвечала, закончился, а такой турнир слишком долгое дело, чтобы от него не устать. С удовлетворением отметила коллегия большой успех молодого кандидата в мастера (по переписке) Перуанского, набравшего заветную мастерскую норму. Новый мастер был москвичом и пришел на заседание коллегии с тремя друзьями. Итак, все проходило чинно и спокойно, как и полагается проходить очередному мероприятию в Центральном шахматном клубе СССР.

Но вот главный судья попросил у Перуанского паспорт — чтобы сверить с квалификационной карточкой. Мастер подал его.

Судья заглянул в документ и...

— Это ваш паспорт?

— Да.

— И фотография похожа. Но тут вы Иванов, и имя и отчество тоже не совпадают.

— Я как раз и пришел сюда, чтобы восстановить истину, — высокопарно начал Иванов-Перуанский, длинный мужчина лет тридцати с непомерно длинной шеей, с непомерно большим кадыком и непомерно вытянутым лицом. — Нас под этим псевдонимом играло четверо. Я Иванов. А вот Скирмунт, — при этих словах встал его сосед, плотный сорокалетний дядя с набриолиненными волосами. — Вот Ранцев. — Быстро поднялся и сразу же сел снова молодой парень с толстыми щеками и заметным брюшком. — Ну и, наконец, наша юность — Псров! — Шестнадцатилетний, от силы, парнишка уже покачивался на тонких ногах, бегая глазами по лицам судей.

Похоже было, что «коллективный мастер» заранее готовился к этой сцене, может быть, даже репетировал ее. Четверо шахматистов ждали, видно, ахов удивления и кликов восторга. Но их не последовало. Главный судья при каждом слове Иванова все больше опускал и сближал огромные седые свои брови. Когда был представлен последний из компонентов нового мастера, брови уже почти совсем закрыли глаза. Но и сквозь эту мохнатую преграду вырвалась молния испепеляющего взгляда, под которым Иванов пошатнулся даже, быстро теряя остатки своей победной улыбки. И голос судьи прогремел вслед молнии его взгляда:

— По положению турнира участие коллективов в нем не допускалось!

Раскаты этого громового голоса еще гуляли по клубным комнатам, когда заговорил второй судья. Громы и молнии он не метал — зато источал ехидство.

— Я же вас знаю, Ранцев. Вы в этом году в парке Горького еле-еле второй разряд набрали. И вас знаю,

Скирмунт. Вы же от силы в третий разряд играете. Мастерских званий захотели?

Так и казалось, что он закончит этот монолог призывом: «К стенке». Но в последний момент оказалось, что резюме этой короткой речи звучит иначе: дисквалифицировать! Запретить играть по переписке!

Судья-громовержец утвердительно кивнул головой:

— Мы будем ходатайствовать о соответствующем решении надлежащих шахматных организаций.

Иванов, Скирмунт, Перов и Ранцев стояли как громом пораженные.

Карлу было их жалко. Как и всем участникам турнира, пришедшим на заключительное собрание. Но ни у него, ни у остальных не было сомнений, что ребята мухлевали, а наказать их надо. Только так ли сурово?

...А теперь, спустя несколько месяцев, он видел всю эту историю другими глазами. Почти глазами брата этих самых Иванова, Перова, Ранцева и Скирмунта. И друзья, слушавшие Карла, чувствовали то же, что и он.

— Что было дальше? — сердито спросил Тихон.

— Что, что! Дисквалифицировали. И ушли они из поля моего зрения.

— А жаль! У вас нет ощущения, ребята, что мы натолкнулись на штуку, которой стоит заняться? Надо будет найти этого мастера Перуанского...

VI. СЛИЯНИЕ ДУШ

Нетрудно догадаться, что стипендии ответственным работникам НИИМПа не хватало.

Ведь их сверхнаучную работу довольно часто прерывали куда менее важные для будущего нашей планеты

вещи, вроде кино, театра, вечеринок и прочего в том же роде.

На все это требовались деньги.

Способы ликвидации безденежья были многообразны. То сходят на Москву-Товарную, займутся погрузкой-разгрузкой, то пристроятся посудить какое-нибудь мелкое шахматное первенство. Ну еще что-нибудь в том же роде.

Бедно, ненадежно, времени порой отнимает слишком много.

Но совсем незадолго до истории с Зайцевым и прочими наткнулись друзья на настоящую золотую жилу.

Для разработки ее пришлось всего-навсего принять на себя роль морских свинок в психологических опытах. Тем более что это было иногда интересно и платили за участие в опытах прилично — полтинник в час. Впрочем, вскоре ученые предложили нашим героям повысить оплату в три, в пять, в десять раз — и это не помогло.

То есть рады им были и поначалу — как же, трое здоровых молодых парней одного возраста, очень удобно для контроля. Чего только на них не выясняли: от быстроты средней реакции на свет, звук и запах и до того, есть ли телепатия и возможно ли предвидение будущего.

— Сидишь в глухой кабинке, смотришь на хронометр и каждые десять секунд нажимаешь, по собственному усмотрению, или красную кнопку, или зеленую. Если красную — значит, ты считаешь, что через секунду в соседней кабинке загорится невидимая тебе лампочка. Если зеленая — значит, считаешь, что не загорится. А потом смотрят — сколько раз ты угадал, — рассказывал друзьям Тихон, первым из них угодивший на подобный эксперимент.

Отличился тут же Липатов. После одной серии опытов его чуть не засекретили. За пророка уже держали. Но вскоре, увы, выяснили, что дальше лампочек его предвиденье не идет.

Ну, а Фрунцев, известно, человек невезучий, и у него все получалось как раз наоборот.

Уж была одна серия — почти как у Леонида, только точно навыворот — зеленую кнопку нажимал вместо красной, а красную вместо зеленой... Впрочем, к делу все это не имеет никакого отношения. Итак, в пятницу в три часа дня друзья согласно расписанию явились на очередные испытания.

К тому времени они уже успели привыкнуть к штучкам, которые с ними проделывали, и сутью их принципиально не интересовались. В НИИМПе они были полубогами, в чужих лабораториях — кроликами, и предпочитали не смешивать эти два амплуа.

И когда на этот раз их привели в кабинет, выложенный кафельной плиткой, велели раздеться и стать под душ, ни один из них даже бровью не повел.

Не удивились ребята и тогда, когда обнаружили, что струйки воды попадают только на кого-нибудь одного, зато сам душ... Ну, а точнее, этот душевой рожок вертится, и им можно управлять. Но управление это так устроено, что им должны заниматься одновременно все, кто стоит под душем, иначе никто из них так и не вымоется. Задачей подопытных было так согласовать свои движения, чтобы вымыться им все-таки удалось.

Для этого один из них должен был надавливать на свой рычаг сильно, другой — часто, третий еще как-то. Но как именно — этого никому из них не сказали. Они должны были найти решение сами.

— Не идти ж нам после этого душа в баню, — мрач-

но заявил (через стенки кабинок) самый ленивый — Карл.

— И здесь вымоемся, не паникуй, — ответил Тихон.

И верно. Минут через пять душевой раструб ходил над ними по кругу строго равномерно, разбрызгивая достаточно теплую воду, еще минут через десять самому стеснительному, Тихону, пришлось попросить разрешения надеть плавки — слишком много народу успело за это время набиться в кабинет-душевую, и разглядывали они друзей во все глаза!

— Да, можете идти одеваться, опыт окончен, — срывающимся голосом разрешил молодой парень, который их сюда привел. Разрешил — и принялся что-то бешено строчить в большом блокноте.

— Ты мне дашь их на часок, Владимир Львович? — мягко спросил у него здоровенный мужчина лет пятидесяти.

— Конечно, конечно, Феликс Юльевич, — ответил Володя (какой уж там Львович в его максимум двадцать три).

И Феликс Юльевич утащил друзей к себе, причем по дороге им пришлось миновать трех или четырех вахтеров. В конце концов они оказались в большой комнате, посредине которой находилось нечто бесформенное, больше всего напоминающее сильно помятый обеденный стол, причем из столешницы — у самых краев — торчали рычаги.

Хозяин комнаты один из этих рычагов задвинул внутрь «стола», другие, наоборот, вытянул посильнее, потом «определил» каждого из «гостей» к одному из рычагов.

— Ваша задача — жать на эти милые ручки, пока вон на том экранчике в углу беленькая полоска, что

сейчас сбоку, не перейдет в центр. Режим работы найдете сами. Можете сначала посоветоваться, подумать.

— Лучше сразу приступим, — объявил Тихон, — вы ведь не хотите, чтобы за полтинник в час мы еще и думали...

На перемещение белой полосы в середину экрана у тройки ушло минут десять-двенадцать. Друзья успели за это время устать и почувствовать себя разочарованными своей медлительностью. Но профессор был явно другого мнения.

А кабинет его постепенно заполнялся все новыми и новыми людьми в лабораторных халатах. Правда, процесс этот шел медленнее, чем в душевой, — видимо, этим они были обязаны охране...

...Из кабинета в кабинет, от одного ученого к другому — на них смотрели, их слушали, их в буквальном смысле ощупывали во время трех подряд, все более детальных медицинских осмотров.

В этот день Трое Согласных вышли из института только поздней ночью, усталые, а главное, ошарашенные. Что же это было? Чем это могло обернуться? Их посадили в институтскую машину и развезли по домам.

А утром — не было еще и семи — у двери Тихона позвонили.

— Машина ждет, — мрачно сказал человек, в котором Фаддеев узнал одного из самых громогласных посетителей душевой и кабинета.

А в институтской проходной Тихон увидел Карла и Леонида.

— Наконец-то! Мы, ей-же-ей, не спали всю ночь, — встретил их хозяин кабинета, где стоял «стол» с рычагами.

И все началось с самого начала.

...На следующий день всех троих увезли далеко за

Москву и там продолжили испытания на десятках новых странных устройств.

Были среди них и такие, с которыми каждый «встречался» наедине; с другими они работали по двое и по трое. Зажигались и гасли лампочки, звучали гудки и свистки, по циферблагам бегали стрелки, а по экранам — полоски, ходили под руками пружины, рычаги и колесики.

В понедельник их непустили в Москву: «с вашим начальством все улажено или будет улажено», — коротко сообщил друзьям один из их «работодателей», самый высокий по росту и, возможно, по званию.

— Прекрасно! — сказал Тихон. — Но у меня есть один вопрос.

— Вот насчет вопросов, — сморщился высокий, — не знаю. Лучше бы вы их пока не задавали.

— Этот я задам. И попрошу ответить. Судя по реакции — вашей и всех остальных, мы показываем блестящие результаты втроем. Вдвоем и по одному — нег. Втроем мы согласовываем движения быстро. А когда нас объединяют по двое — довольно медленно. И каждый из нас в одиночку тоже не очень блещет. Так это или нам только кажется?

— Длинный вопрос! — усмехнулся психолог. — И ответ тоже должен быть длинным. Прочту-ка я вам небольшую лекцию, вы этого стоите.

...Вся история человечества свидетельствует, что, зная жениха и невесту, никак нельзя предсказать, насколько удачным окажется брак и насколько счастливой семьей. Но только в двадцатом веке под этот сугубо эмпирический факт удалось подвести хоть какую-нибудь теоретическую базу. Понимаете, оказалось, что о поведении коллектива из двух, трех, четырех и так далее человек

нельзя судить по поведению каждого из них в отдельности. Нельзя — и все!

Бывает, что группа из четырех людей не справляется с задачей, которую другая такая же группа выполнила без особого труда. Причем группа-«удачница» может состоять из людей, которые — каждый в отдельности — уступают любому из членов группы-«неудачницы». Так, разумеется, бывает далеко не всегда, но — бывает. Сумма людей — это не сумма цифр. При переходе от одного человека к нескольким психология как будто вторгается в совершенно новую область. Когда соединяют водород и кислород, получается вода. Группу людей надо рассматривать как некую сложную личность, как самостоятельный организм (который ведь всегда больше, чем сумма рук, ног, желудков и прочего).

Такой организм может работать хорошо или плохо. И это зависит не только от его состава, но прежде всего от того, насколько удачно оказались подобраны составные части, насколько хорошо они соединены друг с другом. В космос будут летать (да и уже летают) группами. Все аппараты, с которыми вы возились, — средства для проверки, насколько хорошо люди такой группы могут сработаться.

И, скажу вам честно, такой удачной группы, как ваша, я не видел за все годы, что здесь тружусь. Вы — сравнительно — гении! Виноват, ваша тройка вместе — гений среди групп...

— Нам нужно срочно поговорить между собой, — сказал Тихон.

— То есть как? — Лектор был неприятно удивлен. — Мы должны начать новую серию экспериментов...

— Подопытным кроликам изредка требуется огдых, — хмуро ответил Леонид. Карл только кивнул.

Психолог развел руками и заторопился к выходу.

За ним медленно, оглядываясь и тихо перебрасываясь короткими фразами, потянулись прочие наблюдатели.

Когда огромный кабинет опустел, Тихон знаком заставил друзей подойти поближе.

Потом опустил левую руку на плечо Карла, правую на плечо Леонида.

— Ребятки! Этот лобастый профессор сам не понимает, что он сейчас сказал. Я до сих пор думал, что мы гении. И молчал из скромности. Вы и сами в глубине души так думаете. Ведь с Аллой удалось. И тезисы, значит, годятся. Но профессор-то прав! Я не гений, ты не гений, он, она, они не гении. Гений — мы. Трое Согласных, НИИМП — гений. А значит, из нескольких бездарностей можно сделать одного гения. Доходит? Только правильно подобрать эти бездарности. Это ж мои институтские Руднев, Зайцев да Филиппенко... Это же мастер Перуанский... Примеры — вокруг нас! Их много.

— Так ли уж много? — скептически заметил Карл.

— Да вокруг же, вокруг! — Тихон был необыкновенно счастлив. — Помнишь, мы как-то слышали о школе, из одного выпуска которой половина за пятнадцать лет стала кандидатами и докторами наук? Причем разных наук, значит дело не в одном каком-то гениальном преподавателе. Просто из нескольких заурядных учителей получился один гениальный коллективный педагог.

— Это как у фантастов, — возбужденно засмеялся Леонид, — на Земле требуются два пола для воспроизводства жизни. А на других планетах, по Лему, где четыре пола, где пять, а где и целые сотни. А чтобы родить великую мысль, нужны тоже дополняющие друг друга люди, только дополняющие по интеллектуальности. А?!

— Ну, а гении-одиночки? — хмыкнул Карл. — Все-кие там Бальзаки и Менделеевы?

— Подумаешь! — вмешался Леонид. — Сколько их, этих гениев, набралось за тысячи лет? Случайность это, отклонение от нормы?..

— Хуже — гермафродитизм духа! Теперь у нас на ближайшее время одна задача: найти, каких именно людей и по сколько надо соединять. Нужен принцип подбора. Хватит нам быть предметом исследований, — Тихон говорил совершенно категорически, уверенный, что возражений не будет. — Делом надо заняться. Пусть эти профессора заплатят нам сверхурочные — и могут считать себя свободными.

— Торопишься, Тихон, — Карл говорил не менее уверенно, — нам нужно сначала изучить всю эту аппаратуру. Худо-бедно уйдет неделя — даже с учетом нашей коллективной гениальности.

— Эх, ребята! — Леонид восторженно закатил глаза. — Значит, по миру бродят кусочки талантов, обломки гениев, осколки великих людей. Бродят, тоскуя друг по другу... И мы сможем их соединить: из четырех оболтусов — одного трудягу, из двух дураков — одного умного. Из трех разгильдяев, — он обвел друзей глазами, — одного гения.

VII. БОЛЬШОЙ ПАСЬЯНС

...— Скажите, пожалуйста, товарищ Фрунцев, вы действительно хотите получить высшее образование? — вежливо спросил заместитель декана.

...— Леонид, я хочу вас предупредить: если это будет продолжаться, я не смогу в следующем году добиться для вас места в аспирантуре, — сказал заведующий кафедрой.

...— Если у тебя, Тихон, не найдется для меня времени и сегодня, то у меня для тебя его не будет в течение ближайших сорока лет, — сказала Люся.

Даже Алла была заброшена. Ведь теперь у НИИМПа, кроме великих целей и великих принципов, появилась совершенно конкретная Большая Идея.

— Фу, черт! Кажется, теперь я знаю о себе все. — Карл отшвырнул в сторону разграфленный лист бумаги и потянулся к следующему. — И о вас тоже. Знаю, как вы относитесь к родителям, теории относительности, водным лыжам, межпланетным путешествиям, соседям, брюнеткам, крысам, автомобилям, общественному питанию, детям до двух, пяти, десяти и шестнадцати лет. То же самое — и многое другое — я еще знаю наконец-то про себя самого. А толку?

— Да. — устало протянул Тихон. — Эта шведская анкета на восемьсот вопросов может в гроб загнать.

— Ха! А чем лучше был американский тест на пятьсот заданий? — вставил свое словечко Леонид.

— Ну, мы узнали, что коэффициент интеллектуальных способностей у нас выше среднего, — так стоило ли только ради этого возиться? Черт возьми, нам же нужно узнать, как способности одного из нас дополняют способности двух других. Всего-то навсего...

И все трое свели свои взгляды на совсем недавно вывешенном плакате: «Познай самого себя», за подписью «Сократ (по-видимому, коллективный гений, организованный человеком по имени Платон, который, по-видимому, тоже был групповым гением)».

Потом, опять же все сразу, поглядели на стопки таблиц с бесконечными показателями их собственных и чужих: терпения, научной смелости, выдержки, легкомыслия, тонкости ассоциаций, быстроты соображения...

А выводов сделать не удавалось. Ничего конкретного

не следовало из того обстоятельства, что Леонид был терпеливее своих друзей, Карл — наиболее скептичен из трех, а Тихон — самым настойчивым.

— Ты так ничего и не извлек из последней беседы с тройкой Руднева, Карл?

— Нет. Все то же. Но чего мне стоило их поймать! Бегают они от нас, ребята.

— Еще бы! Я бы и сам сейчас от себя бегал, будь это возможно. Чего стоит один вопрос о том, сколько раз в году данный субъект стрижет ногти на ногах...

— Может быть, четверка и тройка — это слишком много для исследования? Самый простой случай коллективного таланта — двойка, пара. Этот же случай ведь чаще всего и встречается у литераторов...

— А толку? — спросил Леонид. — Частота — это еще не простота. Да, кстати, я вчера побывал у братьев Кораблевых. Простейший случай, говоришь? Тесты, как вы знаете, ничего не сказали нам о различиях между братьями. Ну, а конкретное наблюдение?.. Вот оно. «Егор сидел за пишущей машинкой. Антон лежал на диване, время от времени почесывал себе переносицу и диктовал брату. Так полчаса. Потом Антон закричал с дивана: «Фу, устал. Меняемся?» И теперь за машинкой был уже Антон, а лежал на диване и диктовал Егор. Коллективное творчество продолжалось...» Вот и все. Братья одинаково относятся к людям и по-разному — к кошкам. И еще: Антон не играет в шахматы.

— То есть как? Не играет?! — вскинулся Карл.

— Вот так и не играет, — хладнокровно подтвердил Леонид.

— Это не может быть!

— То есть?

— Хватит вам спорить, — одернул их Тихон. — Луч-

ше поговорим о том, кто точно умеет и любит играть, — мастере Перуанском. Поработаем еще с ним. Только нужно найти какой-то другой подход...

Эта маленькая комната в шахматном клубе «Спартак» была как раз подходящей величины для того, чтобы семеро мужчин заполнили ее почти без остатка, расставив подальше друг от друга шахматные столики. Фигуры построились друг против друга, но играть между собой встретившиеся здесь сегодня не собирались — во всяком случае, просто играть.

— Вы нам звонили, не отпирайтесь. Зачем? — спросил самый юный, Перов.

— Мы хотим забрать у вас все вечера на неделю вперед. В интересах, поверьте, науки и ваших собственных, — начал Тихон.

— Боюсь, что вы не учли интересов моих девушек, — повел плечами самый толстый из «Перуанского», Ранцев.

— Девушкам тоже будет лучше. Они отдохнут, — бросил Карл.

— Никак, никак не могу, — заторопился худой, унылый, уже старый (по-нашему) — тридцатилетний, верно, Иванов.

Перов, высоко вздернув узкую черную бровь, выразил готовность служить науке верой и правдой. Скирмунт погладил себя по прилизанным волосам и информировал Трех Согласных, что сначала он должен выяснить, в чем дело и какая именно наука имеется в виду.

И тогда начал говорить Леонид... Говорить? Нет, это было что-то высшее. Все в его речи оказалось именно там, где надо: и слова о том, что Перуанский войдет в историю, и утверждение, что они будут жалеть, если откажутся, и указания на мизерность недельного срока,

и намеки на возможность стать героем науки без риска попасть в ее мученики, и упоминание о том, что сами они, экспериментаторы, только кажутся молодыми. И правдивое перечисление их грамот и призов «по науке», и нагло-лживое зачисление Тихона (выглядел старше всех) в доктора наук, а Карла и Леонида в кандидаты. Красивая была эта речь...

Когда она кончилась, все четыре ипостаси мастера Перуанского чувствовали себя побежденными. Началась, правда, мелкая торговля на тему о том, в какое время лучше начинать опыты и когда удобнее их заканчивать, но это уже были детали. Теперь вступала в силу заранее намеченная НИИМПом программа.

— Карл дает сеанс одновременной игры на четырех досках, — объявил Тихон, — мы с Липатовым наблюдаем.

— Незачем, — смущенно возразил Иванов, — все мы наверняка проиграем.

— Вы договорились нас слушаться!

— Хорошо.

Да, играли они неважно. Все были где-то между третьим и вторым разрядом. Но играли явно по-разному. Кажется, что-то здесь можно было нащупать.

— Достаточно! — прервал игру Тихон. — Переходим к следующей стадии опыта. Перов и Ранцев играют консультационную партию против Фрунцева. Иванов и Скирмунт — против Липатова. Поставим часы. Контроль — полтора часа на тридцать шесть ходов.

Уже пора было расходиться по домам, когда закончились эти партии. Карлу с трудом удалось сделать ничью. Леонид выиграл, но после долгой и упорной борьбы, притом благодаря грубому зевку противников.

Снова и снова встречались НИИМП и мастер Перуанский. Трое Согласных соединяли его составные части

вместе по двое, по трое, по четверо, смотрели, чем игра одной половинки отличается от игры другой половины, трех четвертей, целого мастера...

И тут перед исследователями забрезжила надежда, недавно почти потерянная. От перегруппировки компонентов мастера Перуанского менялась не просто шахматная сила. Менялась и манера игры, другой характер приобретали ошибки и удачи.

Когда в очередную дробь мастера входил Ранцев, ее противник неизменно попадал в трудное положение по дебюту. А играть в этом случае эндшпиль не имело смысла даже при самом небольшом перевесе у «дробин». Так блестяще Ранцев знал шахматную теорию. И он получил условное прозвище «Теоретик».

Без Перова даже трем четвертям Перуанского явно было очень трудно определить общую цель, к которой следовало стремиться в данной позиции. Кроме того, он был еще «службой безопасности» — замечал самую возможность мало-мальски грубых ошибок.

Скирмунт явно задавал тон, когда разрабатывался стратегический план пути к этой цели.

Иванов лучше всех умел наносить тактические удары, быстрее находил способы использовать небольшое временное преимущество.

Перов стал в терминологии НИИМПа Инициатором, Скирмунт — Стратегом, Иванов — Тактиком.

В общем, та же классификация годилась и для коллективных гениев из других областей — науки ли, искусства ли.

...Ох, до чего же они устали!

Тихон, способный не спать неделями, время от времени осторожно позевывал; Карл, принципиальный противник всех снотворных и возбуждающих, украдкой от друзей глотнул таблетку кофенна; Леонид, болезнен-

но поморщившись, потер колено и лег на тахту, на живот, подперев голову руками. Никому из них и в голову не пришло, что завтра воскресенье и есть возможность выпастся как следует первый раз за последний месяц, а утро вечера мудренее, и, значит, стоило бы отложить этот разговор.

Нет! Опыты с мастером Перуанским были закончены. Нужно было подвести итоги. Ждать с этим?! И они только позволили себе подремать четверть часа в такси, по дороге от клуба к Тихону. А сейчас зевки, таблетки позы — все это было данью усталости, — данью, сверх которой эта самая усталость ничего не могла с них получить.

— Мы нашли четыре основные части таланта, — торжественно начал Тихон.

— Э, нет! — быстро перебил его Карл. — Основных ли — мы не знаем, таланта ли вообще — мы не знаем.

— Чисто теоретически, — глуховато проговорил Леонид, — из нашего анализа игры мастера Перуанского следует, что может еще существовать Страж — борец с зевками (тут по совместительству Перов). Есть место и для Расчетчика — тонко и далеко умеющего считать последствия отдельного хода.

— Тогда уж возможен и Координатор — он должен сводить воедино мнения остальных.

— Ну вот, Тихон, сам же говоришь! А только что рассуждал о четырех основных частях...

— И что? — Леонид резким движением поднялся с тахты, потянулся, встряхнулся, словно разбрызгивая остатки вязкой дремы, напрасно пытавшейся его одолеть: — И что? Будем, значит, искать еще основные части, дополнительные части, вспомогательные части! Мы

ведь играем! Играем! Теорию нам не создать. А вот гипотезу — удалось. Так поработаем с ней.

— Ну ладно, ладно. Я и сам так думаю. Только не надо забывать...

— Не будем забывать! — Тихон встал. — Сейчас я поставлю чай. И продолжим... Значит, мы признаем и объявляем основными компонентами коллективного таланта: Инициатора, Стратега, Тактика и Теоретика. Мы признаем и объявляем, что это относится не только к шахматному таланту, но годится и для талантов литературных, музыкальных, научных и т. п. Мы признаем и объявляем, что для участия в коллективном таланте каждый из его сочленов должен представлять собой достаточно четко выраженный тип Инициатора, Тактика, Стратега или Теоретика. Все!

— Дело за малым, — Карл потер лоб, поморщился, бросил в рот — уже не скрываясь — еще одну таблетку кофеина и продолжил: — Всего-то и надо, что определить, кто представляет собой такой-то тип достаточно ясно, а кто нет. Мы с вами без конца возились с тестами — можем мы хотя бы для себя решить, кто из нас кто?

— Так ведь нас всего трое! Кого-то одного не хватает (Тихон).

— Или кто-то совместитель (Леонид).

— Что же, — Карл засмеялся. — Очень похоже, что Тихон сразу Инициатор и Стратег, Леонид — Теоретик, я — Тактик, он же Страж, поскольку чаще всех сомневаюсь.

— Может быть, — сказал Леонид. — Но вероятней, что мы подлажены друг к другу по какому-то другому принципу — кто сказал, что найденный нами путь — единственный? Но мы нашли его. Его и будем исследовать.

...Почти черный чай, булькая, лился в чашки. Тихон поставил чайник на место, удовлетворенно вздохнул, протянул руку к сахарнице, достал кусок рафинада, обмакнул в чай... и выронил. Крошечные пузырьки отметили кривую, по которой сахар опустился на дно. С задумчивой улыбкой проследил Тихон его траекторию, откинувшись на спинку кресла. Но раньше, чем белый параллелепипед закончил свой последний путь, глаза Тихона закрылись. Он спал.

VIII. ДВЕ РУКИ, ТРИ РУЧКИ

Звонок сходил с ума минут десять. Но ни один из трех даже не пошевелинулся. Правда, к утру они успели устроиться поудобнее, но тем труднее их было разбудить.

Звонок работал минут десять безостановочно. Потом, после короткого перерыва, тренькнул последний раз — и смолк.

— А соседи говорят, что они должны быть дома, — грустно сказал высокий человек, в котором Трое Согласных сразу бы узнали Феликса Юльевича из института, где с ними ставили опыты.

— Видимо, ошиблись. Везет людям: соседи ненаблюдательные, — ответил его молодой спутник.

— Как хотите, Володя, я приеду сюда еще раз. С «осьминогом», и тут уж буду ждать до победного конца.

— Проще вызвать их к нам, — недоумевающе пожал плечами Володя.

— Вызвать! Сегодня же воскресенье. Кто им будет пропуска оформлять? А до завтра я ждать не могу.

— Ладно. Во сколько же мы с вами здесь встретимся?

— В двенадцать. И я захвачу с собой одного своего аспиранта.

...— Холодный чай имеет свои преимущества. Рака языка не будет, — сказал Карл.

— Могу разогреть, — встрепнулся Тихон.

— Да сиди, не надо. Поговорим минуту — и разбежимся.

— Погоди, звонок...

В комнату быстро вошли трое.

— А, профессор!.. — протянул Тихон разочарованно. — Нет, профессор, мы никуда не поедem, и не уговаривайте.

— И не надо. Вы нужны нам здесь, и не больше чем на час. Прибор с нами.

И профессор поставил на стол элегантный, но уже основательно потрепанный кожаный чемодан с блестящими латунными уголками.

Чемодан открылся, негромко шелкнув, профессор изящным жестом повернул его, открывая взгляду содержимое. На вставшей вертикально крышке чемодана оказался смонтирован небольшой пульт управления. Тем временем спутники профессора распаковали еще три небольших приборчика с аккуратными полукругами циферблатов. И подсоединили эти приборчики к пулту.

— Честь имею представить вам осьминога! — возвысил профессор голос. — То есть сейчас-то он треног, поскольку вас трое. Но можно подключать к нему до восьми вот таких приборчиков. А сейчас пусть каждый из вас сядет за свой прибор и не подглядывает к соседям.

Стрелка циферблата управляется с помощью боковой

ручки и ее надо поставить на нуль. На сколько именно оборот каждой ручки сдвигает каждую стрелку — задается нами на пульте управления. Но только имейте в виду, каждая ручка управляет и своей стрелкой и стрелками на чужих циферблатах. И только по движению своей стрелки вы можете судить о том, что происходит на других циферблатах. Задача: на нуль в конечном счете должны встать стрелки у всех трех сразу. Переговариваться нельзя. Ясно?

— Попробуем, — неуверенно отозвался Карл. Но неуверенность его оказалась излишней.

Трое Согласных довольно быстро нашли решение. Профессор отметил время — и изменил зависимость между стрелками. Решили. Все снова. И так еще и еще раз.

— ...Ну вот, — сказал профессор, — могу сообщить, кто у вас лидер, кто берет на себя руководство решением общей задачи.

— Мы и так знаем! — засмеялся Карл. — Тихон, конечно?

— Да, — профессор явно чувствовал себя уязвленным. — Ну что ж, проверим вас еще на одной задачке. Теперь каждого в отдельности. Всего-то и нужно будет теперь по одному повозиться со всеми тремя приборами — гляди на все три, конечно — крутить ручки, пока стрелки все сразу на нуле не окажутся. Ну-ка, Фрунцев!

Карл поудобнее устроился на стуле и взялся за дело.

Но стрелки его не слушались. Один из спутников профессора увел Леонида и Тихона на кухню — чтоб не мешали — и там вполголоса рассказывал им:

— ...Поневоле вспомнишь, что все суeta суeta. Ведь с этой задачей справляются все десятиклассники, почти все пятиклассники, большинство третьеклассников... А педагоги — все! — бессильны. Так у нас получилось

в одной московской школе. Первоклассники и те бы ее решили, если бы их не занимал чересчур антураж и не увлекала возможность поиграть стрелками. Домохозяйки решают эту задачу лучше инженеров, инженеры — лучше медиков, те — лучше людей с гуманитарным образованием. А ведь она моделирует поведение человека, которому надо одновременно разрешать несколько сложных проблем!

...Потом на кухню прошел, крутя головой, Карл: ему все-таки удалось «собрать» стрелки, хотя и почти случайно, как ему самому показалось.

Тихон разобрался со стрелками быстрее, потому что осознанно применил тот самый инженерный метод «проб и ошибок», который больше всего напоминал здесь настройку плохо работающего телевизора.

А Леонид разделался совсем быстро; тут же выяснилось, что он пошел к практике от теории: подвигав стрелки, составил в уме систему уравнений, решив которую, определил степень взаимной зависимости между стрелками; поставить потом эти стрелки на нуль было совсем несложно.

...После этого опыта все трое работали из рук вон плохо, вызывая законное возмущение у экспериментаторов.

Реакция трех друзей явно замедлилась, в их движениях не было прежней согласованности, сроки выполнения заданий резко растянулись. А когда в самый неподходящий момент все трое быстро переглянулись и рассмеялись, профессор рассердился и сказал, что испытуемым, видимо, пора отдохнуть.

— Вы бы не оставили нам осьминога? — мягко спросил Карл. — Это у вас не лишний экземпляр?

Ассистенты задохнулись от ярости, профессор — от неожиданности.

— Да зачем он вам?

— Нужен.

— Ну, сейчас нельзя, попросту лишних нет. Вот когда-нибудь...

— Когда-нибудь нас не устроит, — Карл меланхолично покачал головой. — Мы знаем, что нужно вам... Так вот: вы нам приборы, мы вам себя. Или, как говорили дворянам крепостные: «Приборы наши, а мы — ваши». Словом, мы принимаем участие в ваших опытах, если вы дадите нам самим поработать с вашими приборами. Самим!

— Вы же не психологи!

— Это наше дело. Но условие — непременно.

— Хорошо, — профессор пожал плечами. — Я говорю.

Карл знал, что делал. Их тройка была слишком нужна институту.

А радость Трех Согласных объяснялась просто: впервые в этот день они четко увидели разницу между собой. Не те, неведомо как измеряемые отличия, за которые людей любят девушки и не любят жены, а разницу, зафиксированную в движении стрелок на циферблатах.

IX. ЛЮБИТЕ ДРУГ ДРУГА

«...По графикам движений тех стрелок, оказалось, можно определять, кто Инициатор, кто Теоретик, Стратег или Тактик, конечно, тогда, когда он достаточно ярко представляет собой этот тип».

Карл громко засопел, трудолюбиво поставив жирную точку в конце фразы.

НИИМП сидел над первой статьей о своей работе.

Трое Согласных уже не были студентами. Скоро ведь, как известно, только сказки сказываются, а графики составляются куда медленнее.

И первую свою статью для печати НИИМП начал готовить на третий год после того, как его основатели окончили свои институты. Леонид успел за это время защитить кандидатскую диссертацию, получив при защите докторскую степень, и теперь заведовал отделом в математическом научно-исследовательском институте. Карл работал в районной поликлинике, Тихон — старшим инженером в приборном НИИ.

Работали от тридцати до сорока одного часа в неделю. И от сорока до пятидесяти часов в неделю каждый из них отдавал НИИМПу.

За полгода до того, как сесть за статью, ребята взялись за свой самый отчаянный опыт. Принцип игры оставался в действии — надо было замахиваться только на большое. И Леонид, недаром же он был математик, предложил создать коллективного гения, способного доказать Великую (она же Большая) теорему Ферма.

У него в НИИ была крошечная группка математиков, тративших все свободные часы на решение Великой теоремы. Маленький отряд огромной армии любителей и профессионалов, штурмующих вот уже сотни лет твердыню, которую сам Ферма захватил неведомым нам способом. Мимоходом записал он где-то на полях, что нашел доказательство теоремы, но так и не удосужился изложить это доказательство. Была у него привычка рассеянных гениев — записывать только вопросы, а не ответы на них. Но — это уже проверено на других задачах — Ферма никогда не бросал слов на ветер. Раз уж он написал, что доказал теорему, — можно верить. А теперь каждый год в математические институты мира поступают тысячи любительских работ

на эту тему. У ученых нет возможности разобраться во всех них. Частенько очередную рукопись просто отправляют в макулатуру. Поговаривают, будто среди этих работ, работищ и работок давно затерялось верное решение, к тому же и не одно.

В НИИ у Леонида фанатиков Большой теоремы было трое — Губерман, Евдокимов и Широков — Тактик, Теоретик и Стратег. Классический случай! Им не хватало Инициатора. Его надо было найти среди тысяч математиков и нематематиков, уже занимающихся Великой теоремой. Именно уже занимающихся! Потому что даже во имя Истины друзья не хотели идти на преступление. А подsunуть Великую теорему человеку, не переболевшему ею... Уголовный кодекс пока не имеет на сей счет специальной статьи. А зря!

Леонид набрал у себя в институте триста сорок адресов «фермистов» — и начался великий обход их. Обход, который закончился, когда на восемьдесят шестом своем визите Карл наткнулся на бывшего заведующего райжилотделом, ныне пенсионера Андрея Андреевича Баркашина. Хорошо, что на него наткнулся именно Карл, меньше всех в НИИМПе понимавший в математике. Потому что даже у Тихона, не ахти какого логика, встали дыбом волосы при виде записей гражданина Баркашина. И любой из тройки, кроме Карла, и не подумал бы привести этого пенсионера на испытания. А Карл — привел. Раз привел — возни немного, а лишний случай всегда пригодится для статистики. Андрею Андреевичу дали тесты, и он, пыхтя и почесывая плешь на макушке, заполнил их. Андрея Андреевича посадили за приборы, и он, пыхтя и облизывая губы, начал гонять стрелки.

Леонид посмотрел на его ответы — и ахнул. Тихон посмотрел на его стрелки — и пошатнулся. Это был

Инициатор в квадрате. Сумасшедший поток новых идей должен был биться в его мозгу — сумасшедших идей, потому что для разумных материала там не было. Собственно, теорему Ферма Андрей Андреевич давно забросил. Последнее время его больше занимали вопросы создания «вечного двигателя», а также происхождения человека в результате воздействия на обезьяний мозг вируса с Марса. Но шизофреником он не был. За это Карл ручался как психиатр. Но какие же у него оказались графики! Это был идеальный случай. Ему нельзя было дать пропасть. И Леонид кинулся в свой институт.

Евдокимов Егор Владимирович был сухим желчным стариком. Губерман, пожалуй, добрее и мягче, как и Широков. Но лидером этой группы, бесспорно, был Евдокимов, и убедить требовалось именно его.

...А Леонид думал, что он не умеет смеяться. Евдокимов гремел на весь коридор, и изо всех комнат выглядывали изумленные лица его — и Леонидовых! — сотрудников.

— Поглядите-ка на новоиспеченного доктора! Эх, молодой человек, вам, я вижу, степень в голову ударила. В сотрудники сумасшедшего пенсионера нам дать хотите? Посмеяться решили? Не выйдет! Я сейчас же иду к директору: или институту нужны вы, или мы трое...

С большим трудом, почти насильно, Леониду удалось завести его в лабораторию. И пробиться через стену истерических обвинений нелепым вопросом:

— Вы никогда не слышали, как скифы принимали самые важные решения?

Глаза у старика совсем вылезли на лоб, от наглости собеседника он даже замолчал.

— Так вот, совет старейшин — или какой там был

высший орган власти — напивался до полусмерти. И пьяные вожди начинали высказывать свои мнения. Два человека, остававшиеся на этом пиру трезвыми, тщательно записывали все предложения. На следующий день вожди — уже трезвыми — выбирали лучшие из найденных выходов. Вино ведь развязывало не только языки, но и фантазию. Нет, я не предлагаю вам с Губерманом и Широковым напиться. Роль алкоголя сыграет этот старичок. Если хотите, он будет машиной для выброса случайных чисел, то бишь путей к решению.

— Никогда бы не подумал, что Евдокимов сохранил столько сил, — грустно сказал Леониду директор, оказавшийся как раз по другую сторону двери. Именно на него налетел Липатов, когда разъярившийся старик вытолкнул его из лаборатории. Но Леонид достаточно знал людей, чтобы ждать, что через полчаса Евдокимов прибежит извиняться — и согласится на Баркашина... Слишком уж ему хотелось решить ту теорему.

Так все и произошло. Потом Липатов взял на две недели отпуск — чтобы у Евдокимова не было случая «вернуть» ему Баркашина. А когда Леонид пришел на работу, Большая теорема была решена.

— Один случай, именно случай, — сказал Тихон.

И они прибавили к двум физикам-теоретикам (и Теоретикам) физика — Стратега.

— Два случая — это слишком мало. Нужна серия, — сказал Карл.

И они ввели ярко выраженного Тактика в группу исследователей-микробиологов... И те до сих пор еще ничего не открыли. Но, во-первых, на все нужно время, и, во-вторых, в любых экспериментах возможны неудачи.

Эти рассуждения, впрочем, друзей не успокоили.

— Врачу, исцелился сам! — воскликнул Леонид. — Все ли в порядке с нашей собственной коллективной гениальностью? Может быть, нам сначала надо позаботиться о себе?

— Завтра мне дружинить надо, — сказал Тихон, — пойдем вместе, дежурство должно быть спокойным, вот и обсудим на свежем воздухе...

Назавтра и случилась история, описанная в первой главе. Трое Согласных встретили Игоря Плонского. Вводить его в НИИМП друзья поначалу не собирались. Просто в их картотеке было несколько десятков коллективов, которые нуждались в дополнительных компонентах. Но больше всего Игорь подошел именно для НИИМПа, здесь он и остался.

При его посильном участии были улучшены кое-какие тесты, сконструированы в ближайшие три месяца: а) выдающийся изобретатель (сам-три), б) талантливый химик (сам-пять) и, наконец, блестящий психолог (сам-четыре). Последний тут же мало того что принял-ся вовсю исследовать самих основателей НИИМПа, но очень быстро уловил их главную идею и принялся развивать ее. Тут, с одной стороны, он (они) восхищался ею и требовал скорейших публикаций; с другой — возмущался «до омерзения непрофессиональным подходом к делу».

Х. ВЫБОР ПРЕДМЕТА

Коллективный изобретатель только-только подал первую заявку, коллективный химик только-только создал свою первую пластмассу, когда Игорь задумчиво сказал на очередном «ученом совете» НИИМПа:

— Ребятки, а ведь вы отступили от принципов, а?

— Как то есть?

— Очень просто. Институт создавали для решения всех мировых проблем, а на одной успокоились. К гениальности надо было найти подход — тонкости тут и без нас разработают. Тот же психологический коллегий, которого мы только что сформулировали... Сейчас надо подвести итоги. Но только подводить итоги — скучно. Параллельно предлагаю заняться любовью — разумеется, проблемой любви. Разработаем алгоритм влюбления, а?

...Игорь вошел в НИИМП, как соль в воду. И уже самим Трем Согласным трудно было представить, что их когда-то (месяц, три месяца, полгода назад) было всего-навсего трое. Он предложил несколько новых тестов для поисков Стратега, предложил безошибочный способ выделения Проинициатора — человека, который только мог бы стать Инициатором, если его к этому подготовить. Игорь повел друзей к знакомому биологу, члену-корреспонденту, и тот после короткой беседы начал звонить то в «Доклады Академии наук», то в «Проблемы психологии», то еще куда-то, в туманных выражениях требуя внимания «к группе очень молодых, очень сумасбродных и очень талантливых людей». Потом член-корреспондент отключил телефон и приказал:

— Через неделю принесите статью. В трех вариантах, на два печатных листа, на лист, на три странички. Для разных редакций... Приложите образцы тестов и графики.

И они написали эти варианты. Сдали. Стали ждать. Собирались вместе. Искать таланты, выводить кривые, вертеть ручки не хотелось. Предложение Игоря об алгоритме влюбления прозвучало как раз вовремя.

— Я предложил эксперимент, — сказал Игорь. — За мной и право стать его первой жертвой.

— Право — вещь непрочная, нечто юридическое, и все, — забасил Карл, — эксперимент же дело серьезное. Что это за опыт, о котором подопытный знает заранее?

— А ведь верно, — Тихон задумчиво потерся щекой о собственное плечо, — лучше взять испытуемого со стороны.

— Но тогда и изучать мы его будем со стороны, — уверенно отпарировал Игорь. — А тут я, ученый, окажусь внутри меня — влюбленного. Представляете?

— В принципе, — сказал Леонид, — этот опыт вообще не представляет собой ничего особо интересного. В литературе его ставили сплошь и рядом. Например, в романе «Властелин мира» или в опере «Любовный напиток»...

— А опыт над Беатриче и Бенедиктом у Шекспира?! — радостно закричал Карл. — Там же просто говорят каждому в отдельности, что другой влюблен. И все.

— Где там?

— В «Много шума из ничего».

— Ну разве это эксперимент был? — снисходительно сказал Тихон. — Взяли-то всего-навсего один прием, который в тысяче других случаев не помогает.

— Конечно! У испанцев даже поговорка есть: «Если женщина должна стать как пламень, мужчина должен быть как лед», — со вкусом произнес Игорь. — Нет, мы сначала разработаем алгоритм любви на основе всего накопленного мировым опытом, а потом уж его и применим.

— Разработаем, разработаем, — охотно согласился Карл. — Уже начали ведь. Только ты скажи, почему тебе так хочется влюбиться?

— ...Она была хороша... собой. Я смотрел на нее глазами не просто влюбленного, а влюбленного антрополога. И видел, что передо мной тот самый идеал женщины, который искали в мраморе Праксители и Мйроны, отчаявшись найти его в жизни. Строго на месте были все кости, косточки и мышцы, безукоризненно правильна дуга бровей и точно прочерчен овал щеки. Только рот был чуть-чуть неправилен — достаточно, чтобы при малейшем намеке на улыбку обнажались зубы — такие ослепительные, что засвечивали пленку, и у меня не осталось ее фотографий. Она говорила мне: я устала — и я нес ее на руках по Арбату. Месяц я встречал ее после работы, а от ближайшей станции метро было туда ходу восемь минут. Двадцать пять научных работ я задумал за эти двадцать пять восьми-минут, двадцать пять идей были разработаны за эти минуты до тонкостей, насколько это было возможно без эксперимента.

Так продолжалось месяц. А через неделю после того, как этот месяц кончился, мой лучший друг попал в автомобильную катастрофу, и я ни разу не навестил его в больницу...

Через две недели после этого я насмерть разругался со своим научным руководителем — точнее, он со мной. Ругал он меня за дело, все у меня из рук валилось, но мне было все равно, и мы расстались...

Через год после того месяца у меня тяжело заболела сестра. Я искал для нее профессоров, старался как будто, переживал, мучился, но все — как будто. Мне было все равно... Три года было все равно. И когда я от вас, дружинников, убегал, тоже было почти все равно. Ну, а теперь — хватит. Клин клином!

— Что же, — сказал после долгого молчания Ти-

хон, — кандидатура, очевидно, утверждается. Тем более что у Плонского как раз развязался шнурок на левом ботинке, а это хорошая примета. Кстати: предлагаю дополнить структуру института сектором любви. Заведующим назначить тов. Плонского И. М. Проголосуем? Единогласно.

— Теперь выберем предмет любви, — предложил Карл.

— Куда торопиться? Алгоритм-то не выработан! — удивился Леонид.

— Выбор предмета тоже работа на алгоритм, — ответил Карл.

— Объектом любви, видимо, должно стать лицо, неизвестное объекту опыта, — сформулировал Тихон. — Лучше всего пойти сейчас на улицу и познакомиться с первой встречной девицей от семнадцати до... сколько тебе, Игорь? Двадцать семь? Значит, до двадцати восьми лет. Чтоб опыт был чистым.

— Ничего не надо доводить до крайности. Так ты можешь потребовать, чтобы избранница была уродливой — красивую, мол, и без алгоритма полюбить можно. (Это Карл.)

— И потом, кто будет знакомиться с этой первой встречной? Я? — Игорь поежился. — Неужели вы думаете, что я справлюсь с ролью уличного ловеласа?..

— Опять же, — протянул Леонид, — предмет любви должен быть человеком, за которым мы могли бы наблюдать, не ставя его в известность об эксперименте.

— Алла, — сказал Карл. — Алла. Сам бог велел. Мы тут ее забросили, когда наткнулись на коллективную гениальность, а сестричка-то моя тем временем подросла...

— Знаем. Чемпионка, слава богу, — сказал Игорь. — Только, извини, она же девчонка, и почти совсем некрасивая. И потом, мы с ней вместе четыре года назад за район в шахматной команде играли. Не заметить я ее, конечно, не мог — до сих пор помню, как она проводила в королевском гамбите контратаку черными. Но как я ее тогда увидел четырнадцатилетней девчонкой, так до сих пор девчонкой и воспринимаю. Так что на роль предмета она, по-моему, не годится.

— Отлично! — обрадовался Тихон. — Как раз то, что требуется.

ХІ. УДАЧА

(Отрывок из незаписанных воспоминаний Игоря Плонского)

Когда я оглянулся, она теребила наполовину снятые перчатки. Спокойно, деловито стаскивала их, будто ей надо было вымыть руки. Впрочем, что именно она делала, в тот момент меня не интересовало, и я даже мысленно на этом жесте не задержался, хотя потом вспомнил его. Ужасно было то, чего именно она не делала. Она не бежала к ближайшему милиционеру. Не визжала, созывая прохожих. Не кидалась, размахивая сумочкой, между мною и...

Их было трое. Высокие, уверенные в себе и налитые здоровой наглостью, чуть подвыпившие веселые парни. Им было хорошо и весело в пивной, хорошо и весело на улице, хорошо и весело в автобусе, и они не собирались долго подбирать слова для выражения своей веселости. И своего мнения об единственной понравившейся им пассажирке. К ним привязался невесть с чего

типчик в очках? Отлично. Выйдем вместе из автобуса — и нам будет еще веселей. Захотел покрасоваться перед своей девицей? Молодец! Сейчас ей будет на что посмотреть. Красивый будешь. А потом за нее возьмемся...

Последние две фразы мне не пришлось додумывать — я их услышал сам. Парни не торопились, растягивая удовольствие. А я прикидывал про себя: центр тяжести у меня низко, удары я переношу неплохо, сразу не свалюсь, минуты две выстою. А тем временем авось кто-нибудь позовет милицию: только не я! И, к сожалению, не она. Да, захотел я показать себя рыцарем перед любимой девушкой. А эта любимая теребит перчатки...

Самый высокий из трех решил, что пора переходить к делу. Шаг вперед, взмах руки, к концу которой привешен весьма увесистый кулак — цвета и веса японской бронзы. Я сделал шаг назад и пригнулся, пропуская кулак над своей головой. «Ударить его в живот? Нет, подожду. В данной ситуации не стоит бить первым. Вдруг да можно будет все-таки обойтись без драки...» — безнадежно подумал я, провожая глазами огромный кулак, точно пушечное ядро, чуть ли не с шумом рассекший воздух. И я увидел, как на запястье рядом с этим ядерным кулаком опустились белые пальчики, тонкие пальчики, гибкие пальчики моей любимой. Они помогли бронзовой руке пройти до конца всю амплитуду заданного ей размаха и потянули еще чуть дальше, слегка встряхнув ее при этом. Чтобы такой здоровенный парень так визжал? Алла изящно придержала верзилу за отворот пиджака — придержала ровно на треть секунды, только для того, чтобы бедняга не ударился слишком сильно головой об асфальт.

Словно делая давно отработанное па в танце, де-

вушка шагнула мимо меня ко второму из весельчаков. Она взяла его за руку у плеча, мягко развернула парня вокруг оси, точно это была огромная ватная кукла, и опрокинула ошеломленного и даже не пытающегося сопротивляться верзилу на подставленное ею колено. Впрочем, столь же мягким и грациозным движением она тут же убрала колено из-под его поясницы, дав своей жертве плавно соскользнуть на тротуар.

Мы с третьим парнем поняли одновременно, что же происходит у нас на глазах. Для него это было вовремя, для меня — поздно. Потому что, когда я кинулся на противника, сообразив, что предоставил девушке меня защищать и что эту ошибку необходимо исправить, третий весельчак тоже кинулся — в противоположную сторону. И шансов догнать его у меня не было.

Итак, все началось тоже с драки. Только в этой драке у меня была другая роль.

— Что ты пригорюнился, дядя Ига? — спросила девушка. — Да ну же, улыбнись, видишь, я самбистка, дядя Ига.

Это обращение было последней соломинкой, сломавшей спину верблюду. Я так и не стал для нее за последние два месяца просто Игой, Игорем, Гариком. Я был перед ней так же беспомощен, как эти вот ползком убирающиеся хулиганы. Нет, еще беспомощней. Потому что не мог убраться — даже ползком.

...Нет, смог. Ушел. Сел в такси. Ввалился в квартиру. Лег. Опыт удался! Удача.

Изгибы фарватера, по которому должен пройти корабль моего амура, были мне известны заранее. Я был проводником НИИМПа по сотням книг о любви земной и небесной, по толстым томам романов и вузовских учебников, по социологическим диссертациям и мемуарам авантюристов. Я брал интервью в семьях,

которые казались соседям счастливыми, и расспрашивал донжуанов районного масштаба об их методах ухаживания. И сам же я — вместе с друзьями — разрабатывал все четыре типа, восемнадцать классов, тридцать вариантов и тридцать восемь подвариантов с вариациями и отклонениями — все разновидности Великого Алгоритма Любви.

И все-таки...

Это было так, словно экскурсantu показали великолепный дворец, а потом сказали: ты будешь его хозяином.

Это было так, словно старшекласснику на уроке вместо диктанта велели писать стихи.

Это было так, словно шахматная ладья выросла просто в ладью и предложила шахматисту прокатиться в ней по доске, ставшей морем.

Это было радостно и страшно, но прежде всего странно. Одно дело — искать с карандашом в руках выход из лабиринта, начерченного на бумаге. Другое — пробираться вслепую по этому же лабиринту самостоятельно.

Впрочем, почему вслепую? У меня был план. И я был уверен, что он мне помешает: ведь задачей было заблудиться. Тихон тоже — только по другой причине — был уверен, что план помешает. Мы оба ошиблись.

Я случайно наткнулся на случайно вынутый и случайно забытый у меня Карлом захваченный им из дому сестрин носовой платок. И конечно, сразу определял, что мои друзья избрали в шестом классе четвертого типа на пятом такте вариант «А». Но духи, которыми пах платок, были тонкие, очень тонкие, такие тонкие, что через них насквозь проходил запах ее щек.

Аллу навелили при мне на разговор о литературе —

и я знал, что Тихон, или Карл, или Леонид нарочно выбирают любимых (или наоборот) и ею и мною писателей. Я должен был увидеть общность наших вкусов.

Тихон затевал с ней спор о статуях острова Пасхи. Карл — о разновидностях дальтонизма. Леонид — о математической теории групп.

И я знал: затем, чтобы поразить меня ее познаниями. Подумаешь: я и без того знал, что она такое, моя Алла.

Однажды я неудачно — слишком грубо — подшутил над неловкостью общего знакомого. Ого, какую я получил отповедь. А потом я поймал улыбку на лице Леонида и сообразил, что это он подкинул мне повод для дурацкой шутки, закинул крючок и поймал меня, бедного, в точном соответствии с подвариантом третьим варианта «А» (класс и тип я уже называл). Отповедь, справедливость которой не оспоришь, — она очень способствует, как было записано мною самим четыре месяца назад, она очень способствует влюблению.

Когда им надо было, чтобы мы не виделись, Карл увозил Аллу, или Тихон увозил меня, или Карл и Леонид проверяли на ней свои очередные задачи. А когда они находили, что нам с ней надо чаще встречаться, Леонид отправлялся в очередной набег на бильярдную, стадион или пивную, и я начинал водить Аллу в театры и кафе.

А потом я как-то неожиданно для себя обнаружил, что дело дошло уже до восемнадцатого такта, между тем как самые стойкие и невлюбчивые люди, по нашим предварительным предположениям, должны были сдавать где-то на шестнадцатом такте.

Значит, алгоритм не подействовал? Тут я в тревоге оглянулся на себя, подумал о себе — впервые за эти

дни о себе, а не о ней — и понял, что попадаюсь, если уже не попался. У меня была еще надежда, что это попросту увлечение, которое быстро пройдет, если я сумею продержаться недельку-другую.

И вот тут-то и случилась история с тремя веселыми парнями.

...Шла двенадцатая минута, как учредители НИИМПа стучались в мою дверь. Хотя могли бы догадаться, что я все равно не открою. Не открою? Но сквозь стенные панели до меня уже доносились шаги соседей, спешивших к глазкам, вделанным в двери квартир... Впрочем, почему через стенные панели? Звук шагов наверняка передается по полу.

Ага, кто-то уже вылез на лестничную площадку. Задаст им, и они уйдут. Имею я право на час одиночества? Да еще после всего, что случилось, после всего, что я сделал с собой.

«Я из рода бедных Азра, полюбив, мы умираем».

А как же тогда, черт побери, продолжали свой род бедные Азра? Поэтов сие не интересует. А тех, у дверей, не интересуют сейчас мои чувства и мысли, ни к чему им все это. Опыт есть опыт, я не маленький, сам дал согласие... Говорил ведь Тихон, что не стоит этого делать. Правда, соображения у него были другие. Кажется, я скоро возненавижу всех своих друзей. Во всяком случае, не хочу сейчас ни видеть их, ни слышать. У меня к ним аллергия. Аллергия? От имени Алла?

Ага, вышла Ангелина Федоровна. Сейчас она за них возьмется.

И тут я обнаружил, что уже не лежу, уткнувшись в безнадежном отчаянии в подушку, а сижу на кровати, прислушиваясь к голосам перед дверью. Может

быть, все-таки есть надежда? Все проходит? Нет! Временное облегчение. И уж настолько временное... Я встал и распахнул дверь.

Они ввалились все сразу, отдавливая друг другу ноги.

— Несчастный принц! (Это Карл.)

— Денег не нужно? Я могу сходить! (Конечно, Леонид.)

— Дон-Кихот с Малой Калужской! (Тихон.)

Нос Карла больно тыкался в мой висок, замечательный подбородок Леонида врезался в мое плечо, по щеке скользили усы Леонида и короткая широкая бородка Тихона.

Они от всего сердца лупили меня по плечам и спине. Они перекрывали своими голосами полнокровное возмущение соседей. Они доказывали мне — и самим себе, — что все в конечном счете в порядке. Но когда мокрые пальто и отнюдь не тускло блестящие дождевики оказались уже на вешалке, а я вернулся в лежащее положение, а они расселись у кровати, настало самое страшное. Все замолчали, исчерпав наверняка заготовленный еще на улице запас анекдотов, хохм и жизнерадостно-иронических замечаний в мой адрес.

— Итак? — спросил я.

Молчание.

— Ну? — спросил я.

Молчание.

— К чертовой матери!

— Нет, ты подожди!

— К чертовой!.. К чертовой!

Я не успел заметить, когда на моих глазах появились слезы. Еще секунда — и я пустил бы в ход кулаки. Только бы отделаться от свидетелей. Впрочем, какие они к черту свидетели? Соучастники!

Карл быстро и ловко повернул меня и сунул лицом в подушку, удобно уселся рядом, притиснув меня к стене, и объявил:

— Заняв председательское место, я, заведующий сектором бессмертия, объявляю открытым заседание ученого совета Научно-исследовательского института мировых проблем. В повестке дня два вопроса. Первое: подведение итогов опыта № 18. Второе: поиски способа ликвидировать результаты этого опыта.

— Надо как-то помочь Игорю выкрутиться, — констатировал Тихон. — Выхода два: или он должен разлюбить девушку, или ей придется полюбить его. Пскольку, однако, алгоритма разлюбления мы еще не нашли — правильно, сектор любви? — то остается только второе. Предлагаю заведующим секторами бессмертия и гениальности взяться за дело, начиная с сегодняшнего вечера. Брак, который будет естественным результатом, представит собой любопытнейший материал для сектора семейной жизни (так будет впредь называться сектор любви). К слову: опыт должен удался. Когда мы сюда шли, луна была с правой стороны.

— А как с этикой эксперимента на человеке? — робко спросил заведующий сектором предвидения.

— Я берусь получить у сестры согласие, — заведующий сектором бессмертия вскочил на ноги.

— А я отказываюсь от этого согласия, — я сел на кровати. — Отказываюсь. Такой любви мне не надо. В конце концов есть масса средств от любви. Начну принимать алкоголь, займусь высшей алгеброй... или, черт побери, уеду в Алуку.

— Ну да! И еще слетаешь на альфу Центавра и помолишься аллаху. Хорошо, что у тебя чувство юмора еще сохранилось. (Это Тихон.)

— Сохранилось! У меня ко всем на свете чувствам, они же эмоции, скоро будет аллергия. В конце концов наука требует жертв. Я же добровольно пошел на эксперимент, отлично зная, чем это кончится. Если бы понадобилось заразиться холерой и я тяжело заболел бы или даже умер, ведь вы бы смирились с этим фактом? Вот и теперь смиритесь.

— Мы бы тебя лечили. И сейчас хотим лечить. Ни больше ни меньше.

— А насчет алгоритма вообще и тебя в частности никто из нас Алле даже и не заикнется. На такой компромисс согласен? — сформулировал условия соглашения Тихон. — Кстати, ребята, имейте в виду, если мы скажем Алле все, то лишим эксперимент чистоты.

— Эксперимент! — возмутился Карл. — Мы же спасаем товарища!

— Конечно. Но почему бы не соединить приятное с полезным? Вот у нас и появится второй параллельный случай. Ну и, что особенно важно, новый объект — особа другого пола...

Карл схватил меня за невольнo сжавшиеся в кулаки руки:

— Ну что ты всерьез принимаешь этого помешанного? Недаром же он у нас сидит на отделе контроля. Но сам ты в цугцванге. Действуй, а не раздумывай! Словом: или — или!

Мне было очень трудно отказываться от единственной надежды. Так трудно...

— Хорошо... Но вы уверены, что это этично?

— Вот обормот! — рассвирепел Леонид. — Коли тебе так нужно оправдание, мы проголосуем: кто за компромиссное предложение? Принимайте компромисс: «Мистера полюбит мисс!»

Три руки поднялись одновременно. И деловой голос

Тихона произнес: «По поводу мотивов голосования. Полагаю, что новый эксперимент необходим прежде всего для новой проверки действительности алгоритма Плонского».

— Алгоритма НИИМПа, — поправил я.

— У НИИМПа будет еще черт знает сколько алгоритмов. А тут ты главный автор и первая жертва. Заслужил, не стесняйся. Карл, протоколируй — или есть возражения?

XII. ПОРАЖЕНИЕ

(Отрывок из незаписанных воспоминаний Игоря Плонского)

Телефонный звонок.

Это была она.

Что они сделали? Я не могу сейчас даже вспомнить, что должно быть первым действием алгоритма. Хотя это понятно, я же не знаю, какой вариант они выбрали. А если они ошиблись и ничего не выйдет... Лучше бы вышло. Раз уж мне пришлось согласиться. Ведь не согласись я — они все равно бы это сделали. Сделали бы, и все. Боже мой, какой же я трус! А еще клятву давал. И сам сочинял ее. Счастье — прежде всего для других... Нам — прежде всего истину... Другим счастье через истину... Нам — истину, хотя бы ценой счастья... Нет, я допишу историю с клятвой потом.

Надо торопиться.

— Алла, мне срочно нужно тебя видеть. Ждешь? Это хорошо. Бегу.

Пока они не успели сделать свое дело. Свое? Мое дело. Я же согласился, подонок. Бедная девочка попадется, конечно. Что может обыкновенный человек в оди-

ночку против коллективного гения? Как же — весь НИИМП, да еще со своим алгоритмом. Кстати, алгоритм — это не от имени Алла? О господи!

...Такси!.. Очень удачно. А между прочим, у Шекспира без всяких алгоритмов шутники-придворные Бенедикта и Беатриче свели — любо-дорого... Чудак, я же сам, сам в ответ на этот пример Тихона возражал, что тут один из вариантов возможных действий, что мы его не перенимаем, а учитываем.

Так или иначе, Алла должна все знать. Но ведь тогда... Не может быть! Я готов держать пари, они уверены: я немедленно побегу к ней, чтобы предупредить. Благородный герой. Благодарная героиня. Нормальный ход для варианта четыре дробь альфа. С Леонида станется. Ага. Значит, надо просто добиться, чтобы Алла сошла со сцены. На время. Пока они не остынут ко всей этой истории, не поверят, что у меня все прошло. Но как ее убраться? Как заставить уехать? Не-воз-мож-но.

Одну секунду! Я включу ее в экспедицию Фарида. Он как раз отправляется через пять дней. Авось за пять дней они ничего не успеют сделать. А Фарид мне не откажет. А если для крепости применить еще алгоритм... Я ведь не могу пустить его в ход ради себя. Но для других... Фу, черт, сам хочу уже Алю замуж выдать. Нет, этого я не сделаю. А Фарид попросит ее на месяц у факультета, ему не откажут.

— Будьте добры, остановите машину у первой телефонной будки... Спасибо.

Я поднял трубку. Твердой рукой набрал номер.

— Фарида Файзуллаевича... Я хотел тебя попросить... Все, что угодно? Диктую, записывай: Московский государственный университет, биолого-почвенный факультет. Тебе не откажут. Потребуй студентку Аллу Фрунцеву. Ага, слышал о ней? Ну, да ты же шахма-

тист. И увези, ради бога. Так вот. От кого я ее спасаю? И ты готов помочь? Сукин сын! От себя, и только. Но она об этом знать не должна. Усвоил?

От автора.

В четырех московских квартирах через сутки телефоны проснулись около пяти утра. В четырех квартирах семнадцать человек (в общей сложности) прокляли все на свете и прежде всего того, кто не дает им доспать свое.

И все проклятия сыпались на голову несчастного Алиного брата. Это он поднимал тревогу. Это он звонил ни свет ни заря. Это он не жалел ни своего, ни чужого времени, не говоря уже о здоровье, чтобы породниться с Игорем. Во что бы то ни стало!

И сотрудники НИИМПа с этого момента откровенно забыли о своей основной работе — говоря точнее, о той работе, где они получали зарплату. Один из них добивался, чтобы Аллу не приняли в экспедицию. Другой — отсрочки экспедиции. А третий на случай неудачи принимал меры, чтобы уложиться в оставшийся срок.

Правда, тут же выяснилось, что они не знают, какой из двух основных типов алгоритма применим в данном случае: то есть должна ли Алла знать о любви Игоря. Заведующий сектором гениальности ссылаясь на стихи западного классика: «Любовь, любить велящая любимым», а также на все тот же счастливый эксперимент, поставленный героями Шекспира над Беатриче и Бенедиктом.

Заведующий сектором бессмертия опирался в споре на изречения восточных классиков, а также на блестящую методику, примененную Жюльеном Сорелем к мадемуазель де ля Моль в классическом романе Стендаля «Красное и черное».

Заведующий сектором предвидения грустно указывал, что считает второй метод более верным, но для него нужно столько времени!

И все время чувствовалась нехватка Игоря. За минувшие месяцы НИИМП к нему слишком привык, участвуй он в разработке этой проблемы, она показалась бы куда проще...

И все-таки спор — неведомо для себя — разрешил именно Игорь, упорно отказывавшийся все это время встречаться с сотрудниками по НИИМПу.

— ...Ну, дядя Ига, скажи, на кого похож троллейбус? — теребила меня Аля.

Мне было, честное слово, не до образов и сравнений. Объяснение должно было произойти сейчас — иначе зачем бы я так торопился? И откладывать его я не имел ни права, ни возможности. А она радовалась хорошей погоде и тому, что у нее нашелся законный предлог оторваться от занятий, а может быть, и тому, что ее вытащил из дому именно я? Возможен же такой вариант.

Алин приподнятый носик — не нос, а русская народная сказка... Алины волосы — коротко подстриженные и оставленные хозяйкой в полном беспорядке — впрочем, я слышал, что такого беспорядка очень трудно добиться. Алины глаза сейчас зеленые, но я знал, что они могут быть и карими, и синими, и серыми, хотя этого не смог бы объяснить ни один антрополог. И Алина болтовня...

— Посмотри же, дядя Ига, троллейбус похож на одинокого такого, очень печального интеллигента. Он на ходу обсуждает сам с собой мировые проблемы, а в дождь протирает заплаканные очки. А «Волга»-то,

«Волга»-то — приглядишься, это же хищник, готовый к прыжку. Передние лапы сложены, притворяются радиатором, но нас с тобой не обманешь, правда? Ну, что ты молчишь? А какой поезд в метро, помнишь? Эх, ты! Да это же рассвирепевший бык, которому только платформа не дает побушевать вволю. Или... или очень-очень добродушный человек — вроде тебя, — которого разозлили до потери сознания. Ну, чего ты куksiшься? Я ли тебя не развлекаю! Господи! А ведь это следовало бы делать тебе. Что случилось, кто тебя обидел?

Надо было объясняться. Но как? Как? Я ведь знал, что это безнадежно. И все-таки.

— Да вот, влюбился я...

— Ну! Правда? Наконец-то! — запрыгала она вокруг меня. Голос у нее был радостный, но я готов был поклясться, что чистый лоб шахматистки на мгновение прорезала косая морщинка.

— Чему ты так рада? — спросил я.

— Да как же, мне Карл все уши прожужжал: ты, мол, в жизни разочарованный и в женщинах тоже. (Вариант второй, подвариант «д», — невольно констатировал я про себя.) Кончилось, значит, разочарование? (Погоди, погоди — на ее лицо нашла тень, оно стало серьезнее.) А в кого ты влюбился? Надеюсь, серьезная женщина? Не вертихвостка какая-нибудь восемнадцатилетняя? — и она с гримаской заглянула мне в глаза. — А она тебя любит? Даже если не любит, все равно хорошо, что влюбился...

Да, женщина всегда может предупредить признание мужчины, если не хочет его слышать. Так, кажется, сформулировал это Стендаль в книге «О любви». Или так сказал герцог Ришелье в мемуарах? Ну кто бы ни сказал, а он был прав. И снова на ее лице эта морщин-

ка. Что-то ей не нравится. Боится, что я все же скажу о своей любви? Зря боится.

— Приятно, что ты так мне сочувствуешь, — сказал я. — Но сейчас мне не хочется обсуждать эту тему. Знаешь, тебя хочет взять в свою экспедицию Фарид Файзуллаев. Экзамены тебе перенесут на осень.

Она очень обрадовалась.

XIII. СОТВОРЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

С горечью в душе, но с облегченным сердцем вернулся в этот вечер домой несчастный влюбленный. Правда, если бы он чуточку меньше был занят собственными переживаниями и чуточку больше поразмышлял бы, он, может, понял бы, что успокоился (успокоился!!!) раньше времени.

Алла рассказала брату, что Игорю срочно понадобилось за чем-то ее видеть. Деталей она не расшифровывала, но Карл и так понял, что Плоский назначил ей свидание, чтобы объясниться в любви. Тем самым НИИМП выводился из творческого тупика.

— Вариант первый, подвариант «и», раздел «ку», линия «бета», — деловито объявил Карл на экстренном заседании.

— Без участия предмета? — испуганно спросил Леонид.

— А на черта нам возиться с этим упрямым? Хватит! В течение оставшихся трех дней Алла должна:

а) выслушать об Игоре все самое хорошее, что можно сказать;

б) выслушать об Игоре все плохое, что может ее заинтересовать и вызвать потребность в его исправлении;

в) по крайней мере, по разу в день Аля должна получать сведения, ошеломляющие сведения о происшедших с Игорем событиях.

Я беру на себя первый пункт, — закончил Карл.

— Нет, — ответил Тихон. — Ты и без того сестре про Игоря всяческими сладкими вещами уши прожужжал. На тебе второй пункт. Конкретно продумаешь его с Леонидом. Мобилизуйте всю историю и литературу...

— Эх, Игорь, Игорь, — махнул рукой Леонид. — Что только мы сейчас из тебя сделаем!

— Хватит, Леонид. Пункт «а» выполняет твоя жена. Возражений нет?

— А третий пункт? Пункт «в»?

— Беру на себя, — сказал Тихон. — Леонид, ты математик, присоединяешься. Тем более что Вике твоя помощь вряд ли потребуется. И к слову: это же просто отлично, что Игорь наконец-то объяснился с Аллой и, судя по всему, получил отказ. Теперь мы можем быть уверены в чистоте опыта.

— А знаешь, Игоря должны послать в Стокгольм, на какое-то антропологическое совещание, — сказал Карл, подсаживая сестру в экспедиционный грузовик.

— Слышать я больше не могу о вашем Игоре! — услышал он в ответ.

О чем в тот же день и сообщил Тихону.

— А, черт, не зря мне сегодня приснилась ворона. Не справились мы, ребята. Придется идти на поклон к специалистам. В конце концов, наш коллективный психолог нам кое-чем обязан.

И Тихон пошел к «колгению от психологии», который в это время составлял лабораторию в Институте высшей нервной деятельности. И спросил его (или их, поскольку гений был четверным — классическое число со-

ставных частей), что делать, когда девушка не любит парня.

Первая четверть гения (Инициатор) была очень ехидна и сказала (сказал), что за эликсиром любви надо отправляться к алхимикам. Но остальные три четверти на нее (него) накричали и потребовали подробностей. Когда же они были выданы, экспансивный Инициатор резко изменил свою позицию.

— Дилетанты! — сказал он, оглядывая Тихона так, точно тот был напраказившим первоклашкой. — Дилетанты в психологии, а что удумали! Нет, не будь мы профессионалы, если вас не перещеголяем. Только не думайте, Тихон Васильевич, что я и вправду верю, будто вы влюбили Игоря Матвеевича в Аллу Ефимовну. Сосредоточили внимание двадцатидевятилетнего холостяка на хорошенькой девушке — и им еще сверх этого зачем-то понадобились типы, классы, варианты, подварианты, алгоритмы, логарифмы... А вот перед нами задача потрудней, — Инициатор задрал к небу свою мифистофельскую бородку, подумал секунду, потом повернул лицо к Тихону и закончил: — То есть настолько потрудней, что ее и решить-то нельзя. Вы успели добиться, чтобы ваш протеже опстылел своему предмету. Но попытка не пытка. Помолчите-ка минутку. Ну-ка, Сергей Петрович, что вы об этом думаете?

Без секунды промедления Теоретик ответил:

— У каждой девушки есть день, когда она так смотрит. И горе тому, кто встретится с ней взглядом. — И добавил: — Это из описания встречи Мариуса и Козетты в «Отверженных» Гюго.

— Отлично, — воскликнул Инициатор, дергая себя за бородку так, словно собирался оторвать ее. — Отлично! Примем за аксиому, что эволюция выработала, по крайней мере, у некоторых (если не у всех) мужчин

и женщин способ влюблять в себя представителей противоположного пола единым взглядом. Каковой взгляд принято называть огненным и огненным, ослепительным и ослепляющим. Давайте-ка разберемся, какими реальными свойствами должен обладать этот гипотетический взгляд.

— С другой стороны, — добавил Теоретик, — надо иметь в виду, что Ромео влюбился в Джульетту прежде, чем она на него посмотрела. Что так поразило его в ней? Очевидно, гармония. То, что привлекает нас в прекраснейших произведениях искусства.

— Но люди-то не схожи, — вставил словцо Тихон.

— Вас просили помолчать, — прикрикнул на него Инициатор и возбужденно забежал по комнате: — Да, внешность людей различна. На вкус и на цвет товарища нет. Но ведь совершенно разные симфонии кажутся человеку одинаково прекрасными. И многим непохожим друг на друга людям — тоже. Также одинаково прекрасными. Кому не нравится мадонна Литта? Или Венера Милосская? Все дело в достижении художником гармонии — той гармонии, которая соответствует требованиям нашей внутренней «программы». А программы эти должны быть у всех похожи.

Маленький юркий Стратег давно искал случая вставить словцо:

— В предмете любви мы находим гармонию. Гармонию лица, фигуры, костюма, прически, ну и помады.

Тактик возразил:

— А может быть, не гармонию, а дополнение к себе для достижения гармонии.

— Это чересчур уж мудрено. Лучше по-моему, — перебил Стратег. — Нельзя ли дать человеку какой-то знак, символ красоты? Свести гармонию к одной какой-то черте?

— И соединить эту черту с источником типа «взгляда Козетты»... — добавил Тактик.

— А почему бы и нет? — включился Теоретик. — Говорят, что глаз иногда может действовать как лазер.

— Ну, тут лазер вовсе не обязателен, можно всего лишь взять фонарь с определенным переходом цветов и частот вспышек, экспериментально подобрать эти цвета, — сказал Тактик. — К черту! Нет времени! Нужно что-то еще проще! — И, словно застеснявшись своего увлечения, неуверенно добавил: — Мы ведь шутим?

— Шутим, шутим, — закивал Тихон.

— Тогда возьмем за образец глаза моей Любы. Все тона от бледно-голубого до темно-фиолетового.

— Хорошо, но недостаточно, — сказал Стратег. — Нужен какой-то фон, приятный для взгляда, но не мешающий вниманию сосредоточиваться на источнике света.

— Что же, — сказал Инициатор, — примем за основу. А вы, — он повернулся к Тихону, — зайдите дней через десять. Можете считать, что заказ принят.

...Тихон пришел к Игорю в восемь утра.

И застал его не только на ногах, но и в парадном костюме и даже при галстуке.

— Куда ты такой торжественный?

— Сегодня у меня предэкзаменационная консультация. Положение обязывает.

— Прекрасно! Прекрасно! Возьми с собой вот эту штуку. — Тихон достал из портфеля плоский пакет и начал его разворачивать. — И найди способ показать ее своей аудитории. Там ведь девушек много?

— Да, большинство.

— Ну, я ж и говорю: прекрасно.

Бечевки расползлись, как вырвавшиеся на свободу змеи, лопнула серая оберточная бумага, разошлась белая, был аккуратно снят большой лист ватмана, и глазам Игоря предстала тускло поблескивающая многоконечная звезда неправильной формы, площадью с разворот общей тетради. В центре звезды находилась отливающая синим стеклянная линза.

— Что это такое? — подозрительно осведомился Игорь.

— Вешается на шею, — вместо ответа Тихон деловито продемонстрировал шнурок, прикрепленный к звезде с тыльной стороны. — А вот здесь есть кнопка. В момент, когда будешь показывать звезду, нажми на кнопку.

— Я спрашиваю, зачем это?

— Для науки, — Тихон засмеялся. — Или ты боишься показаться студентам с такой штукой на шее?

— Да нет, оправдание всему найти можно. Скажу, что это мне дал какой-нибудь этнограф, а я решил им показать, объясню уж. Антропология — наука широкая...

— Ну вот и прекрасно. Пойдем, я тебя провожу. Кстати: у меня левое плечо побаливает. Это к удаче.

Объяснять, зачем нужно показывать звезду студентам, Тихон явно не хотел. Может быть, это эксперимент не столько над ними, сколько над самим Игорем? Но, в конце концов, не все ли равно сейчас...

— ...Что это вы, Игорь Матвееч, в плаще в такую-то погоду?

— Да так, дождя боялся... — рассеянно ответил он тете Клаве, беря у нее номерок.

— Да что же это у вас, Игорь Матвееч? — Тетя Кла-

ва на правах женщины, за плечами которой уже пятьдесят лет, мало церемонилась с молодыми преподавателями. И ее палец ткнул в самую середину звезды, которую Игорь, скинув плащ, не успел прикрыть специально захваченным для этой цели шарфом.

Палец тети Клавы попал в кнопку включения фонарика.

— Ну вот, первый эксперимент и состоялся, — рассмехался Тихон, а Игорь ответил, торопливо накидывая шарф на плечи и грудь:

— Из Индии мне прислали, из Индии... Хочу перед студентами похвастаться...

Консультация проходила нормально. Если не считать того, что минут через пять после ее начала раздался легкий стук в дверь и на пороге появилась тетя Клава:

— Я вам не помешаю? А то дел у меня сейчас нет.

Тетя Клава и раньше изредка посещала консультации, семинары и даже лекции, поэтому сенсации ее появление не вызвало.

— Вот Юлия Любецкая спрашивала меня об особенностях индийского искусства в связи с проблемами этнопсихологии и так называемой психоантропологии. Стоит, стоит о них поговорить. Кстати, похваюсь: вот какую штуку мне недавно прислали на исследование. Один мой друг сказал о ней: изящна, как хорошая задача на мат в два хода.

Игорь размотал шарф, потом включил фонарик. Что сейчас будет? Ведь эти обормоты могли бог знает что придумать. Он настороженно ждал реакции зрителей. Ахи и охи, восторженные восклицания. «Но ничего сверх обычной девичьей нормы, — с облегчением подумал Игорь. — Разве что Рита... что с ней?»

— Рита, что случилось? Вы себя плохо чувствуете?

— Очень. Разрешите, я выйду.

— Пожалуйста.

«Итак, как будто все хорошо, — думал Тихон, сидя в первом ряду и пожирая глазами лектора. — Колгений провалился. И слава богу. Что бы мы делали с этой оравой, влюбись она в Игоря! И потом. Сколько мы говорили об этике, пока речь шла об одной Алле! А тут сразу, скопом, решили влюблять целую группу. Отлично, что ничего не вышло».

Игорь, естественно, не знал, удался ли опыт, поскольку не знал, в чем этот опыт заключается, и все шло, как обычно. Он отвечал на вопросы, объяснял, демонстрировал, цитировал и рассказывал. Тихонова звезда давно была плотно закутана шарфом, и все шло, как обычно... Только вот консультация что-то затягивалась. Вопросы, вопросы, вопросы. Игорь готов был поклясться, что ответы на некоторые из них знали сами спрашивавшие. Вот одна из девушек захотела узнать, не прочтет ли он ее заметку для стенгазеты. Ну, это уж чересчур! Игорь взглянул на стену. Консультация продолжалась уже больше трех часов! Четыре. Пять.

То-то все парни уже сбежали!

— Может быть, хватит? Устал я немножко.

— Конечно, хватит, — дружно поддерживали Игоря девушки. — Вы устали...

— Может быть, вызвать врача? (Это Оксана).

— У меня с собой анальгин (Лина).

— Давайте я вас, Игорь Матвееч, чаем напою (боже мой, тетя Клава).

— Нет, нет, я пойду домой.

— Я вас провожу. Мало ли... (Мирра).

— Мы вместе вас проводим! (Инна).

— Мы все вас проводим! (Оля).

...Он стоял у институтского подъезда, окруженный

девушками, и ничего не понимал. Тихон прислонился к стене неподалеку и растерянно улыбался другу.

— Ну как? — спросил Игорь через пышные прически. — Удалось?

— Более чем. Понимаешь, более чем...

— Это прекрасно?

— Не знаю, не знаю...

Невесть откуда взявшийся Леонид прикладывал себе дорогу через толпу.

— Даю справку, — сказал он, пробившись. — Аналогичный случай был в Древнем Багдаде. Девушки, на минутку отодвиньтесь. Мне нужно кое-что сказать по секрету вашему доценту. Так вот, Игорь, если верить арабским сказкам, один юноша выразил пожелание, чтобы в него с первого взгляда влюблялись все женщины. Оно было удовлетворено. Едва счастливец вышел на улицу, его схватила какая-то влюбленная старуха и на двадцать лет засадила в подвал. Имей в виду, я вижу здесь, по крайней мере, одну претендентку...

— Так вот что это за опыт!..

— Не делай вида, будто ты не понимал.

— Не понимал. Но сейчас не это важно. Мы в положении учеников Чародея из сказки. Заколдовать — заколдовали. А как мы будем их расколдовывать? Ты посмотри, ведь они не расходятся!

— Да, удалось, — сказал Леонид уже менее весело. — Удалось! Шах и мат. Только кому в конечном-то счете?

— ...Немедленное исчезновение Игоря из Москвы — вот единственный выход, — категорически объявил тем же вечером Тихон на заседании НИИМПа (Игорь собрал друзей у себя). — Доигрались. И я виноват в первую голову. К слову: не захотел обратить внима-

ния на то, что у меня последние дни все сигареты горят как-то сбоку.

— Говоря честно, — Карл вздохнул, — я был убежден, что никакого эффекта не окажется. Сляпали наши друзья свою звездочку по принципу: «А что делать?» Играли они.

— А мы с вами что делаем? Тоже играем. На выигрыш.

— И снова выиграли, — Леонид, самый безответственный человек в этой истории, был, несмотря на все, доволен ею донельзя. — Представляете, весь алгоритм любви оказался не нужен!

— Не преувеличивай, — к Тихону уже возвращалось обычное спокойствие, — алгоритм вызывает долгое и устойчивое чувство, звездочка — любовь-вспышку... По крайней мере, половина из девушек, бывших на консультации, уже сейчас забыла об Игоре. Завтра таких будет восемьдесят процентов, наши психологи за это ручаются. Результаты опыта сами собой ликвидируются в три дня.

В прихожей раздался звонок. Отворять пошел Тихон. Вернулся он с маленькой девушкой, сделавшей со своими волосами и глазами все возможное, чтобы походить на японку.

— Игорь Матвеевич! Я забыла спросить на консультации, как распределяются факторы крови у чукчей, — смущенно пропищала она.

— Лера, — Игоря шатнуло, — неужели стоило ради этого ехать через весь город?

— Вот вам и самоликвидация результатов, — простонал Карл.

— Н-да, это был опыт... — Тихона начисто покинуло обычное спокойствие.

— Какой опыт? — испуганно спросила Лера.

— Да жизненный, конечно, — досадливо перебил Тихон. — И вообще, выйдем-ка на минуту, ребята. На кухню, что ли...

А через четыре минуты к ним, приплясывая, вбежал Игорь:

— Ребята, ура! Она любит меня с тех пор, как впервые увидела в институте. Эксперимент ни при чем! Звезда ни при чем! А меня можно любить. Можно. А я-то думал... А для Леры мы уж придумаем алгоритм разлюбления...

— Вот это да! — с силой выдохнул Карл. — Этого уж мы никак не ждали. Повезло же нашему Игорю. А за что? Ну разве я хуже?

— Не пожелай жены ближнего своего, особенно если он ее не любит! — пробормотал Карл и вдруг пригнулся, точно перед прыжком: — Слушайте! А с какого времени любят его остальные? Те, что еще любят! Срочно на факультет, соберем адреса. Игорь, конечно, останется тут.

— ...Разденьтесь! — сурово преградила им путь тетя Клава. — Тоже, прутся в пальто. Так-то лучше. Погодите, погодите... а я ведь вас вроде видела, молодой человек... Не с Игорем ли Матвеичем заходили? Точно. Эх, вы, пальто запачкали... Да не беспокойтесь, милый, я почищу. Вы ж Плонскому друг. Хороший он человек, молодые люди. Очень хороший. Помню, увидела его первый раз, так сразу из всех выделила... Право слово. Такой обходительный, вежливый. Эх, не мои бы годы, я бы еще тогда...

— Когда тогда? — нервно переспросил Карл и потер свой нос.

— Так он же у нас года три спецкурс ведет, вы и сами, верно, знаете.

— Извините, пожалуйста, — сказал Тихон. —

Но нам уже не нужно в учебную часть. Верните, пожалуйста, вещи. И не сердитесь, пожалуйста.

— Что, если сказать об этом Лере? — мрачно спросил Карл. — А ведь придется, если у нее само не пройдет. — О женщины! Женщины! Какое воображение! И ведь они искренне верят...

— Мы тоже, — оборвал его Тихон.

XIV. ПРИЗНАНИЕ

(Отрывок из незаписанных воспоминаний Игоря Плонского)

Мы шли посредине мостовой, и машины покорно объезжали нас, недоуменно пофыркивая, а милиционеры, без сопротивления пропустив мимо себя нашу четверку, долго потом растерянно оглядывались: а где же киношники? Потому что иначе чем киносъемками нельзя было объяснить этот торжественный марш четырех парней между двумя потоками автомобилей. Мы шли в магазин «Академкнига» покупать только что вышедший журнал «Проблемы психологии» со статьей, подписанной Н. И. Имп. Мы были сегодня победителями — сыгравшие в орла и решку с истиной и выигравшие.

Рядом резко затормозил микроавтобус.

Тихон небрежно повернул голову и ахнул:

— Профессор, вы?

— Я, я. И за вами. Ну, учудили вы ребята. Едем.

— Нет. Мы в морские свинки больше не годимся.

— Свинки! Свинью вы нам подложили, это верно.

Не могли как-нибудь на семинар прийти да рассказать? Вы же гении! Гении! — профессор хлопотал вокруг нас, усаживая в автобус. — Знаете, куда я вас повезу? На совещание представителей комитета по космической

психологии, комитета по психологии труда, комиссии по инженерной психологии и всех институтов психологии, какие только есть. С утра на него людей собираем. Герои вы! — Одни космические тесты чего стоят!

— Но о них в этой статье ничего нет!

— В какой статье? Ах да! Но ведь дело не в ней одной. Михайлов передал ваши материалы на испытание. Они выдержали!

...На кафедре стоял огромный седой мужчина с парадно развернутыми плечами.

— Я начну свое выступление с исторической реминисценции. С воспоминания о том, как провел начальник штаба армии США генерал Маршалл первую ночь после нападения японцев на Пирл-Харбор. Он читал в эту ночь отчеты социологов и психологов, обследовавших личный состав армии США, пока в 1940 году такие обследования не запретили. И наутро Маршалл дал приказ возобновить их. Потому что из докладов социологов узнал, как стал возможен разгром в Пирл-Харборе. Ну, а нам таких уроков, как Пирл-Харбор, не нужно. Поэтому мы и собрались здесь сегодня, чтобы обсудить работу Н. И. Импа. И спросить у него, а точнее, у них, чего бы они хотели. И спросить друг у друга, чего мы сами захотим от них и для них.

В зале сидели люди генеральского вида в штатском и люди штатского вида в генеральской форме. Сидели люди, чьи фамилии знал весь мир, и те, чьи фамилии миру только еще предстояло узнать. А выступал вице-президент Академии наук.

НИИМП сидел в президиуме. Тихон просто и откровенно сиял, Карл о чем-то напряженно думал. Я чувствовал себя безбилетником в поезде — в конце концов,

я-то в НИИМПе совсем недавно. А Леонид был явно недоволен. Он сунул под столом кулак в бок Тихону:

— Что такое?

— Все слишком напоминает хэппи энд. Не нравится мне это. Для одних в хэппи энде важнее прилагательное. Для других — существительное. Я — за других.

— А я, — подал голос Карл, — ищу сейчас способ выяснить, не снятся ли мне зал, и оратор, и его речь...

— Не снятся. Но я против любых эндов, даже счастливых, — у Леонида заходили под кожей щек желваки, а товарищи все не могли взять в толк, чем же он недоволен.

— Ладно. Увидите сами. Объяснять ничего не буду.

От автора.

Такой взлет — от самодеятельности или полусамодетельности до высокого официального учреждения — возможен не только в фантастике. Вот — в жизни! — кучка энтузиастов на свой страх и риск занимается (как они сами заявляют под громкий смех наблюдателей) подготовкой межпланетных полетов. Время — рубеж двадцатых и тридцатых годов нашего века. Название организации энтузиастов: группа по исследованию реактивного движения (ГИРД). В числе ее вождей — Сергей Павлович Королев. Могло ли тут не быть удачи с превращением группы в институт, даже в институты?

Вот ученый, который служит в своем институте, да и вне его, очень удобной мишенью для критики. Какой отрыв от нужд жизни: физик бог знает сколько лет изыскивает удобные способы отделения тяжелой воды от обычной. Взрываются первые атомные бомбы — и его работа оказывается сверхнеобходимой. В наши дни расстояние от научного слова до научного дела проходит иногда в считанные часы.

...Мы стояли маленькой кучкой у большого стола в огромном кабинете.

— От души поздравляю вас, товарищи, — сказал хозяин кабинета. — Набирайте штат и действуйте.

Мы уже были в этот момент группой руководителей НИИКСПа — Института кибернетики и смежных проблем.

Нам объяснили, что Институт мировых проблем — это уж слишком, и зазнайство тут есть, и по-детски, главное. А под кибернетику все подогнать можно. А уж под смежные с ней проблемы — тем более. К тому же и директор у нас кибернетик.

Да, директором стал Тихон. Леонид руководил теперь отделом прогнозов (кому-то при утверждении штатов показалось, что в самом термине «предвидение» есть нечто мистическое).

Я возглавлял теперь не сектор любви, а отдел психологической совместимости малых коллективов, эмоционально-эстетического настроения и гармонизации влечений.

Карл стал заведующим отделом максимального prolongation жизни. («Какое уж там бессмертие! Да разве оно возможно? Не будьте идеалистами, молодые люди», — как нам сказал один академик.)

А сектор гениальности, оставаясь подчиненным Тихону, обрел название отдела оптимального развития способностей личности и комплектации научных коллективов.

Тяжелее всего эти переименования переживал Леонид — может быть, потому, что к нему все время приставали из разных малоответственных и путающихся в терминах организаций с просьбами предсказать погоду.

Зато какие у нас были кабинеты! И квартиры. Правда, Тихону удалось отбиться от наскоков началь-

ства и остаться в старой, обклеенной плакатами. Но на то он ведь и одинок — у остальных же были жены, или матери, или...

Впрочем, тут я немного забегаю вперед. И насчет квартир и относительно всего прочего. Потому что после того великого собрания, когда мы шли вчетвером к Тихону, пытаясь по пути осмыслить происшедшее, я заметил, как Леонид что-то прошептал на ухо Карлу. Тот в ответ только кивнул головой.

Чуть позже, уже у Тихона, именно Карл вызвался сбегать в магазин еще раз. Я вышел через пять минут. И успел увидеть черное пламя его волос в дверях почтового отделения.

...Я стал за его плечом, когда он, четырнадцать раз обмакнув перо в пересохшую чернильницу, процарапал нетвердой рукой на телеграфном бланке, вслед за адресом экспедиции и фамилией: «Все блестяще Игорь тебя любит ответь ему он гений приезжай Брат».

Я повернулся и вышел. Он, по-моему, так меня и не заметил. Ох уж эти молодые ученые! Только в кино они и умеют пигь — за исключением, конечно, тех, кто бывал в экспедициях.

«Кто бывал в экспедициях, тот поет этот гимн», — билась в голове строчка, которая может стать сносной только от долгого употребления.

Вернуться к Тихону? Нет. Надо действовать. Я кинулся наперерез первой же легковушке.

— Смерти захотелось, идиот? — Шофер протянул руку над опущенным стеклом и схватил меня за ворот рубашки. — Ох, дал бы я тебе...

— Извини. Мне надо к самолету. Десятка...

— А тут, — шофер выпустил рубашку и помахал рукой у сердца, — все чисто? Не ищут тебя?

— Нет.

— Садись, — сменил он гнев на милость.

Аэродром большого и относительно южного города. Такси. Грузовик. Экспедиционная машина, подвозившая на раскопки из ближнего городка продукты. И — почту. Я сидел в кузове почти в обнимку с мешком, где лежала эта самая почта. Очень милая девица с острым носиком, острым подбородком и острыми глазками болтала, сидя на скамейке, ножками с остренькими коленками. И переживала острый приступ любознательности.

— Да, да, и телеграммы. Здесь же, у вас в объятиях, — она тыкала в бочок мешка острым носком туфли. — А разве вам может сюда что-нибудь прийти? Вы же только приезжаете. Работать? Или так к кому? А кто вы?

Хорошо еще, что вопросы наплывали один на другой и я мог сделать вид, будто просто не успеваю вставить словцо между ними...

Но потом она замолчала, ожидая, очевидно, ответа на все вопросы сразу, и мне пришлось срочно заняться практическими физиогномикой и френологией. Прежде чем мы доехали до лагеря экспедиции, девушка успела узнать о своих способностях, возможностях, потребностях, вкусах и надеждах больше, чем за всю предыдущую жизнь.

...На Алле были меховая куртка, рубашка и брюки. Она стояла на коленях на дне раскопа большой квадратной ямы в три метра глубиной и зачищала стенку, попеременно работая большим садовым ножом и короткой толстой кистью.

У землекопов был святой десятиминутный перерыв после очередного часа работы, и они валялись на взгорке метрах в пятнадцати от раскопа. Алла на дне была одна.

И я спустился к ней по наклонной доске с поперечными планками. Доска пружинила, словно угрожая то ли сбросить меня раньше времени вниз, то ли подбросить высоко над раскопками.

Алла оглянулась и быстро встала на ноги. Кисть упала на землю, нож остался в руке. Она смотрела мне прямо в лицо, чуть-чуть щурясь, закусив запекшуюся губу, уронив волосы на перепачканный лоб.

Всю дорогу я знал, зачем еду. Знал, когда кидался почти под машину, лишь бы остановить ее. Знал, когда возвращал трап к уже готовому улететь самолету, знал, когда ехал, летел и снова ехал и шел через лагерь. А теперь не знал. Потому что опять все было ясно, и спрашивать было не о чем, а желание все-таки спросить, узнать от нее самой казалось нелепым и глупым.

И заранее приготовленная фраза: «Ты сможешь когда-нибудь меня полюбить?», раздражала своей книжной нелепостью.

Все. Ничего не нужно. Можно повернуться, уйти, уехать, улететь. И не для того, чтобы все-таки испытать судьбу, а просто, называя вещи своими именами, я сказал:

— Я тебя люблю.

— Я тоже. С первой встречи на матче.

А потом ручка ножа, который она забыла выпустить, уперлась мне в позвоночник.

А потом она отстранилась, поправила волосы и быстро сказала:

— Подожди меня где-нибудь рядом. Только надень пиджак. Слепни! Видишь, как я вырядилась от них!

Засмеялась, трогая свою меховую куртку. Крикнула:

— Ау, ребятки! Перерыв кончился...

— Честное слово, я этого не знал, — сказал Карл. — Но тем лучше. Поздравляю!

— Поздравляю, — сказал Тихон. — Но, значит, мы ломимся в открытую дверь?

— Поздравляю! — сказал Леонид. — И завидую. Жертвую собой для следующего опыта.

— Когда начнем? — спросил я.

XV. БУНТ НА БОРТУ

Теперь они могли работать по-настоящему. Сотни людей и миллионы рублей были к их услугам. Тихон отправлял одну за другой рабочие группы для обследования школ по всей стране — на предмет обнаружения гениальных коллективных педагогов.

Леонид вел математический анализ частоты, с которой встречаются в разных группах общества Инициаторы, Стратеги и т. д.

Карл заказывал все новые и новые аппараты для опытов по всем на свете видам психологии, парапсихологии и метапсихологии.

Игорь пытался связать внешний облик людей с выявлением в них черт каждого из психологических типов.

А кроме того, они создавали лаборатории и утверждали штаты, брали людей на работу и увольняли с нее, принимали высоких заказчиков и обхаживали еще более высоких, командовали старшими научными, просто научными и младшими научными сотрудниками, а также лаборантами, завхозами и бог знает кем еще.

А главное — собирали сами и заставляли других собирать коллективы, на которые они могли бы все это свалить. Потому что...

Потому что через два месяца после создания НИИКСПа его директор вызвал к себе заведующего отделом Фрунцева для конфиденциальной беседы.

— Значит, предполагаешь, что возможен вирус, передающийся от человека к человеку не болезнь, а здоровье? Прекрасная идея! Впрочем, даже если твой сектор... тьфу, отдел будет только подбирать коллективные таланты, способные решить психологические проблемы долголетия, и то он себя вполне оправдает. И вообще у нас все неплохо идет... Только, знаешь, совершенно неясно, что делать с отделом прогнозов. Наш Леонид отбрыкивается ото всех деловых заданий. Говорит себе, что на то есть специальные институты, и тут же называет, кому что следует передать. Я его уговариваю, а он и в ус не дуёт. Господи, каким же он был послушным в НИИМПе! Тогда ведь ты со мной куда больше спорил, чем он. Неужели завидует? Обидно, если так. Правда, он сам настаивал, чтобы директором назначили меня. Хотели-то его — еще бы, доктор наук, знаменитость, сила.

— Но он ведь не согласился!

— Ну да! И это, в конце концов, естественно. Как бы иначе он мог смотреть нам в глаза? Нет, к Леониду надо приглядеться. Чего он хочет? Теперь ведь мы не в игрушки играем. Государство дало такие деньги! Можно проверить столько идей! Мечта, да и только. И если он не хочет, пусть выделяется из института. Буду хлопотать об автономной лаборатории. Ведь это же смешно — хочет исследовать приметы. Я, сам знаешь, их часто вспоминаю, но исследовать... Институт же будет скомпрометирован... Раньше мы были голыми энтузиа-

стами. Что же — свои силы и деньги можно не считать, а государственные — обязательно надо. Что молчишь-то?

...Карл пристально смотрел на Тихона, словно видел его впервые. Потом отвел глаза в сторону, обежал ими огромный кабинет со столом-мастодонтом, еще одним столом — мастодонтышем, с башенными зубцами стульев над скатертями, с жирными креслами, бесстыдно раздвинувшими подлокотники...

Снова остановил взгляд на лице Тихона.

— А что говорить? Я хочу тебя послушать.

— Так послушай. Ты знаешь, мне дали зама сверху. Не сработались мы. Он уйдет. Хочу предложить тебе это место. Советуюсь с тобой уже как со вторым человеком в институте. Видишь ли, с Игорем тоже не все в порядке. Не по себе он ношу взял. Конечно, расставаться с ним не хочется, так надо подыскать заместителя поопытнее. Верхогляд наш Игорь все-таки. А может, его самого понизить? Ведь в НИИМПе он, в конце концов, без году неделя, согласен? Ну что ты молчишь?

— Сейчас буду говорить, — Карл откинулся в кресле и с силой втянул в себя воздух. — Так вот, дорогой мой, еще два месяца назад ты не умел превращать разговор в монолог. Теперь научился. Достижение. Я должен сказать тебе «да»? Я говорю: «нет». Один человек занимает в НИИКСПе не свое место. Это ты. Был организатором, стал администратором. Бывает. Посиди час, подумай. Потом сюда придет НИИМП. НИИМП, а не какой-то там головоломный НИИКСП. Понял? Если же тебя здесь не будет или ты окажешься занят — ну что же, мы увидимся завтра, Тихон Васильевич...

...Звонок телефона, соединенного с приемной.

— К вам, Тихон Васильевич, просятся Леонид Петрович, Игорь Матвеевич и Карл Ефимович.

— Пусть войдут.

Тихон встал и пошел навстречу своим ребятам.

— Итак, ядро ученого совета НИИ кибернетических и смежных проблем в сборе, — провозгласил он. — Отлично, друзья мои, мне хотелось поставить на ваше обсуждение ряд серьезнейших вопросов, а Карл, боюсь, понял меня неверно.

— Не пойдет, — засмеялся в ответ Леонид. — Имей в виду, сейчас для нас этого НИИКСПа не существует. К тебе пришел ученый совет НИИМПа.

(Да, есть же люди, которые всегда и всем недовольны. Леонид, это уж точно, один из них. Но Карл, Карл! Не думал, что он действительно их позовет...)

— Ребята, ну, рад, ну, садитесь...

— Слушай, Тихон, — начал Леонид, — мне кабинеты и секретарши надоели и в старом НИИ. Вот тебе заявление об уходе: или подпишешь — я уйду, или порвешь — поговорим.

— Ну что ж! — Тихон, не задумываясь, сложил заявление вчетверо и мелкими клочками отправил в корзину.

— Отлично, — сказал Леонид. — Тебе кажется, что мы недовольны. И ты этим возмущен. Еще бы! Вот Игорь. Везунчик! В НИИМПе без году неделя, к космотестам не имел никакого отношения и вообще не математик, не медик, не кибернетик, а жалкий гуманитарий. И стал заведующим отделом, мы его заставляем диссертацию писать. А все почему? Опыт над собой ставил! Так что, плохо, что ли, этот опыт кончился? Получил в результате жену, да еще какую! С него хватило бы. А то туда же. Еще чего-то хочет. Так ты думаешь? А это хорошо, что он чего-то хочет!

Тихон чуть не плакал, нижняя губа расплылась еще шире, щеки опустились:

— Ребятишки, сам вижу, что-то не то со мной, с нами. Но что вы-то предлагаете?

Карл обнажил в улыбке зубы:

— Тихон, я говорил, что один ты здесь не на своем месте. Я ошибся. Все мы. Мы же ведь не организаторы. Вспомни-ка тесты! В тебе больше от организатора, чем в нас, и все же недостаточно. А из этого надо делать выводы. Институтом и отделами мы руководить не можем. У нас свое дело — сборка талантов.

— Что же, распустим институт? Ты этого хочешь, Карл? И вы тоже?

— Нет. Ни он, ни мы, — молчавший до сих пор Игорь заговорил, потирая ладонью щеку, словно пытаясь стереть с нее бледность обиды. — И даже бросать институт мы не хотим. Просто надо найти на наши посты Организаторов. Или сформировать коллективные организаторские таланты.

— Точно, — отозвался Карл.

— И побыстрее, — поддержал Леонид. — Хорошенького понемножку. Поскорее надо отделаться от руководства. А то... было место, где мы делали все, что могли и хотели. А теперь еще и должны... Хватит.

— Что делать! — новый оборот разговора чуть успокоил Тихона. — Оскар Уайльд утверждал, что есть два вида трагедий: первый — это когда человеку не удастся добиться осуществления заветной мечты, и второй — когда удается.

— Даю справку, — пропел Леонид, — он, Уайльд, добавлял, что второй случай тяжелее.

— А у нас как раз второй, — мягко сказал Игорь.

— Шутить изволите? — разозлился Карл. — Когда король под шахом, рокировка запрещена!

— А шутка — нет, — обрезал Игорь.

— Что говорить, — вздохнул Леонид, игнорируя замечания Карла. — Когда возлюбленная становится женою, это как будто и хорошо...

— Хватит трепать, — Теперь серьезности требовал Игорь. — Так вот, НИИМП был идеальной возлюбленной, а НИИКСП — красивая, верная, хозяйственная, домовитая, но немножечко чересчур солидная и тяжело-ватая на подъем законнейшая супруга. А нам без возлюбленной не обойтись.

— И это ты, примернейший из мужей, говоришь такие вещи? Вот позвоню Алле...

— В нашем случае любовь должна быть по возможности платонической. Вот так. Эх, какие у меня есть мыслишки по части предсказания судьбы...

— А я кое-что надумал насчет того, почему иногда везет, а иногда нет. И кому везет... — вставил Леонид.

— Действительно, пора наконец выяснить, почему именно дуракам счастье! — радостно вскочил с места Карл.

— А вот еще есть отличная проблема: ясновидение, — предложил Тихон.

— Тогда уж и левитация, — подхватил Игорь. — Выясним, летают все-таки йоги или нет.

— Ну, это уж к числу мировых проблем не относится. Хочешь летать — иди в аэроклуб. А вот с везением кое-что можно придумать, — Леонид явно говорил серьезно.

— По-моему, тут больше замешана физика, чем психология, — задумчиво сказал Тихон. — Можно представить себе наложение некоторых законов четырехмерного континуума пространства — времени на нервную систему и поведение индивидуума...

— Черт тебя подери, — возмутился Леонид, —

слишком все просто получается, этак нам скоро придется проводить новую реорганизацию. Нет уж, давайте выбирать проблемы потруднее. Да здравствует платоническая любовь! — само собой, рядом с супружеской. Игорь, не пугайся...

— Ну, дети вы, дети, и только. Но — правы. Устами младенца... Нашел на меня административный зуд. Ну ничего, вы меня подлечили. К слову: не зря я сегодня на левую ногу споткнулся. К счастью.

— К слову, — засмеялся Игорь, — почему ты почти всегда вспоминаешь одни счастливые приметы?

— Потому что в несчастливые я не верю!

ПЕРЕД ПОСЛЕСЛОВИЕМ СЧАСТЬЕ ЦЕЗАРЯ (Статья, опубликованная Леонидом Липатовым в журнале «Сила в науке»)

...Недавно группа сотрудников Брукгейвенского синхрофазотрона (США) совершила с научными целями путешествие по курортам Франции и Италии. Эта поездка оставила заметный след в истории физики.

Ученые посетили по дороге столицу азартных игр и княжества Монако, город Монте-Карло. День, проведенный ими в местных игорных залах, останется памятен княжеству, государственный долг которого за этот день устроился! Физики выигрывали у нефизиков в карты, лото и домино, а главное — каждый из них по очереди «сорвал банк»: получил наивысший выигрыш в рулетку.

Сами физики тут же занялись выяснением столь

редкой удачи. Причиной оказалось недавно сделанное ими открытие особых частиц, названных карлонами. Концентрируясь в организме работающего на синхрофазотроне человека, карлоны, как полагают, настраивают ритм работы его организма так, что он совпадает с гипотетическим ритмом вселенной. Это и вызывает в итоге «эффект везения», «эффект удачи». Поскольку всякая элементарная частица является одновременно волной, за карлонами закрепили также название «волн счастья». До случая с Монако их действие не могло проявиться, поскольку физики, насыщенные карлонами, играли в азартные игры только между собой.

Решением Международной коллегии по научной этике (город Бредин) сотрудникам синхрофазотронов с мощностью больше 30 мегаэлектрон-вольт категорически запрещено играть в любые азартные игры...

Я сам придумал эту первоапрельскую историю. Потому что часто задумывался над тем, что же это значит: везение.

И над тем, кому, почему и как везет.

Да и вы, наверное, тоже над этим думали. Хотя бы мимоходом, случайно, «влестив» партнеру в подкидного дурака или зевнув фигуру в шахматной партии.

Но сначала выясним, точно ли об одном мы думаем. Договоримся о терминах.

Везение, удача, счастье (то, от которого — счастливчик, не то, от которого — счастливый) проявляются в тех случаях, когда человек достигает успеха, не соответствующего его способности и возможностям (причем ему не покровительствуют влиятельные лица).

А невезение, понятно, как раз наоборот.

Вы, наверное, знаете хоть одного счастливчика.

А может быть, и больше. Я, по крайней мере, трех. А уж конкретных случаев везения и невезения мы с вами можем припомнить немало, даже случаев, относящихся к нам самим.

Но эти знакомые и случаи свои у вас, свои у меня. Так есть смысл поговорить об общих знакомых. Например, об Юлии Цезаре.

Вот строфа из Валерия Брюсова:

...Вновь с рыбаком, надежды полный,
Тая восторженную дрожь,
В ладье гнилой бросаюсь в волны.
Гроза бушует вокруг. Так что ж!
Не бойся, друг! Пусть гибнут челны:
Ты счастье Цезаря везешь.

Юлий Цезарь и вправду как-то приказал лодочнику плыть вместе с ним в бурю, успокаивая беднягу категорическим указанием на свое счастье, сопутствующее Юлию с детства. И разумеется, ничего страшного не случилось... иначе бы мы сегодня ничего не знали об этом случае, да и вообще об Юлии Цезаре — ведь вся эта история случилась задолго до перехода через Рубикон и прочих громких исторических событий. Он не утонул. Мы слышали о нем. Но ведь о кинжале Брута мы тоже слышали...

Так как быть со счастьем Цезаря? Можно, конечно, посчитать, что оно оставило храброго Юлия, когда тот достиг вершины власти. А уж до того... Разве не оно помогало ему побеждать огромные армии, разве не оно устраняло с его пути менее удачливых конкурентов? Но о каком уж особом счастье говорить, когда перед нами талантливый писатель и оратор, блестящий полководец, хитрейший демагог и незаурядный политикан, к тому же знатнейшего происхождения? Если при всех этих условиях считать его возвышение следствием

везения... Скорее наоборот, тут «счастье» явно функция, прямое следствие личных качеств человека. Вера самого человека в свое счастье — всего лишь добавочное средство для достижения цели. И только.

Нет, нужны «чистые случаи» везения. Известны ли факты, когда человек, ничем особенно не выделяющийся, достиг завидных успехов на каком-нибудь поприще? Господи, да их полным-полно!

Есть у американского писателя Вудворда роман, посвященный истории средненького человека, ставшего миллионером. Герой романа — один из бесчисленного множества туповатых молодых людей, делающих свой бизнес. Вернее, только пытающихся его делать. Потому что бизнес делает их самих. Случайно получает он вместо денег, данных кому-то в долг, патент на мелкое изобретение. Случайно женится на девушке, которой взбрела в голову блажь на этот раз взять случайного знакомого не в любовники, а в мужья. Изобретение оказывается выгодным, жена — деловой, бизнес — удачным. Чисто случайные события позволяют ему и дальше извлекать выгоду из обстоятельств, сулящих как будто только неудачи. Да, один раз на сотню тысяч бросков монета может упасть не орлом и не решкой, а угодить в щель и остаться на ребре. История игорных домов знает случаи, когда на бесстрастной механической рулетке удавалось срывать банк. Теория вероятностей допускает такие случаи. А Вудворд так и назвал свой роман «Лотерея».

Немалое число западных кинозвезд ни в малейшей степени не обладает талантом. Чисто случайные обстоятельства выделили их из голодной армии киностатисток. Применительно к одному человеку это можно назвать везением (посчастливилось именно ему, а не кому-нибудь другому). Но ведь здесь бесполезно даже

ставить вопрос, почему именно ему. Лотерея есть лотерея. На какой-нибудь из номеров выигрыш должен выпасть, это не имеет никакого отношения к личности хозяина лотерейного билета.

В общем, получается, что везение человека легче всего объяснить или объективными причинами (Юлий Цезарь), или законом лотереи (вудвордский американец), по которому кому-то обязательно должно повезти. Посредственности везет по законам теории всроятностей, а гению — независимо от этих законов. Тут бы, кажется, и кончить все рассуждения насчет везения. Но дальше как раз и начинается самое интересное, самое многообещающее, хотя и самое зыбкое.

Оглянемся на Александра Даниловича Меншикова, любимца Петра Первого. Помните, Пушкин так и назвал его — «счастья баловень безродный». Что же, действительно, и ума, и оборотливости, и личной храбрости у Меншикова хватало, но таких, как он, были десятки и сотни... А он оказался выше всех других.

Лотерея? Лотерея! А вдруг не только?

Неужели и этот отчаянный человек оказался впереди равных ему лишь по той самой причине, по которой из сотни одинаковых камней в куче какой-то один должен лежать на самом верху?

Дальше? Любой из нас знает, что в его собственной жизни бываюг целые полосы везения и невезения. Тут, очевидно, многое зависит от настроения человека. Если оно хорошее, часто не обращаешь внимания на неприятности, которые в другое время сильно испортили бы жизнь. Ну и наоборот, при общем плохом настрое не радуешься хорошим новостям и слишком близко к сердцу принимаешь плохие. Но только за счет настроения нельзя отнести целые циклы вполне объективных успехов или неудач.

Поскольку же они могут сменять друг друга у одного и того же человека, то говорить об оправданности этих удач (неудач) его талантом (бездарностью) трудно.

Древнее суеверие предостерегает от слишком долгого везения — тем страшнее будет расплата с судьбою, когда начнет не везти. Прекрасная иллюстрация на эту тему — история самосского царя Поликрата, рассказанная Геродотом, переложенная в стихи Шиллером и переведенная Жуковским. Вы можете освежить ее в своей памяти, заглянув в сочинения любого из них. А суть этой истории в том, что Поликрату слишком долго и слишком явно везло; соседний царь предупредил его, что ему стоит самому нанести себе вред, не то боги позавидуют. Поликрат выкинул в море любимое кольцо, кольцо проглотила рыба, рыбу поймали и подали царю. Тут сосед воскликнул: «Беда над этим домом!» И был прав, вскоре Поликрата постиг трагический конец.

Народная мудрость давно отметила и то, что везению в одной области соответствует обычно невезение в другой («везет в картах — не везет в любви»).

Все это вселяет кое-какие надежды. Если везение только случайно, то его в принципе нельзя организовать. Но если тут можно нащупать кое-какие закономерности... Для меня очень обнадеживающе прозвучала вот такая история:

«В Атлантике наши рыбаки столкнулись с неразрешимой дилеммой. В одном месте всегда ловилась пикша, однако в весьма малом количестве. В другом — редко попадался морской окунь, но зато большими косяками. Казалось, разумного решения принять тут нельзя: осторожный капитан всегда предпочтет «синицу в руках» — пойдет ловить пикшу, и только любитель ри-

ска понадеется на «журавля в небе» — забросит трал на окуня. Лишь случай решит, кто из них был прав.

Математики скрупулезно исследовали данные о лове и пикши и окуня за довольно продолжительное время. Удачи и неудачи рыбаков день за днем, неделя за неделей превращались в беспристрастные цифры, которыми заполнялись клетки таблиц. Потом ученые взяли в руки испытанное оружие — метод Монте-Карло. Он дает возможность по известным результатам в прошлом узнать, как распределяются аналогичные случайные события в будущем. Расчеты показали, что самая надежная стратегия выражается соотношением 3:1. Это значит: надо кидаг жребий с четырьмя равновероятными исходами, и в случае выпадения одного, заранее обусловленного, следует ловить окуня. В трех других — пикшу.

Жребий — потому что рыба бродит по морю, подчиняясь лишь закону случая (или каким-то своим «рыбьим» законам, которых мы не знаем, а значит, не можем и учитывать). Раз случайно само событие, то и выбор, который предстоит сделать экспериментатору, тоже должен быть совершенно случайным. Нельзя, скажем, решить для себя заранее: первые три раза иду на пикшу, четвертый — на окуня. Как только в поведение рыболова будет внесена хоть какая-нибудь закономерность — это тут же приведет к поражению. Итак, случай, жребий.

А как бросать жребий — это уже безразлично. Можно перетасовать четыре туза и тянуть одного из них на счастье, «загадав на окуня», скажем, трефового. Можно взять наручные часы, и если при случайном взгляде на циферблат минутная стрелка окажется напротив числа, делящегося на четыре, следует попробовать «искусить судьбу» — пуститься на ловлю окуня.

Именно так и поступали в течение всего лова на траулере «Гранат». Результат этого простого опыта выглядел ошеломляюще — за две недели на палубу высыпалось 60 тонн «лишней рыбы»!»

Эту длинную цитату я взял из книги Льва Католлина «Кибернетические путешествия».

Выходит, можно предсказать, как надо поступать, чтобы тебе повезло! И мне пришла в голову вот такая мысль. А не стоит ли взглянуть на все приметы предстоящих удач и неудач, вроде черной кошки на дороге, пустых и полных ведер, счастливых и несчастливых чисел, как на отчаянные попытки отдельных людей и целых народов промоделировать везение или невезение, стихийно найти способ подладиться к неким еще неизвестным законам? Ученые знают: приметы возникают, когда чисто временную связь ошибочно принимают за причинно-следственную, делая вывод: после этого — значит, вследствие этого.

И конечно, нет причинно-следственной зависимости между появлением черной кошки и последующей потерей кошелька с деньгами.

Но разве есть причинно-следственная связь между тем, как именно выпадет жребий на палубе корабля, и последующими богатыми уловами рыбы? Нет! А между тем одно предсказывает, моделирует другое.

На свете есть немало явлений, не имеющих друг к другу даже отдаленного отношения, но подчиняющихся общим закономерностям. В Восточной Австралии, скажем, установили, что выпадение здесь осадков почему-то оказывается связанным с определенными фазами луны. Возможно, наше почему-то тут вполне на месте, и скоро будет выяснена прямая или косвенная связь этих двух природных явлений, и найдется ответ, почему же так происходит. А возможно, здесь нет и

смысла спрашивать, в чем дело, — перед нами просто случайное совпадение. Что же, теория вероятностей это не запрещает.

Одна и та же кривая, как вам охотно подтвердят математики, может быть графической передачей хода великого множества самых разных явлений.

Великий кораблестроитель А. Н. Крылов восхищался: «Казалось бы, что может быть общего между расчетом движения небесных светил под действием притяжения к солнцу и... качкой корабля на волнении... Между тем, если написать только формулы и уравнения без слов, то нельзя отличить, какой из этих вопросов разрешается: уравнения одни и те же». Владимир Ильич Ленин видел в единообразии формул отдаленных друг от друга сфер жизни весьма глубокий философский смысл «Единство природы, — писал он, — обнаруживается в поразительной аналогичности дифференциальных уравнений, относящихся к различным областям явлений».

Именно эта «поразибельная аналогичность» позволяет ученым подменять в своих моделях теплопроводность электропроводностью и, наоборот, заменять электрон гуттаперчевым шариком, бетон — водой и проделывать множество других столь же поразительных «превращений». А затем они судят по силе тока о температуре воды, по скорости воды в ванночке о напряжениях в теле мощного бетонного бруса... И делают это давно, и никто не видит тут никакой мистики.

Теперь представьте себе, что уравнение, характеризующее вероятность неких важных однородных событий нашей жизни, и другое, описывающее вероятность каких-то мелких явлений в той же жизни, аналогичны почти до тождества. По чистой, но вполне вероятной

случайности совпадают даже коэффициенты. Тогда закономерности одного явления оказываются целиком действительны и для другого, и по ходу событий в одном случае можно предвидеть, как будут они развиваться в другом. Теперь остается только предположить, что среди нелепых и ошибочных примет есть другие, тщательно отобранные народами Земли в итоге тысячелетнего опыта. Представим себе (взяв для простоты случай с той же черной кошкой), что частота встреч с нею как-то совпадает (пусть сверхприблизительно) с частотой жизненных неудач, и потому такие встречи предшествуют неудачам. Осмыслить этот бессознательный отбор примет было невозможно, а объяснить приметы, особенно в пору завоевания ими масс, требовалось. Вот и говорили о том, что в черных кошек часто превращаются ведьмы. Но разве факт исчезает только оттого, что его неверно объяснили!

Позволю себе обратить внимание вот на какую деталь. У нас, скажем, издавна считалось, что споткнуться на правую ногу — к несчастью, на левую — к счастью. Эта примета знакома всей Европе. А вот у многих африканских племен она понимается как раз наоборот — здесь «к счастью» споткнуться на правую ногу. Черт его знает, а может, такое изменение связано с тем, что негры живут в других широтах, на экваторе, а главное — южнее его? Ведь в этих местах даже реки подмывают не правый берег, а левый — сила Кориолиса, возникающая из-за вращения Земли, к северу и югу от экватора направлена в противоположные стороны.

Может быть, конечно, это только совпадение, одно из тех, о которых мы говорили. Но ведь как раз совпадения прежде всего интересуют тех, кто пытается разобраться в проблеме везения. И потом, когда-то даже

то, что гром звучит вскоре после молнии, тоже считали совпадением.

Уже никто не спорит с тем, что понедельник день тяжелый. Он потому и тяжелый, что следует сразу за воскресеньем, а после воскресного отдыха человеку нужно время, чтобы настроиться по-рабочему. И поговорку «утро вечера мудренее» никто не рассматривает как предрассудок.

А о совпадениях стоит поговорить. Разве не важно хотя бы попытаться определить, почему у отдельных людей бывают особые счастливые для них дни?

Оливер Кромвель, полководец и диктатор Англии, считал таким днем для себя третье сентября. В этот день он одержал (в разные годы) несколько блестящих побед. С этим днем были связаны важные события и в его личной жизни. Третьего же сентября Оливер Кромвель умер. Последнее, конечно, заставляет задуматься, был ли этот день для него таким уж счастливым, но проблемы совпадений никак не снимает.

Аналогичная, хоть и чуть менее яркая, история с датами известна и про французского короля Людовика XVI, причем тот был казнен в день, который с детства считал для себя счастливым.

Конечно, все это, возможно (скорее всего и даже наверняка), совпадение. Ну, а вдруг?

Во множестве охотничьих историй вы встретите упоминание о «волчьей пятнице». Волки в зимнюю голодную пору часто отправляются в набеги на деревни словно по расписанию, в определенный день недели. Причина, конечно, не в том, что они сверяются с календарем. Значит, просто налицо какое-то совпадение между причинно не связанными между собой условным человеческим календарем и сугубо естественным расписанием волчьей жизни.

Таких совпадений вокруг нас должно быть очень много — до сих пор ведь их замечали только случайно. Так не пора ли заняться их поиском? Начать, конечно, следует с проверки примет — с совпадений, уже отобранных на протяжении веков. Итак, приступим...

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Лил дождь, светило солнце, из земли лезли грибы, из жизни — герои. Они торопились в будущее. Планета, населенная гениями! Это хорошо только в сказке. Ну, так пусть это будет сказкой! И сказкой не страшной, не древней, а — волшебной...

Прошло сорок лет — и вот идет по Москве Тихон, отягощенный всеми почестями, какие только могут достаться человеку. Даже академиком он остался — поскольку лишь из-за него не ликвидировали старинную Академию наук (кого выдвигать, коли все кругом — гении, кто индивидуально, а кто коллективно).

Игорь постарел сильнее всех — счастье не красит человека, а ему так везло.

Леонид щурится на свет — очки ему не идут, а он недавно женился (ведь Вики давно уже нет) и должен думать о своей внешности.

Игорь живет на Марсе, Леонид — в Малаховке, а Карлу поставлен памятник на Новодевичьем. Большой и красивый.

ВОЗМОЖ
НОЕ
И
НЕВОЗ
МОЖНОЕ

фантастические
рассказы

ДАЛЬНЕЙШЕМУ ХРАНЕНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ

Город все собирался кончиться, оборваться, сойти на нет — и не мог.

Улицы сменялись улочками, заборы — заборчиками, уличные колонки — колодцами. Но конца всему этому не было. Взгляд упирался метрах в двадцати в зыбкую границу темноты — и несколько секунд она казалась границей города. А потом я замечал, что темнота отступает передо мною, а вместе с нею медленно уходит в ночь город, расчетливо не давая обогнать себя.

Днем Барашов совсем не казался мне большим. Наверное, потому, что я мерил его в вышину, а не в длину и ширину. Что ж, четырехэтажный горисполком был Эйфелевой башней города, а трехэтажная гостиница с колоннами — его Исаакиевским собором.

За два месяца, прошедшие со дня моего приезда, у меня не нашлось времени, чтобы рассмотреть пункт, определенный мне для работы институтской комиссией по распределению. И не ночью бы начинать исследование города, где, как значилось в позавчерашнем решении горисполкома, уличное освещение отставало от благоустройства дворов, а от уличного освещения, в свою очередь, отставало асфальтирование тротуаров.

Это распоряжение я получил как руководитель видного областного учреждения. В моем ведении находился угрюмый двухэтажный дом, смотревший и на соседнюю улицу, и на общий с городской милицией двор добротно зарешеченными окнами. Называлось мое учреждение архивом; я, однако, был там не директором, а начальником трех старших научных сотрудников, одного просто научного сотрудника, двух младших научных со-

трудников, трех архивно-технических сотрудников и трех вахтеров.

Я завидовал своим подчиненным. Потому что они не были начальниками. Особенно вахтерам. Раз в три ночи каждый из них занимал рабочую позицию на печи в крохотной сторожке у дверей архива, на которые сам же перед тем навешивал замок весом в полпуда. Утром я будил его и отпускал с работы. Один из них ухитрился как-то не заметить грозы, перебудившей весь Барашов; другой (по слухам, занимавшийся гаданием) несколько часов назад не слышал, как я отчаянно лупил руками и ногами в дверь архива — изнутри. Потому что я был заперт. Стоило только на пятнадцать минут больше посидеть над документами...

Покорившись судьбе, я предусмотрительно превратил рабочие халаты сотрудников в эрзац-простыни и зиц-одеяла. Но спать было рано. Я пошел к полкам с судебными делами.

Их было здесь, судя по описям, по крайней мере, двадцать тысяч! И по крайней мере, процента три от этого числа я уже успел просмотреть.

На делах стояли красивые даты: «Начато 2 января 1917 года, окончено 14 декабря 1917 года». «Начато 28 сентября 1917 года, прекращено производством 29 октября того же года». 1918, 1919, 1920 годы. «Дело 2-го участка Барашовского уездного суда о краже крестьянином Филиппом Иконовым свиньи у крестьянки Елизаветы Петровой». Больше всего было здесь двойников этого дела. Что же, я и просматривал эти судебные документы только для того, чтобы большую часть из них отправить в макулатуру.

...Я никак не мог понять, чем руководствовались когда-то работники суда при составлении описи. Дела времен Керенского соседствовали с делами первых лет

нэпа, документы о крестьянских восстаниях смущали покой классических дел о покраже соседской курицы.

Я был стражем исторической справедливости. И хозяин курицы вместе с похитителем ее уходил под моей рукой в небытие посредством резолюции поперек обложки дела: «мак.»), а батраки, отнявшие землю у своего помещика, переходили в века согласно точной резолюции «На постоянное хранение».

Впрочем, летом и осенью 1917 года крестьяне Барашовского уезда редко отнимали у помещиков землю. Но не думайте, что помещикам от этого было легче. Крестьянские сходы принимали здесь в ту пору детальные резолюции, в которых обязывали формальных владельцев земли: а) запахать ее всю, б) платить при этом батракам столько-то рублей в день, в) передать после сбора урожая половину хлеба армии, а вторую половину — крестьянам.

Тех, кто предлагал такие резолюции, арестовывали. Тех, кто их осуществлял, бросали в тюрьмы. А толку?

Я сам не заметил, как начал писать — на обложке одного из макулатурных дел:

Там у кого-то землю отняли,
Там барский дом спален дотла.
И вот теперь в архиве сотнями
Лежат судебные дела...

Я писал стихи, брал новые дела, снова писал стихи... Я смеялся, обнаружив дело о нарушении в 1920 году священником села Ольховка тайны исповеди: поссорившись с соседом, он сообщил ему и всем желающим послушать, что тот рогат. Низовой суд постановил было посадить болтуна на три месяца, а потом высшая инстанция терпеливо объясняла рассвирепевшим односельчанам потерпевшего соседа, что у нас церковь от-

делена от государства, и следовательно... Сразу за этим делом шло по описи другое, посвященное взысканию алиментов с некоего местного немца. К делу были приложены его любовные письма к истице. Последнее из них, написанное за час до свадьбы с другой женщиной, кончалось так: «Играйте, скрипки! Рвись, сердце! Эмма потеряна для меня навсегда». В своем заявлении в суд Эмма объявляла, что отец ее ребенка не честный немец, работающий на благо интернационального рабочекрестьянского государства, а жадный и тупой пруссак.

Бумага дел не пожелтела, вопреки всем литературным традициям, а посерела, стала сухой и ломкой. Давно умерли крестьяне, выгнавшие помещика, и сам помещик, умерла, наверное, Эмма, умер и ответчик по ее делу. Остались только папки в коричневых, серо-синих, зеленых и желтых обложках. Все больше номеров становилось в описях, которые я составлял.

«...Дело об убийстве крестьянина села Ольховка Куницкой волости Барашовского уезда Филиппова Владимира Егоровича». Это была другая Ольховка — во круг Барашова их много. И убийств через мои руки прошло уже немало, и я сразу заглянул в конец дела — посмотреть приговор. Согласно инструкциям постоянному хранению подлежали дела, по которым преступник получил больше пяти лет тюрьмы. Не преступление, а наказание решало, пойдет ли папка с документами в утиль.

Да, эта в утиль пойдет. Подсудимый оправдан, я аккуратно занес очередной номер в опись «дел, не подлежащих дальнейшему хранению», сбросил папку на пол и уже потянулся за следующей, когда вдруг понял, что дело нужно посмотреть заново.

Подсудимый был оправдан, но не за недостаточностью улик. Я нагнулся и поднял папку. Стал читать до-

кумент за документом — протоколы осмотров, обысков, допросов, судебного заседания. Потом стал искать материалы об отмене оправдательного приговора. Их не было. Я поднял дело и посмотрел на свет. Нет, все в порядке, следов вырванных листов нет. Да и нумерация явно первозданная, никто ее не переделывал. Но чтобы оправдали убийцу? В голове у меня это не укладывалось.

Из материалов дела следовало, что молодой колдун убил старого колдуна за то, что тот отказался раскрыть ему все свои секреты. И — оправдание?!

Председательствующий говорил о возмутительных суевериях, которые так упорно держатся в какой-нибудь тысяче километров от Москвы. Но даже по протоколу (не стенограмме!) было видно, что голос судьи дрожал. Он боялся? Кого?

Адвокат говорил о темной силе погибшего, о темноте убийцы, необразованного, запуганного человека, о том, что все односельчане оправдывают убийцу и понимают его. Он говорил о необходимости антирелигиозной пропаганды и отсутствие таковой объявлял ответственным за преступление. Сплошные общие слова, но было видно, что в них намекал он на какие-то известные суду, заседателям и публике в зале факты. И видно еще было, что его голос тоже дрожал...

А к листку с речью адвоката были небрежно подколоты позеленевшей медной скрепкой несколько бумажек, от края до края исписанных почерком полуграмотного человека, с множеством орфографических ошибок, зато совсем без знаков препинания. Это были заговоры. Мне случалось видеть такие бумажки с заговорами во время летних студенческих наездов в деревню. Чуть подвыпив, суетливый старик или неторопливая старуха, а то и их быстрый внук залезал рукой за божницу или

в комод и вытягивал листок, заклинавший ангину или неверную жену, лихоманку или разлучницу, домового или вора. Детский почерк, детски наивные слова, ничего интересного. А здесь детским был только почерк. Слова же... Ощущение, пронизавшее меня при чтении этих бумажек, мне не забыть никогда. Словно музыка далекая звучала, то грустная, то веселая, то суровая, мужественная, но одинаково властная в каждом своем качестве. Это были стихи. Он был великим поэтом, Владимир Егорович Филиппов. Я тогда увлекался символистами, читал книги о стихосложении, штудировал теории Брюсова и Шенгели, и я видел, как безукоризненно — с формальной, метрической стороны были написаны заговоры. Аллитерации и ассонансы, метафоры и гиперболы, синекдохи и... что перечислять! Автор был хозяином стихии языка.

Ни одну фразу нельзя было тронуть, ни одно слово нельзя было изменить. Кто-то собрал слова, порою искаженные от неграмотности, в предложения, от которых отскакивала любая попытка правки. И я их не помню, а помню только это ощущение незыблемости, каменной прекрасности строк.

Снова и снова перечитывал я — про себя — памятные тетрадные листки. Потом негромко прочел один из них. Вслух.

Потом сидел, очарованный его звучанием, — для слуха заговор оказался много лучше еще, чем для глаза. И чувствовал, как все сильнее бьется сердце, как хочется выйти из-под лучей электрического света наружу, в темный город с его свежим ночным воздухом. Но двери были закрыты. А на окне решетка. Я подошел к ней, зажал в кулаке прут, потянул на себя, совсем легко потянул... Прут согнулся, точно он был сделан из пластилина, нижний его конец выпрыгнул из своего

гнезда, верхний — из своего, и прут оказался у меня в руке.

— Кто там балуется? — донесся со двора голос. Вахтер не спал.

— Начальник! А ну-ка отворяйте.

— Что же вы раньше не постучали? — прискормбничал старик. — Я бы открыл. Я, не подумайте чего плохого, — ей-же-ей, глаз не сомкнул.

— Я из-за вас казенное имущество испортил, Федор Трофимович. Придется вам заявление писать. По собственному желанию. Все-таки не для того вам деньги платят, чтобы вы спали с шести вечера до восьми утра.

Замок почему-то не открывался, старик скрипел ключом, тихонько чертыхался, а я обрушивал на его голову накопившееся раздражение.

— Все спят, в конце концов, и я бы ограничился выговором, но вы ведь еще и шарлатаните, рабочее место в Лысую гору превратили, клиенты к вам сюда под полночь приходят, говорили уже мне.

— Значит, не всю я ночь сплю, — сердито ответил вахтер, — раз под полночь приходят. Увольнять меня можете, а шарлатаном обзывать — права нет. Я вам покажу еще, какой я шарлатан!

Громко щелкнул замок. Дверь открылась. Мне уже было неловко перед обиженным стариком, хотя дошедшие до меня слухи явно подтверждались.

— Ладно, утром разберемся, — смущенно буркнул я, сунул листки с заговорами за пазуху и пошел на улицу. Я потерял всякое представление о времени и потому не очень удивлялся хлопающим дверям и распахивающимся в темноту окнам. Но очень быстро заметил, что для позднего вечера на улицах становится многовато народу. Неужели я успел столько дел просмотр-

реть за какие-нибудь час-полтора, и еще совсем рано? Я взглянул на единственный городской циферблат рядом с исполкомом. Часовая стрелка чуть-чуть не дошла до трех, а минутная держалась на одиннадцати. Без пяти три? И Барашов в это время многолюден? Да ведь и в Москве-то... Люди говорили между собой громко и возбужденно, но не зло, они жались друг к другу и шутили над внезапной тревогой, погнавшей их из дому. Одни говорили о том, что в такую ночь грешно спать. Другие не вдавались в подробности, полною грудью дышали тревожным воздухом этой ночи, ожидая чего-то, какого-то свершения...

Я остановился у фонаря возле гостиницы и вынул из кармана листки. При этом тусклом свете я мог разобрать написанное поперек первого заговора другим почерком почти стершимся карандашом (а не чернилами) слово «тревож». Без мягкого знака на конце.

Вот тогда-то я пошел из города. Пошел куда-нибудь, где не будет ни людей, ни домов, где можно будет спокойно обдумать, что произошло, да и рассмотреть как следует, все ли я увидел на остальных бумажках убитого сорок лет назад колдуна. Вот-вот уже должно было светать, да и карман мой оттягивал новенький фонарик-динамка. Город так быстро обрывался — у реки — по одну сторону от архива, что я подсознательно принял это за правило, касающееся и других сторон. И вот ошибся. Солнце уже на три четверти вылезло из-за горизонта, когда крайние деревья дубовой рощи отсекали меня наконец от Барашова. Я сел на большой удобный пенек и снова вынул листки. Нет, других надписей поперек текста не было. Но вот на обороте... При электрическом свете я просто не сумел разглядеть оставшиеся здесь следы карандаша. Время поработало над ними, остались, собственно, только выдавленные грифелем

линии, самого грифеля уже не было. Но понять было можно. Недаром же я архивист.

И вот что удивительно: сами заговоры я совершенно не помню — еще расскажу почему. Но вот эти «заглавия» их на обороте из головы не выходят.

«Присуха. Аще кто пожелает деву прельстить».

«Радость. Помочь аще кто в горе велием».

«Кровь останавливать». «Горе наводить». «Аще кто проклят должен быть». «Сна для». «На татя и лихого человека». «Звериное слово». «Птичье слово».

С «птичьего слова» я и начал. Прочел его сначала про себя, спотыкаясь и останавливаясь почти через слог, потом еще раз про себя, уже без запинки, и, наконец, вслух. Не знаю, ждал ли я чего-нибудь от этого. Наверное, все-таки ждал, ждал чуда, не веря в его возможность. Разве мы не ждем выигрыша в лотерею? Подсмеиваясь над собой — ждем. А я еще — сколько помню себя — ждал чудес... от себя самого. Вот откуда-то возьмутся смелость и сила, и я побью Федьку с набережной. Вот построю такую авиамодель, что все ахнут, а мне дадут медаль. Вот встречу девушку — лучше пусть это будет Люсенька из соседней школы, — красивее которой нет, подойду, заговорю, блесну, увлеку, влюблю, женюсь — буду счастлив. Вот напишу такую курсовую... Вот сделаю такое открытие... Да что я объясняю, разве вам это незнакомо?

И сейчас глядя из-за деревьев на город, поднятый недавно чем-то или кем-то, может быть мной, я медленно и отчетливо выговаривал красивые странные слова, знакомые и незнакомые (помню, как удивлялся некоторым, но уже не помню каким), выговаривал торжественно и чуть нараспев и ждал чуда.

Едва я дочитал — раздался Голос. Наверно, это название для него не подходит, но все остальные подходят

еще меньше. Ведь одновременно запели, засвистели, защебетали, заскрипели тысячи, а может, и десятки тысяч птиц. Когда они могли успеть собраться сюда, к поляне неподалеку от опушки? Или скрывались где-то рядом и сейчас по властному зову стали видимыми? А особенно слышимыми. Воробьи соединились в этом хоре с синицами, снегири с зябликами, малиновки и зеленушки, коноплянки и овсянки, пеночки и перепелки... Разумеется, в этом неистовом хоре я не разбирал отдельных голосов. Но певцы, свистуны и крикуны носились у меня над головой, сидели на ветках и земле совсем рядом, порхали у лица и груди, а три-четыре птицы попросту время от времени опускались на мою голову. Я сидел, не шевелясь, это птичье празднество продолжалось минуту, две, пятнадцать, полчаса. А птиц становилось все больше. Лес из зеленого, коричневого и желтого стал ярко-пестрым. И вот, наконец, буквально расталкивая моих соотечественников тяжелыми усталыми крыльями, на поляну влетел попугай. Теряя поневоле высоту, он спланировал ко мне на колено, вцепился лапами в брюки и восторженно гаркнул: «Дур-рак!»

— Дурак и есть, — поддержал из-за моей спины другой, отнюдь не восторженный голос. — Птиц, дурак, приманивает, думает, заповедник не охраняется. Нет! Объездчик Диомидов никогда не спит...

Я повернулся и увидел трех мужчин. Посредине стоял, чуть пошатываясь, высокий человек в сером брезентовом плаще и фуражке военного образца. В руках он держал двустолку, и дуло ее вызывающе приплясывало у меня перед глазами.

— Не спишь, — засмеялся его сосед слева, для устойчивости пошире расставляя ноги. — Дрых бы без задних ног, кабы сосед Дементий не зашумел с чего-то.

— Говорил я, — рассердился было третий человек, видимо, этот самый сосед Дементий, — говорил, чтобы вы меня сами разбудили... Ну ничего, — он сменил гнев на милость. — Раньше встанешь — больше выпить успеешь, верно, парень? — и засмеялся.

— Хватит балакать с ихней светлостью, — объездчик отвел дуло, но, видимо, только нечаянно, потому что тут же вновь взял меня на прицел. — Вставай, ты, пойдем в милицию. За это... за потраву. Птиц ловишь!

— Зачем в милицию, друг ты мой? — сосед Дементий был настроен благожелательно. — Пусть он здесь птичек слушает. И ловит пусть. Птички — они всякие. Сам живи, и другие пусть. Вот только пусть поставит нам бутылку... Трешку давай, — почти трезво закончил он.

— Дешево Диомидова купить хочешь, — загремел объездчик, — Дешево ты мою совесть ценишь... Десятка! Вру, четвертная. Ну?! А то стрелю. Я при исполнении.

И всем этим пьяным речам аккомпанировали птицы. Их ряды поредели, голоса привяли, но их было еще слишком много.

Наверное, надо было просто согласиться пойти в милицию. Ее начальник знал меня, у нас было даже общее начальство...

Убежать от них? Пьяные — не догонят. Но у этого ружье.

Я встал на ноги. Сложил листки, чтобы засунуть их в карман пиджака, и тут увидел выцарапанные сошедшим на нет грифелем слова: «На татя и человека лихого». И тогда я начал читать этот заговор. Объездчик так удивился, что на секунду забыл о своем ружье, и дуло поглядело в землю.

— Смотри-ка ты, — сказал он. — Психом притво-

ряется. Мастак, видать. Ну, я его сейчас разоблачу, слышь, Дементий? — и он оглянулся на соседа. Но того уже не было рядом. Он со всех ног бежал из рощи. Обьездчик перевел глаза на второго своего спутника. Тот быстро-быстро пятился, держась рукой за сердце. Диомидов выронил ружье. Постоял. Потом повернул, медленно, молча пошел к опушке, вдруг его всего скрючило, он съехался и рванулся обратно. Полудобежал, полудополз до ружья, дотянулся до ремня и потащил за собою винтовку.

— Убежали тати, — перевел я дух.

И тут же услышал откуда-то сбоку:

— Кабы то был тать, так тебе не встать.

Голос был знакомый. Рядом со мной стоял мой вахтер. Самый старший из трех. Тот, от кого всего сильнее несло смешанным запахом кислоты и прели. Тот, кого, бывало, всего труднее добудиться по утрам. И мне приходилось иногда попросту трясти сторожку, благо это было возможно благодаря ее легкости и ветхости.

«Под утро самое вздремнул», — неизменно произносил Федор Трофимович, испуганно и искательно улыбаясь. Короткая бородка его топорщилась, топорщились и давно не стиранная рубаха, и штаны с пузырями на коленях.

Сейчас одежда его выглядела так же, но улыбка была другой. А руки, которые он обычно при разговоре закладывал за спину, теперь твердо сжимали топор. Тот самый топор, что обычно стоял в прихожей архива среди щеток и веников.

— Да что вы, Федор Трофимович? — изумился я. Но изумление было — по крайней мере, частично — притворным.

За долю секунды, которая отделяла момент, когда я услышал голос и понял, чей он, от момента, когда я

увидел хозяина голоса, я уже успел понять, что самый ленивый из трех вахтеров и тот убийца, которого боялся и оправдал суд, — одно и то же лицо. В деле ведь была фамилия обвиняемого. И тот тоже слыл колдуном.

— Хороший у тебя голос, — сказал Федор Трофимович, разглядывая меня. — Ну точь-в-точь как у покойника был. Потому и действует стариково наследство. У меня-то не получалось. Зря его кончил. Сам был виноват. Но меня то-о-о-же боялись.

— Боялись, из дела видно, Федор Трофимович, — ответил я.

— Во-во. Я так и понял, что ты в дело залез. Вот удивился. Думал, давно уже этого дела нет. Вон справку для собеса мне достать не могут — архивы, мол, пропали. А тут, как не надо... Ведь ни мне, ни тебе не надо, начальничек. Эх, поторопиться надо, но не могу, душа болит. Прочти мне, милый, «звериное слово». Век не забуду, как он его читал. Прочти. Поживи еще на свете малость.

Я рванул к глазам листок с заговором на татя. Но вахтер только понимающе кивнул головой при первых его словах.

— Не трудись, парень. Не трудись. Я ото всех заговоров заговоренный. Он-то думал, что нет. На дружбу мне читал. Любил меня, думал: и я. А я — нет. Он — давно уж, до того еще — давно присушил одну девку. Не он бы — моя стала. И голос у меня неподходящий. Все то же читаю — не слушается меня зверье. Люди — тех только пугать могу. Хоть до смерти. А присушить там, придружить, вылечить — нет. Он мне и говорит: «Кишка у тебя тонка, Феденька, чем другим займись. Волшба тебе, говорит, Феденька, не по силам. Я, говорит, злой, а голос у меня добрый. Голос тут главное.

Ты ж какой ни будь, а голос у тебя злой. Не годишься». Думал, любят его у нас. Где же любовь-то! Как я его кончил, радовались. Страшно ведь — живет рядом человек, который с тобой что захочет, то и сделает. И мне было страшно. И сейчас стало. И все из-за голоса. У него подходящий. И у тебя, интеллигенция, тоже. Ну, ничего, ненадолго. Читай, читай звериное слово, а там поглядим...

Он был старше меня на сорок лет. Я помнил его личное дело. Сейчас ему было шестьдесят два. Но когда месяц назад понадобилось очистить двор архива от кучи песку, и все мужчины (значит, три вахтера и я) взялись за лопаты, я далеко отстал от этого старика. А из всех видов физического труда я только и умел, что работать лопатой. Зато, как мне казалось, это я умел неплохо. Ездил в экспедиции землекопом, премии получал... А два из трех вахтеров опередили меня запросто. А про третьего они открыто говорили: «симулирует больного». Топором старик тоже умел работать. Даже будь у меня нож... Безнадежно. А бежать — догонит. Я это чувствовал...

— Так что же? Слушай, слушай свое звериное слово.

Заговор был на этот раз длинным, таким невыносимо длинным, что я даже не понял, как добрался до его конца. И оглянувшись, ища между стволами деревьев оскаленные волчьи морды и длинные уши зайцев.

— Еще раз надо читать, — ухмыльнулся он моему взгляду, моему удивлению, — и еще раз, тогда подействует.

И я прочел заговор снова. И снова. А он стоял, оставив топор в одной левой руке, а правой держался за низкий сук, и глаза его были опущены, и он был уже не вахтером и не убийцей, а кем-то третьим... Но я знал, что очарование сейчас пройдет. Сунул листки в карман

и прыгнул за дерево. Чтобы потом побежать по тропинке, которую я украдкой проследил глазами до самой опушки. А дальше город. Люди. Милиция, наконец.

Но за деревом стоял медведь. Обыкновенный бурый мишка, прочно стоящий на земле на всех своих четырех лапах и, наверно, ни черта не понимающий, что его позвало сюда, зачем он этого послушался, почему не убегает при виде людей.

Я толкнул медведя с налету в плечо, отскочил, поскользнулся, упал. Медведь вскинулся на дыбы — не столько, верно, от ярости, сколько от неожиданности, — и тут прямо перед ним оказался человек с топором. Человек с коротким криком обрушил удар, предназначавшийся мне, на медведя. Топор, уже поднятый, вклинился в мохнатую грудь буквально с треском. И тут же лапы лесного хозяина накрыли плечи и голову старика. Потом медведь отшвырнул в сторону беспомощно-вялое тело и повернулся ко мне. Но с коротким рычанием между ним и мною встали неведомо откуда взявшиеся черно-серые псы — лишь через секунду я понял, что это были волки. Медведь молча опустил лапы и ушел. Волки скользнули в кусты и исчезли в них. Лишь один из них мимоходом дотронулся до моей ноги горячим шершавым языком. И повсюду в кустах и деревьях вокруг поляны зашелестело травой, застучало и заскрипело ветками.

Звери не лгичны, они не выдают своего присутствия без крайней надобности. Я понял, что они сошлись к поляне, лишь когда они ушли. И только веселая красная и желтая белочка прыгала почти у самых моих глаз с ветки на ветку, словно для того только, чтобы отвлечь от гнетущих мыслей.

Я встал и подошел к Федору Трофимовичу. Он лежал лицом вверх — живой. Я спросил:

— Идти можешь?

— Подожди. — Он попытался перевернуться, я помог ему, взяв за руки, и чуть не выпустил рук, когда увидел, во что превратил медведь его плечи и спину.

— Сесть дай.

— А хуже не будет?

— Не будет.

И тут я почувствовал, что у меня кружится голова, а ноги не держат. Я опустился на землю рядом с ним. Большая рука в крупных чеканных мозолях протянулась к моему горлу. А я не мог пошевелить пальцем. Гипноз? Наверно. «Что бы это ни было — смерть», — как-то вяло подумал я. Но рука оказалась у меня не на горле, а за отворотом пиджака, в кармане. Вынула листки. Разгладила. Запекшиеся губы тяжело раненного человека шевельнулись. Он читал листки, проверяя, все ли на месте. Мною овладела безумная усталость. И собственная неизбежная смерть почти не занимала. Сопротивляться ведь ей было невозможно.

— Убивать тебя не буду, — сказал он. — А заговоры — забудь. Забудь. Забудь. Забудь. Ты их не помнишь. Не помнишь. Помнишь?

— Нет.

— Ну вот. А теперь я их рву. Смотри.

И из его рук взлетели в воздух десятки клочков бумаги.

— Сегодня ты их не ищи. И тащить тебе меня не надо. Где уж! Иди к дороге, машину останови. Лечиться будем. А чтоб ты молчал, тебе и вельть не надо. Верно я говорю? Эх, знал бы я, что так еще могу, и топор бы с собой не брал. Ну как, шарлатан я?

— Что нет — то нет, Федор Трофимович.

— То-то!

Он взмахнул раненой рукой, и я вдруг обнаружил, что стою в дверях архива, которые только что открыл, выпуская меня, вахтер. И рука у него здоровая, и плечи со спиной целы, даже телогрейка не порвана.

— Вот какой я шарлатан, понял?

К чести моей будь сказано, я устоял на ногах, только на секунду прислонился к косяку.

— Понял!..

— Увольнять будешь?

— Такое чудо природы? Что вы, Федор Трофимович!

— А ты тоже ничего... крепкий мужик... будешь.

...Часто по вечерам мы сходимся вместе и сидим вдвоем у зарешеченного окна в моем кабинете на втором этаже.

Я помаленьку пытаюсь выпытывать у него колдовские секреты, выменивая их на рассказы о теориях возбуждения и торможения коры головного мозга, о психофизиологии внушения, галлюцинаций и прочего. Он крутит головой и пускается в рассказы о своем троюродном дядьке, который у соседей с улицы взглядом горшки цветочные на пол сбрасывал.

В последнее время его — после какой-то радиопередачи — больше всего интересуют возможности изменения человеческого голоса.

— Можно вот мой голос на твой похожим сделать? — спрашивает он.

— Да зачем? Ведь это же все наваждением было, что вы мне показали?

— Наваждение, наваждение... Что наваждение, а что и нет. В этом не тому разбираться, кто его видит, а тому, кто напускает. В общем, спать тебе уже пора, начальник. Да и мне тоже... на посту быть надо.

НЕОБХОДИМАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

Вечер был мой, только мой. Все они собрались здесь из-за меня, ради меня, для меня. Сколько раз я повторял это себе! Не помогало. Да, каждый тост на банкете был за мое здоровье, или за мои успехи, или за мое перо, или... Правда, за мой талант у них хватило деликатности не пить. А сейчас все позабыли про меня, болтают, шутят, ухаживают — равные среди равных, таланты среди талантов, — и что им тот, кто собрал сотню людей в зале для редакционных совещаний! Профессора и заслуженные артисты, главные инженеры и знаменитые писатели — им было хорошо друг с другом...

Я вышел из зала на лестничную площадку.

Волосы неправдоподобно сивого цвета, усы, видные даже со спины, — наш замглавного. С кем это он?

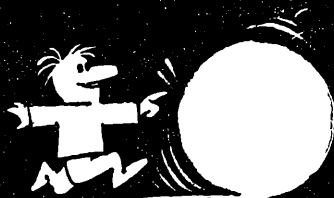
А замглавного говорил — вернее, рассказывал:

— Рядовой литсотрудник. Даже не рядовой. Бездарнее его я у нас не знаю. У каждого ведь есть хоть проблески... Такой банкет?.. Ну, при его связях чего не добьешься. Представляете — пришли пять академиков. Темы? Темы он находить умеет. Только поэтому и держим. Да и тронь его попробуй. Сами видите! — он ткнул локтем в сторону зала.

И вдруг я испугался, что сейчас он обернется и обнаружит, что я все слышал. Ведь все это было обо мне. И все было правдой.

Опрометью обратно в зал.

Ага, Ира Панченко здесь! Как я ее раньше не заметил? Первая балерина мира! А все-таки помнит, кто ее свел с Улановой... Толя Глазков разошелся. Читает ей стихи. Ну кто подумает, что это ему крупнейший ма-

тематик США прислал телеграмму... Как там было? Я еще с этого начал статью в «Комсомолке»...

«Дорогой профессор Глазков! Я потратил десять лет жизни на решенную ныне вами проблему. Я полагал, что человеческий разум слишком примитивен для нее. Счастлив, что оказался не прав. Когда бы вы ни приехали в Нью-Йорк...»

А в деканате в ту пору деловито решали, можно ли принять данную работу студента третьего курса А. Глазкова в качестве зачетной — как же, ведь она была написана не на заданную тему. Впрочем, о последнем я не писал... Сейчас-то он действительно профессор. А когда мы только познакомились, такой был парнишка — восьмиклассник. Помню, академик Панкратов удивлялся, зачем я привел к нему этого мальчика.

...Что-то я пропустил. Мои гости уже несколько минут как молчали и смотрели в дальний правый угол. Там, у высокого ящика размером со стенной шкаф, возился директор института кибернетики. Разошлись фанерные створки, и мы увидели за ними небольшую нишу в человеческий рост и над нею темный экран с цифровой шкалой сбоку.

— Сюрприз! — объявил кибернетик. — Я знал, друзья, что на вечер в честь нашего Георгия соберутся самые разнообразные, но очень талантливые люди. Счастливый для нашего института случай — мы ведь как раз создали машину для объективной оценки таланта. Не буду вдаваться в подробности, но прикидочные эксперименты показали, что машина как будто справляется с задачей. Сегодня здесь пройдет ее государственное испытание. Кто хочет первым принять в нем участие?

Я рванулся вперед.

— Разрешите мне как юбиляру...

Давно я не видел такого растерянного лица. Кибернетик торопливо загородил мне дорогу.

— Погодите, погодите, — пробормотал он. И тут же, оттесняя меня в сторону, вырос рядом один из первой тройки, побывавшей на Марсе, — Валя Тройнин:

— Уж дайте мне. — И решительно занял место у аппарата.

Пока ассистенты возились с ним, сзади выстроилась целая очередь. Но мне — пусть с шутками и комплиментами — так и не дали занять в ней места.

Это было невежливо, в конце концов. Я юбиляр, они здесь ради меня, машина благодаря мне... И вдруг я понял. Все эти люди, герои моих заметок, статей и очерков, мною прославленные, мною воспетые, не считали, что я им ровня. Для них, талантов, я был только милой посредственностью. Но им-то я нравился. Они жалели меня. Случайность командировок в чередѣ суточных, проездных и квартирных сталкивала меня с этими людьми, вводила их фамилии в репортажи и очерки. А потом вступала в действие необходимость. Необходимость сделала авиамоделиста конструктором ракет, победителя школьной олимпиады — академиком, повара Мишу — вот этим самым кибернетиком, доктором наук, директором института.

Я смотрел на кибернетический агрегат, на нишу, в которой сменяли друг друга гости, на экран, где плясала кривая.

Вот ее высшая точка остановилась против семидесяти.

— О, — сказал кибернетик, — отлично, дорогой профессор, ведь все, что больше двадцати пяти, уже талант. Конечно, соотношения здесь условны, но...

У академика кривая прыгнула до восьмидесяти двух,

у композитора—до сорока девяти, подскочила до семидесяти шести у балерины и дошла только до четырнадцати у писателя.

Они веселились — все, кроме писателя. Интересно, неужели я выгляжу сейчас таким же мрачным?

— А сколько у вас? — теребила кибернетика Ира Панченко.

— Восемьдесят четыре, — краснея, ответил он.

И тогда меня прорвало. Я вытащил из-за столика стул, вышел с ним на пустое пространство почти перед аппаратом, повернулся к гостям. Сел на стул верхом и заговорил.

Говорил я, конечно, вежливо и нежно. Что мне оставалось?

— Ребятки, — сказал я двум «марсианам», стоявшим поблизости, — прощения мне надо у вас просить. Вы были мне только предлогом, челябинские юные космонавты. Я приехал в командировку в ваш город потому, что туда из Одессы переехала Люба. — Мои мысли прыгали. — В Одессе-то я открыл школу, где вообще учились одни таланты. Помню, долго пришлось в этом убеждать и учеников и учителей. Вот академик Забелин стоит, он из этой школы как раз.

— И я тоже, и я, — отозвались голоса из разных концов зала.

— А мы? — спросил «марсианин». — Помню, мы сами удивлялись, что все трое — из одного кружка юных космонавтов...

— Кружок-то у вас был, честно говоря, не лучше и не хуже других. Стандарт. Писать не о чем. А надо ведь. Я и стал придумывать всякие фокусы.

— Так уж и фокусы! Те упражнения, что вы предложили, сейчас повсюду используются. И с приборами вы хорошо придумали...

Но я уже повернулся к Мише-кибернетику:

— Помнишь, Миша, барнаульский ресторан? Какой у вас там был мускат! Нет, правильно я сделал, что командировку продлил. А оправдаться чем-то надо было. Вот мне и пригодился повар-изобретатель. Как говорится, не отходя от кассы. Помнишь, что ты там мудрил с цыплятами табака?

— Так вот в чем дело? — расхохотался Миша. — А мне после твоей статьи Крюков из комитета по изобретениям написал. И пошло дело, завертелось. Сам не заметил, как готовить разучился. До сих пор не успел опомниться!

Мне хотелось отомстить за свою бездарность, рассказать, какие случайности привели сюда — через театры и лаборатории — каждого из моих гостей. Случайности, представителем которых был я. И я вспоминал, как Валерку, ныне художника, меня просили отвлечь от несчастной любви, как я на пари написал статью о самом неприметном из сотрудников заготконторы — воспользовался его любовью к шахматной композиции (мастер спорта покивал мне головой), как...

Они слушали и смеялись. Да, все это были случайности. А за ними стояла — строго по Гегелю — необходимость. И я замолчал. Принесли мороженое. Общий разговор разбился. Я снова остался один. И аппарат — тоже. Все желающие уже измерили свой талант. Даже ассистенты потерялись в толпе — разумеется, где-то около Иры Панченко.

Секунда — и я был уже в той нише. Мягко защелкнулись контакты.

— Зачем же ты сам?! — укоризненно выкрикнул спохватившийся Миша и замер с открытым ртом.

— Я говорил, что она сломана, — торжествующе провозгласил в наступившем молчании писатель. —

Девяносто четыре! Вы хотите, чтобы мы поверили, будто он великий журналист? Три ха-ха!

Но кибернетик был серьезен, как никогда.

— Почему же журналист? Аппарат ведь не определяет вид призвания. И профессию тоже. Судя по всему этому, — он обвел рукой зал, — испытуемый — великий искатель талантов.

— Тоже мне талант! — сказал я насмешливо.

Но что я чувствовал...

КТО ПОВЕРИТ?

Кафе было маленьким и уютным, как ладонь, что подкладываешь под голову.

Зато взгляд моего соседа по столику еще холоднее, чем мороженое, которое мне принесли. И я совсем не ждала, что эти темные глаза так быстро потеплеют и, кивнув на столик у окна, сосед скажет:

— А вот те двое сейчас сцепятся.

Два парня, отшвырнув стулья, схватили друг друга за лацканы пиджаков.

— А теперь войдет милиционер, — продолжал сосед деловито.

И милиционер вошел и раздвинул молодых петушков.

— А сейчас к беседе присоединится подавальщица.

Мимо нас к окну решительно прошагала официантка.

— А сейчас...

Он как будто вел репортаж, только слово опережало действие.

Это было смешно и немножко странно. Хотя, собственно, почему? Скандал он, конечно, предсказал по

случайно долетевшей фразе. Постовой увидел драчунов в окно, а догадаться, что официантка позаботится о счете, вообще не составляло труда.

— А сейчас, — сказал он, — мы познакомимся, встанем и выйдем отсюда.

...Вечером, прощаясь, он произнес, не спрашивая, не уговаривая, а утверждая:

— Встретимся завтра в семь у Большого театра.

— Значит, до завтра, Виктор... А как дальше?

Его лицо на секунду стало торжественным.

— Фамилию мою вы завтра прочтете в «Вечерке». Под стихотворением на третьей странице. Пока!

...По дороге на свидание я купила газету. В ней было только одно стихотворение. Под ним стояло: Павел Будкин. Но — Павел? Значит, не он. Подвели парня... Обещали, да не напечатали.

— Добрый день, товарищ Будкин!

— Фамилия была на месте?! — обрадовался он.

— Но... значит, вас зовут Павлом, а не Виктором?

— Нет, как раз Виктором... А вы решили, что в газете будут мои стихи? Но я-то говорил — вспомните — только о подписи, без имени, о фамилии. Об одной фамилии, без имени.

— Павел — ваш брат?

— Я единственный сын. И от вас первой узнал, что есть у меня на свете поэт-однофамилец.

— Ну, хватит шуток. Не лгите.

— Рад бы, да не могу. Понимаете, все, что я говорю, оказывается правдой. При одном маленьком условии: если мне верят.

— Ну-ка скажите, что сию минуту пойдет дождь, — я вскинула глаза к небу.

— Я-то скажу, да вы не поверите. Значит, мои сло-

ва и ложью не будут. То, чему не верят, не ложь и не обман. Разве сказки лгут?

— Значит, обязательно надо, чтобы я вам пове-
рила?

— Вы или кто-нибудь еще... Но лучше вы!

— А как вы об этом узнали? Ну, о том, что не мо-
жете врать?

— Да похвастал как-то знакомой девушке, что завтра выполню план на двести процентов. А ведь знал, что не могу. Я тогда едва девяносто вытягивал.

А утром пришла в голову одна штука... ну, приспособление. Смотрю к концу смены — есть двести. Тут я только и вспомнил, о чем вчера трепался. И с тех пор просто не знаю, что делать. Опоздал на работу, сказал, что мать заболела, а через час меня к ней с завода вызвали... Пошутил с Борькой — товарищ мой, — что не любит его, видно, Ира, а она на следующий день с другим в загс пошла. Сказал, что Петросян проиграет две партии подряд — в споре сказал и забыл тут же, а Тиграну страдать пришлось... Поверил мне, значит, кто-то...

...Я рылась в книгах. Неужели ни с кем и никогда не бывало того, что с Витей? Правда, давно верят, что говорить о несуществующей болезни близкого человека — значит накликать ее. Но это же мистика! Или, может быть, какие-то законы психологии?.. Хотя случай с газетой — к нему-то психология отношения не имела.

Может, считать все просто цепочкой совпадений и не задумываться...

Мы вместе смеялись над жестом, вошедшим у меня в привычку: как только он начинал говорить о будущем, я хлопала его по губам, обрывая на полуслове. Но иногда что-то все-таки прорывалось. Результат?

Мне подарили на день рождения книгу, о которой я давно мечтала. Я получила на всех экзаменах пятерки. Я очень понравилась его маме. Я... Да что это все обо мне?

Он выиграл в сеансе против Смыслова, прошел без поражений заводской шахматный турнир, сделал пять изобретений, получил три премии, выжал штангу в сто двадцать кило и написал стихи (хотя в последнее я не верила).

Стихи такие:

Вздохом горы развею,
Сдвину оси планет
Для того, в кого верят,
Невозможного нет.

Хороший он был, очень хороший — человек, не умевший лгать. Может быть, он и еще писал стихи. Не знаю, потому что тут как раз вернулся из экспедиции Игорь. Виктор встретил нас случайно на улице, подошел, поздоровался, посмотрел на него, на меня и сказал: «Вы друг друга любите». И ушел. С тех пор я его не видела. Но помню. Потому что счастлива. Виктор ведь, знаете, не умел лгать.

НАШЕСТВИЕ

В один прекрасный весенний день 2074 года Он и Она сидели на скамеечке посреди тропического леса-заповедника. Неподалеку под пальмой прикорнул доставивший их сюда везделет.

Даже ветер стих, чтобы не мешать им. И на сотню километров вокруг не было ни живой души. Но в тот миг, когда Его губы приблизились к Ее губам, раздалось странное шипение, неведомая сила оттолкнула

влюбленных друг от друга, и на скамеечке между ними неведомо откуда появился маленький бородатый старичок.

Мгновенно оценив ситуацию, незнакомец испуганно произнес:

— Простите, я не думал... — Но тут же оправился от смущения и сменил извиняющийся тон на торжественный: — Вы, конечно, извините мое вторжение, когда узнаете, что я гость из далекого про...

Старик не успел договорить — юноша обхватил руками плечи и горестно прошептал:

— Провалиться мне сквозь землю! Еще один! — Он повернулся к девушке. — Честное слово, я не нарочно.

— Я понимаю, — холодно сказала Она.

— Зато я не понимаю! — запротестовал гость. — Почему вы не радуетесь?

Юноша, пересиливая себя, ответил:

— Это в шестимиллионный-то раз? Первому мы еще радовались.

— Но ведь я изобрел машину для путешествия в будущее! И первый ее опробовал!

— Преклоняюсь, — деловито сказал Он. — Мы вас проходили в школе... Но тут... Машина дала перелег. И те, кто выехал позже, прибыли раньше. Это бывает. Не расстраивайтесь. Лучше скажите-ка вот что. — Мрачное лицо юноши оживилось. — Почему гости из прошлого появляются всегда в самых неподходящих местах и в самое неподходящее время? Ведь вся теория вероятностей летит в антимир! Совет мудрых и тот ничего понять не может. Нельзя ли тут что-нибудь сделать, а?

— Ему в четвертый раз не дали объясниться мне в любви, — обиженно вздохнула Она.

— Еще раз простите... А ваш вопрос... Вы же знаете, раз в школе меня проходили, что машина времени вместе с пассажиром не путешествует. Она только выстреливает им, забрасывает его на столько-то лет — конечно, приблизительно — в будущее. А свойства пространства — времени таковы, что человек, перемещающийся во времени, движется и в пространстве, причем нельзя заранее предвидеть... — Великий изобретатель перешел на лекционную манеру изложения.

— Это мы и без вас знаем. — Юноша явно потерял всякий интерес к собеседнику.

— Э... простите, но как будет со мной? Вы ведь, конечно, уже изобрели машину для путешествия в прошлое? Я хочу домой.

— Если бы! Все шесть миллионов собирались заглянуть в будущее одним глазком и тут же отправиться обратно. Разве иначе их столько бы полетело? Всем отчаянно хотелось поскорее вернуться к родным и знакомым. Восемь лет назад, после первых визитов, Совет мудрых переключил на соответствующие работы сорок миллионов физиков и математиков. Правда, некоторые из них считали, что такая машина невозможна, так как нарушился бы закон причинности.

Но нам-то не привыкать к вольному обращению с законами природы... А пока проблема не решена, великий Нурдень предложил переправлять гостей подальше в будущее — в те годы, когда во времени научатся ездить в оба конца. Миллиончика четыре мы так и переслали. Но тут один поэт вдруг догадался спросить: «Если путешествие в прошлое возможно, то почему к нам никто не прибыл из будущего?» И работы пришлось свернуть. Пересылать гостей в будущее тоже перестали — это означало бы перекладывать свои заботы на чужие плечи.

— Какие заботы?

— Вас же приходится и утешать, и лечить, и целые десятилетия переучивать...

Великий Нурдень занял свое место за кафедрой и обвел зал добрыми глазами.

— Кажется, — начал он, — я могу вас обрадовать. По нашим подсчетам, только что прибыл последний из шести миллионов двадцати четырех тысяч пятисот тридцати трех человек, отправленных в нашу эпоху из 1974 года. Второе нашествие придется пережить примерно через два века. Примем тех, кого послали на триста лет вперед. Но до тех пор мы успеем подготовиться...

Кафедру, за которой стоял Нурдень, закачало. И, больно стукнув физика в бок, рядом с ним возник молодой и ужасно смущенный человек.

— Это вы, Николай? — ахнул академик. — Но вы же прилетели из прошлого первым, лет восемь назад, и мы вас тут же отправили в будущее...

— Простите, недолет, — растерянно прошептал незваный гость.

ПОТОМКИ ДЕЛАЮТ ВЫВОДЫ

Петру было грустно. Здесь, в Беловежской Пуще, его предки охотились на медведей и зубров. Но даже о зубрах известно куда больше, чем о людях прошлого. Сколько документов утеряно безвозвратно! Вот и возникают споры вроде вчерашнего!

Он включил аппарат вечной памяти.

Сергей, педагог со сорокалетним стажем, говорил рассудительно, но пылко:

— Молодой философ Воронис недавно выдвинул новую гипотезу о литературе прошлых эпох. Он утверждает, что даже отрицательные герои в книгах древности — обобщенные, но реальные образы. Просто смешно! Неужели на маленькой планете Земля нашлось место хотя бы для одного Гобсека? Урии Гипа? Иудушки Головлева? Ведь их черты противоречат нравственной природе человека! Я не знаю, зачем потребовалось отрицать тот очевидный и общепризнанный факт, что вся большая литература на протяжении многих столетий была научно-фантастической. Великие писатели прошлого показывали человечеству, к чему могут привести зародыши дурных чувств и страстей. Увы, до нас дошли лишь отдельные отрывки из немногих книг. Только это еще позволяет нашему юному другу бороться за свою опрометчивую гипотезу!

Поворотом рычажка Петр оборвал вспыхнувшие аплодисменты. И тут же услышал:

— Дружище, ты уже здесь! — И в следующую секунду он оказался в объятиях Намре Буга.

Мгновенье — и недавно изученным приемом Петр перебросил товарища через плечо и приготовился к отражению новой атаки. Но Намре Буг, смеясь, поднял руки вверх:

— Сдаюсь! Побережем силы для медведей.

— А как старички из общества защиты животных?

— Да ну их! Требуют, чтобы каждому медведю после борьбы предоставлялись три дня отдыха. И предлагают еще раз сузить шкалу разрешенных приемов. Это после того, как какой-то увальень на Иллинойской спортивной базе сломал лапу старому гризли.

— Фу! Этак нам никогда не догнать предков. Так

и останемся на веки вечные хилыми потомками богатырей. Человечество вырождается на глазах! Ты слышал о последней находке археологов?

— А что такое?

— Обнаружили обрывки двух древних печатных книг. В одной из них утверждается, что человек будущего, то есть нашего времени, будет жить без зубов и без волос, на его руках останется только по два пальца. В другой — что часть людей станет странными ночными животными — морлоками. Непонятно, почему авторы пришли к таким выводам. Но — предки предупреждают! Срочно собран Совет мудрости.

— Ага, спохватились! То-то уже предложено использовать для спортивной борьбы львов, тигров и криномусов с планеты Фай, — злорадно отметил Намре Буг.

Друзья остановились у скромного сорокаэтажного здания на большой поляне.

Перед входом стояла великолепная скульптура, изображающая борьбу человека с медведем. На постаменте горели древнерусские буквы: «Трех белок и соболя взяли того же дни... пятнадцать медведей оборол».

— Вот позавидуешь, — сказал Намре Буг, — в день можно было встретиться с пятнадцатью, а теперь жди очереди месяц.

— А вдруг в рукописи пропущен срок, за который он поборол медведей?

— Не будь таким осторожным, товарищ программист! Если мы с тобой справимся за день с пятком медведей, то, представляешь, наш предок! Могу сообщить тебе как историк: сохранились особые документы, которые за точность зовут былинами. В них говорится о людях, носивших посохи в сорок пудов — это

шестьсот сорок килограммов! — и вырывавших из земли дубы с корнем.

— Позволь с тобой не согласиться, — начал Петр, но тут их перебил голос, хозяин которого предпочел остаться невидимым:

— Только что получено от генеральной медицинской коллегии важное сообщение. Наконец-то девушкам разрешено принять участие в борьбе с медведями. Естественно, мы все уступили спортсменкам очередь... Как вы, товарищи?

— Разумеется, — вздохнули друзья.

— Нет, пора придумывать какой-то новый вид спорта, — покачал головой Петр.

— Давай разработаем правила по вырыванию деревьев с корнем, — подхватил Намре Буг.

— Хорошо бы, — с сомнением произнес Петр. — Только что скажет комиссия по озеленению?

**БЫВШЕЕ
и НЕ
БЫВШЕЕ**

не исторические
рассказы

ВПЕРВЫЕ

Кибернетические машины могут захватить власть над людьми.

(Кажется, Винер)

— Охота была неудачна, — сказал вождь. — А племени нужно мясо. Я долго терпел твоё своеволие, Рик, но теперь довольно. Лошадь должна быть убита, её мясо поделят охотники.

Юноша гордо вскинул голову.

— Ты не сделаешь этого! Лошадь уже слушается меня.

— Поэтому ты и хромаешь третью луну? Я не намерен ждать, пока ты сломаешь себе шею, как твой брат. Шаман со мной согласен...

Вождь взглянул в сторону старика, с напряженным вниманием слушавшего разговор. Тот важно кивнул головой.

— О сильнейшей среди сильных, разреши, я объясню твои мысли этому неразумному юнцу.

— Только побыстрей. Эй, жена, разводи костер, скоро у нас будет мясо! — И вождь с безразличным видом присел на пенё у хижины.

— Скажи, Рик, — начал шаман, — зачем ты не убил этого коня, а привел в деревню?

— Ты когда-нибудь мчался быстрее ветра, старик? Ты знаешь, что это такое — чувствовать себя в тысячу раз более быстрым, более сильным, более свободным?

— Но зато я не знаю и боли от удара копытом, я не падал с конской спины на камни!

— Мужчину нечего пугать, — вмешался вождь, —

дело не в опасности. Лошади просто ни на что не годны.

Рик даже захлебнулся от возмущения:

— Это лошади ни на что не годны? Они могут делать все. Они потянут вместо нас соху и повезут грузы. Верхом на них мы будем преследовать быстроногих антилоп. Наши женщины мелют хлеб между двумя камнями. Конские копыта заменят и руки и камни. В битве лошади будут бить копытами врагов и перегрызать своими страшными зубами им глотки. Для нас наступит счастливейшее время. Лошади возьмут на себя тяжелые работы. Человек будет только приказывать и делать сам то, что лошади не могут: рисовать на стенах пещер, сочинять стихи — словом, творить!

— Это-то и страшно! — выкрикнул шаман. — Люди, не знающие тяжелого труда, станут слабыми и беспомощными, Рик! Станут дряблыми мышцы и жирными сердца, о юноша.

— Мой дед рассказывал, о шаман, что, когда люди взяли к своим огням собак, тогдашний шаман уверял, что мужчины разучатся охотиться.

— Он был прав, дерзкий мальчишка! Раньше схотник низко-низко опускал нос к звериному следу. Теперь он задирает его вверх — как же, ведь у собаки нюх лучше! А что мы будем делать, если собаки все передохнут или убегут? О, наши охотники сами не поймают и зайца! Если вождь не помешает тебе сегодня, твои внуки разучатся даже ходить — за них это будут делать лошади.

— Да, это страшно, — прошептал Рик.

— Но это не самое страшное, — веско заговорил вождь. — Я вождь, потому что в племени нет человека

сильнее меня. И волчью стаю тоже ведет сильнейший. Собаку, даже самую большую, я задушу одной рукой. А лошадь ударом копыта разобьет голову даже самому сильному человеку. Зубы у нее больше, чем у тигра. Если люди и лошади будут жить рядом, хозяевами станут те, кто сильнее. Сейчас Рик носит своему коню траву. Через двадцать весен это будут делать все мужчины, и уже не по доброй воле. Ты сам увидишь, если доживешь, как люди станут рабами лошадей. Через много поколений племя будет проклинать твое имя... Но нет! Ведь сейчас ты убьешь свою никуда не годную и опасную лошадь! И довольно болтать! Костер уже горит, племя ждет мяса.

— Ты велик не только силой, но и мудростью, вождь! — шаман восторженно глядел на его мрачное лицо.

А Рик молча побрел прочь от костра к своей хижине, у которой была привязана первая почти уже прирученная лошадь. Вождь и шаман видели, как он медленно вытащил из-за пояса каменный топор и проверил пальцем остроту скола.

...Вождь хлопал себя ладонями по бороде, гася золотые звездочки искр, которыми рассыпался фонтан головешек. Каменный топор, брошенный меткой рукой, шлепнулся как раз в середину костра. А человек на коне кричал тем, кто сидел у огня:

— Негодная лошадь? Для одного-то она годится! Чтобы ускакать от вас. А там посмотрим!

Стук копыт затих вдаль. Страшным ударом о камень вождь в приступе гнева раздробил свою палицу. Шаман лежал на земле, уткнувшись лицом в дрожащие ладони. Его губы шептали: «Несчастное человечество»...

МОРЕПЛАВАНИЕ НЕВОЗМОЖНО

Участникам межпланетных перелетов
грозит верное безумие.

*(Из интервью, опубликованного
в американской газете)*

Совет Мудрейших заседал уже две луны. Две луны доступ в священную хижину был закрыт для всех, кроме двух старух, трижды в день приносивших пищу и питье. Но и они не смели вымолвить ни слова. Никто не имел права влиять на решение Совета.

Да, две луны! Вопрос был достаточно серьезен.

И все-таки пора было кончать.

— Итак, — сказал председатель Совета Мудрейших старый Кич, прославленный создатель переносной колыбели, — прежде всего мне хочется еще раз поздравить молодого Че с выдающимся успехом. Выдолбленное бревно, которому решением нашего Совета дано имя лодки, позволило расширить район рыбной ловли у берегов нашего Единственного острова. Однако группа совсем юных безумцев хочет использовать лодку, чтобы отправиться на поиски каких-то других островов.

При всем моем уважении к достижениям Че я должен отметить, что его лодка перевернется, едва только подует сильный ветер. Путешественники идут на верную гибель. Море, только море вокруг! А рифы! Акулы! Осьминоги!

Священное уважение к жизни человека... — оратор неожиданно всхлипнул. — Все вы понимаете мое волнение... Мой сын...

Великий Гр, получивший это имя за открытие хлебопечения, говорил раздраженно и резко:

— Эти разговоры об отплытии заставляют незрелые умы сочинять нелепые сказки...

Охотник Оге нашел недавно в далеком лесу нож из такого камня, какого мы до сих пор не видели. Он заявил, что этот камень могли когда-то привезти пришельцы с «других островов».

С каких, когда, где, на чем?

Недостойно мудреца прибегать для объяснения непонятных явлений к таким фантастическим догадкам.

Что же касается самих сумасбродных планов... Никто из моих родных не собирается уплыть с острова, и естественная тревога не мешает мне в отличие от почтенного Кича трезво оценивать возможности лодки.

Уважаемый Че и его ученики недавно предложили такие ее усовершенствования, как весла и парус. Так называемый киль не дает лодке перевернуться. А рифы всегда можно обойти. Словом, за жизнь путешественников можно не бояться.

Но меня возмущает сама бесцельность этой затеи. Куда им плыть, этим сорвиголовам? Вон та черная точка на горизонте, как они утверждают, еще один остров. Но если это так, зачем бы наши предки назвали наш остров Единственным? И даже если там есть какая-то земля, то на ней наверняка нет ничего, что было бы достойно внимания. Тем более нет других людей. Правде надо смотреть в глаза. Мы единственные люди на Единственном обитаемом острове среди безграничного океана.

Словом, дерзких юношей надо заставить прослушать мой курс географии.

— И это уже будет для них достаточным наказанием, — пробурчал себе под нос Кич... и предоставил слово Биру, обессмертившему себя изобретением денег.

— Не надо быть пессимистом, — мягко заговорил

Бир. — Кто-то утверждал во время оно, что никогда не станут люди отдавать за никому не нужные ракушки кур и плоды только потому, что эти ракушки названы монетами. Но прогресс остановить нельзя. Все мы знаем массу примеров торжества нового.

Лодка куда-нибудь да приплывет. Что, однако, получит от этого остров? Уплыть в море хотят молодые сильные люди, лучшие охотники, рыболовы и землепашцы. Кто вместо них возделает их поля, добудет зверя и рыбу? А ведь им еще придется взять с собой много мяса и хлеба, ананасов и бананов. Да и на паруса уйдет столько шкур, что можно было бы одеть десятки людей. Я уже не говорю о лучших деревьях, которые рубятся для изготовления лодок.

Никогда еще Совет Мудрейших не требовал от островитян таких больших жертв. А что обещают взамен? Ничего конкретного! Разве что рыба вдали от берегов лучше пойдет в сеть, но никто еще не был в открытом море и не может этого подтвердить, да и рыбы нам пока хватает. Словом, вся эта выдумка просто нерентабельна!

— Всегда вы так, меркантильный вы человек! — выкрикнул Зит, лучший лекарь острова. От гнева он, казалось, готов был накинуться на Бира с кулаками. — Значит, если бы эти молодцы доказали вам, что дело может дать прибыль, вы бы их на него благословили? Стыдно! Знаете ли вы, какая горькая участь ждет человека в открытом море?!

В течение луны я наблюдал за людьми, сидящими в лодках. Ничего не жалея для науки, готовый к любым жертвам, я поставил эксперимент и на себе.

Могу вам доложить, что лодку все время качают волны, все кажется зыбким и неустойчивым. От этого кружится голова, тошнота подступает к горлу. Я был

вынужден прервать опыт и не рискнул повторить его. Я предостерегал наших новоявленных мореплавателей, говорил об ужасных последствиях этой болезни. Увы, слово старших так мало значит для современной молодежи. Эти юнцы утверждают, что болезнь, которую я назвал морской, быстро проходит, что они больше не страдают ею. Мальчишки забывают, что чем дальше в море, тем выше волны, и болезнь набросится на них с новой силой.

Но это, поверьте мне, еще не самое страшное.

Вдали от родных берегов путешественников будет окружать только море. Ни клочка земли, ни зеленого деревца, ни хотя бы голого обломка скалы. Они не услышат ни пения птиц, ни шелеста листьев. Только волны, волны, волны и их бесконечный однообразный рокот. Страшнее пытки не придумаешь! Говорю вам, если бы их лодка сразу перевернулась, это было бы еще не самое худшее.

Простая гуманность велит нам не дать бедным смельчакам осуществить их замысел. Я каждого из них лечил от кори и свинки, мне тяжело предлагать это, но выход только один: всех «путешественников» надо связать и держать под замком, пока они не откажутся от задуманного и не станут снова добропорядочными гражданами...

— Принято единогласно! — объявил председательствующий Кич.

Разминая ноги и откашливаясь, члены Совета Мудрейших вышли на площадь.

Первым, кого увидел Кич, был его собственный сын.

— Папа, мы уже два солнца дожидаемся возможности поговорить с вами! — крикнул юноша, бросаясь к отцу. — Мы побывали вон на том острове, что чуть виднеется на горизонте. Привезли семена удивительно-

го дерева, которое приносит плоды не сладкие, а жирные. С нами приехал специалист по его выращиванию, познакомься, пожалуйста. И потом, папа, те люди хотят обмениваться с нами товарами. А какие там девушки!

ЕШЬ СВОИХ

Свободная конкуренция — основа основ свободного мира. Она развивает мужество, стойкость и личную инициативу.

(Из речи, произнесенной в конгрессе США)

В деревне племени ням-ням было пусто и тихо. На улицах ни одной собаки. Хмуро щетинились высокими частоколами дома-крепости.

Но вот из калитки в одном из заборов выскочил старик и бойко затрусил рысцей через дорогу. Навстречу ему приоткрылась калитка в другом частоколе, чтобы тут же захлопнуться у него за спиной. И захлопнулась она вовремя. Это подтвердила задрожавшая в ней стрела.

— Хвала богам, ты невредим, Хахи, — приветствовал гостя хозяин хижины, мрачный мужчина лет тридцати.

— Рад видеть, что и ты здоров, Чило, племянник! Сколько мужчин, женщин и детей съел ты за ту луну, что мы не виделись?

— Да разве этих трусишек одних оставишь, о мудрый Хахи!

Чило кивнул в сторону сидевших в углу жены и детей.

— Хоть бы враги напали, что ли, тогда можно было бы не бояться соседей.

— Ничего, мой храбрый Чило, — с насмешкой про-

изнес гость, — скоро сбор хлеба, и великий жрец наложит табу на поедание человека. А пока... ты знаешь старую поговорку: каждый ест за себя, одни боги за всех.

— Слушай, Хахи, — хозяин хижины положил руку на плечо гостя, — я все думаю, нельзя ли жить без людоедства?

— Тсс, — старик быстро закрыл ладонью рот Чило, — не смей даже говорить об этом. Да не позволят боги, чтобы твои слова дошли до великого жреца. Поедание себе подобных — вот что выделило человека среди всех животных. Разве тигр или лев едят своих сородичей? Это делает только человек. Чем было бы наше племя без людоедства, Чило? Жалкой горстью трусов, не умеющих сражаться с себе подобными. «Ешь, чтобы тебя не съели», — говорим мы и процветаем. Ведь на свете много людей и мало земли. Пришлось бы пойти вырубать джунгли. Но лучше сражаться с людьми, чем с тиграми, Чило. И потом, сейчас за нас молятся жрецы. А если бы людям было запрещено есть людей, жрецам пришлось бы самим возделывать землю. Это отвлекло бы их от молитв, и гнев богов пал бы на нас. А так от каждого убитого жрецы получают голову — дабы унаследовать его разум — и ноги, ибо их собственные ноги сгибаются перед идолами.

— Я много думал над этим, Хахи. — Чило встал. — Я не хочу больше дрожать за своих детей. С людоедством пора покончить. Хотя бы для этого надо было съесть великого жреца. Во время последней войны с нум-нумами я подружился с десятком мужчин с того конца деревни. Они думают о людоедстве так же, как и я. Сегодня мы выступаем против жрецов. Посиди с моими, старик, я быстро...

И Чило двинулся к калитке, сунув по дороге за пояс каменный топор.

Хахи встал у него на пути.

— Подожди! Разве ты не знаешь, что так уже было много весен назад? Нечестивцы прибили голову тогдашнего великого жреца к столбу смерти на главной площади. И объявили людоедство запретным. Много лун сосед не боялся соседа, и — о стыд! — юноши и девушки свободно бродили по вечерам у околицы, и девушки не боялись, что их съедят. Вместе со страхом исчезли мужество и сила, на смену пришли опрометчивость и разврат. Племена ньем-ньем, ним-ним и нум-нум, узнав об этом, объединились и напали на нашу деревню. Они переели половину жителей, а оставшиеся вернулись к добрым старым законам. Мы бережно храним и поныне их мудрый завет: ешь своих, чтобы чужие боялись! Всегда помни: если тебя ест сосед, ты укрепляешь мощь своего племени. Если же враг — то вражеского.

— Но племя так может само себя съесть!

— Этого никогда не случится. У нас законы — лучшие в мире свободного людоедства. Ты слышал о погибшем племени ным-ным? У них три семьи объединились и вместе нападали на одиноких соседей. Свое объединение они называли трест — от слов три и есть. Этот трест переел остальные семьи. А когда в живых остались только эти три семьи, мой дед Чор, великий жрец, повел наших воинов против ным-нымов и доел остатки племени. После этого совет жрецов ввел в нашей деревне антитрестовские законы.

— Как будто эти законы все соблюдают! — Чило отстранил Хахи и взялся за щеколду калитки.

— Ах так, безумец! Ты покушаешься на счастье племени, на основу основ мира свободного людоедства.

Если ты уйдешь, я сам открою двери соседям, чтобы они съели твою жену и детей, преступник!

Хахи был вне себя, его трясло от негодования. Быстрым, почти незаметным движением Чило сорвал с пояса каменный топор...

Когда Хахи очнулся, его руки и ноги были прочно стянуты ремнями. Жена Чило наливала воду в огромный глиняный горшок. А сам хозяин, еще более мрачный, чем час назад, подтаскивал к костру дрова.

Хахи напряг мускулы, но ремни были прочны. И зубами до них не дотянуться.

— Ох, Чило, — простонал старик, — ты прав, с людоедством пора покончить...

ТЕМ ХУЖЕ ДЛЯ ФАКТОВ

— Значит, синьор Христофоро обречен... — вырвалось у старика.

— Я ведь не хотел говорить вам этого, учитель, — пробормотал юноша.

— И подумать только, что эти вот руки послали на смерть несчастного Коломбо! — Паоло Тосканелли, гордость географической науки XV века, уронил голову на широкий стол, заваленный картами.

— Может быть, еще проверим? — робко спросил юноша.

— Зачем? Ты был прав. Мы все рассчитали точно. До Индии не тысяча и не две тысячи римских лиг, а по меньшей мере пять. Пять тысяч лиг! А что скажут о моем искусстве его католическое величество, король Испании, и его христианнейшее величество, король

Франции, и Генрих Английский, и его святейшество? Какой позор!

Юноша смотрел на учителя с грустной и гордой улыбкой. Грустной — потому что ему было жаль и великого Тосканелли, и неудачливого генуэзского авантюриста, что затерялся сейчас на бескрайних просторах Атлантического океана. Гордой — потому что сегодня он наконец-то доказал самому мэтру, кто из них двоих ошибается. Да, на карте, которую лет десять назад учитель послал синьору Коломбо, Индия была совсем близко от Испании. Синьор Паоло полагал, что окружность Земли по экватору всего лишь около 7 тысяч лиг, и притом на 240 градусов из 360, составляющих окружность, протянулся великий материк Европы и Азии.

Он, Джузеппе Браччоло, доказал учителю, что прав был Эратосфен, по расчетам которого длина экватора больше 8 тысяч лиг. Он, Джузеппе Браччоло, определил, что материк занимает самое большее 150 градусов. Человек, победивший в географическом споре самого Тосканелли, может надеяться, что его имя не канет в Лету.

А дон Христофор Колумб — сейчас Джузеппе не хотелось думать о нем как о земляке и даже признавать его итальянцем — всего лишь очередная жертва, принесенная истине.

Синьор Тосканелли выпрямился в своем кресле.

— Остается только надеяться, что матросы заставят этого проклятого испанского генуэзца вовремя повернуть корабль. Ведь никто не выдержит многих месяцев плавания вдали от берегов. Но синьор Христофоро упрям, как целое стадо мулов. Он скорее даст себя повесить на рее. А виноватым окажется я!

— Письмо из Кастилии! — провозгласил слуга, открыв дверь. — Прислано с нарочным.

Пальцы старика торопливо сорвали свинцовые печати.

— Коломбо вернулся из Индии!

— Не может быть! — выкрикнул Джузеппе. — Ведь его не было всего лишь около полугода. Он даже туда не успел бы доплыть, не то что обратно.

— Вот Фома неверующий! — весело расхохотался синьор Паоло. — Он же привез индийское золото и самих индийцев. А проплыть пришлось всего тысячу стадий.

— Тут какая-то ошибка! Мы ведь с вами все так точно рассчитали... Может быть, это какой-то другой материк или остров?

Лицо старика стало суровым.

— Я вижу, Джузеппе, что был с тобой слишком мягок. Настоящий ученый должен уметь признавать свои ошибки. Индия достигнута! О чем же теперь спорить?

НАЧАЛО ОДНОЙ ДИСКУССИИ

Что-то моряки в почете,
Что-то лирики в загоне.

В. Шекспир, Сонет 155*

Опилки, устилавшие пол кабачка, были едва видны из-под покрывавших его тел. Еще бы — шел уже третий час пополудни, а сэр Френсис Дрейк вернулся

---

* Перу В. Шекспира принадлежат 154 сонета.

из Виндзорского дворца, где был принят королевой, уже в середине дня. А завтра во главе своей эскадры великий пират и мореплаватель уходит в Вест-Индию.

О, на него-то выпитое вино подействовало мало. По-прежнему победно топорщились усы, сверкали глаза, белизна кружев подчеркивала красоту смуглого лица, сильных и властных рук старого воина.

Пятидесятилетний, он казался не старше своего собутыльника — единственного, кроме Дрейка, кто еще оставался на ногах. Обрюзгшие щеки, убогий клочок волос на подбородке, огромная лысина — все это не могли скрасить даже ясные и гордые глаза, выглядавшие из-под набрякших век. И все это в тридцать лет.

— Твоих шуток мне недоставало и в Виндзоре, веселый Билль, — сказал моряк, похлопывая его по плечу. — Жалко, что ты не бываешь на королевских приемах.

И он громко расхохотался, довольный, что сумел задеть самолюбие толстяка.

Тот надменно откинул голову:

— Королева принимает многих. Но только короли принимают ее у себя. И я — один из них. Так выпьем, старый морской бродяга, за Вильяма Шекспира, гордость Англии!

— Ах, молодой хвастун! Ай да гордость Англии! Выйдем на улицу, спросим, кто об этой гордости слышал... А кто не знает Дрейка?

При этих словах несколько пьяниц, с трудом оторвав головы от пола, дружно прохрипели: «Слава Дрейку!»

А пират, распаляясь, продолжал:

— Вот ты умрешь, и кто через десять лет вспомнит великого актера? А от меня останутся данные мною имена на карте мира. Спроси у любого школьника, кто открыл мыс Горн! Вторым после Магеллана я обошел вокруг Земли. Я воевал в Америке, Испании, Африке и Ирландии, дьявол их возьми!.. Ты только пишешь и говоришь о путешествиях и войнах, несчастный зазнайка. Вот уже тридцать лет, как я не пишу, а только подписываю, и только приказы. Вас, писак, хватит, чтобы столетия рассказывать обо мне!

Актер ничего не мог ответить на эту тираду. Схватившись обеими руками за голову, он медленно раскачивался в кресле. Потом положил руки на стол, посмотрел в глаза довольному победой в споре моряку и прошептал:

— Ты прав, будь ты проклят, ты прав. Я сам тысячу раз повторял себе все это. Люди делятся на тех, кто действует, и тех, кто пишет о них. Мир, история и женщины предпочитают первых. Фрэнк, ты называл меня своим другом. Возьми меня с собой. Пусть хоть тень твоей славы упадет на мое ничтожество. С тобой и я вырасту. Слушай, вот и стихи об этом! — И, отбивая ритм рукой, Вильям Шекспир прочитал:

А может быть, созвездья, что ведут
Меня вперед неведомой дорогой,
Нежданный блеск и славу придадут
Моей судьбе, безвестной и убогой.

— Эх, Билль, Билль! Да ты посмотри на себя! С таким ли пузом лезть на мачту? Роль Фальстафа ты ведь написал для себя, старый чревоугодник. Хорошая роль. Оставайся на берегу, сочиняй стихи и отдавай деньги в рост, домосед!

Флотоводец встал, поправляя роскошный камзол.

— Мне пора на корабль!

Актер схватил его за плечи:

— Фрэнк, мы были друзьями. Что тебе стоит? Вот такусенький островок. Или кусочек берега... Мне все равно, где... хоть в Африке... Ты знаешь, актеру тут нечего стесняться — ужасно хочется бессмертия...

— Я думаю! Но остров Шекспира? Чтобы через столетие географы гадали, в честь кого этот остров назван? Смешно. Прощай, «король театра» и «гордость Англии»! Когда я вернусь, то снова напою тебя вдосталь, а большего не жди. Эй, пьянчуги! — Голос капитана наполнил кабачок.

И точно при звуках трубы архангела зашевелились казавшиеся мертвыми тела.

— Моряки, за мной! — Френсис Дрейк исчез в дверях.

Вильям Шекспир, положив голову на стол, болезненно вздрагивал при каждом стуке двери, пропускавшей новую партию матросов вслед их вождю. Когда кабачок опустел, он поднял голову... и уставился на чернильное пятно на правой руке.

Затем начал бешено тереть его. Сначала просто левой рукой, потом положил на запачканное место щепотку соли. Но ничто не помогало. Ничто не могло помочь.

Это занятие прервал бас трактирщика:

— Те, кто заплатил, уже ушли, а за кого платили, еще прохлаждаются. Пора и честь знать, мистер актер.

Толстяк с проклятьем распахнул двери и исчез во мраке ночи, казавшемся ему мраком неизвестности.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АНГЛИЮ

Лайош Кабоц написал книгу о Джонатане Свифте: неплохо. Но было бы гораздо лучше, если бы Джонатан Свифт написал о Лайоше Кабоце.

(Из венгерского юмора)

Резным дубом отделана библиотека дублинского архиепископа. А полки из красного дерева. Потому что глава англиканской церкви в Ирландии больше всего на свете любит книги и еще — человека, который сидит сейчас напротив него посреди всего этого великолепия. Тревожно всматривается старый архиепископ Кинг в его лицо. Как знакомы ему эти резкие черты! Крупный нос. Холодные и властные голубые глаза. Полные губы жизнерадостца. Не идет к этому гордому, а сейчас еще и очень печальному лицу черная шелковая сутана, сквозь которую у горла пробились белые кружева прямоугольного жабо.

Слушая прерывистую речь друга, вспоминает Кинг: враги печатно, а друзья устно давно удивляются, как ухитрился откровенный безбожник попасть в деканы Дублинского собора.

Но посторонние мысли быстро улечиваются. Он поглощен тем, что слышит. О эти отточенные желчные фразы, в которых ни слова не сдвинешь с места!

— Дальше еще не написано.

Свифт отодвинул рукопись.

Архиепископ дал волю долго сдерживаемому смеху. Он стирал с доброго морщинистого лица невольные слезы.

— Поистине посрамили вы всю мудрость мира, Джонатан. Ведь надо придумать такое: толочь камень,

чтобы делать из него подушечки для булавок. Или — хи-хи! — добывать удобрения из воздуха. А этот огурец, который объявляется концентратом солнечного света! Нет, не простят вам ученые таких насмешек. До скончания века не простят.

Судорога боли прошла по лицу слушателя этих восторженных речей. И, выпрямившись в кресле, он ответил:

— А может быть, я смеюсь не над учеными?

— А над кем же?

— Да над своими сегодняшними читателями. Над теми, кому все это кажется нелепым. А я точно знаю, — Свифт приглушил голос, — точно знаю, что все это возможно, как возможно построить и машины, пишущие книги. Почти все, о чем я пишу в «Путешествии в Лапуту», сбудется!..

— Да вы еще и пророк, мой друг!

— Нет. Просто... легко говорить о будущем, когда пришел из него...

— Готовится еще одно путешествие Гулливера?

— Оно уже начато и еще не окончено: это путешествие в Англию. Я ведь сам и есть Гулливер: помните, в разделе о лилипутах... Девяносто одна цепочка, продетая в тридцать шесть замков?

— Так был связан Гулливер, — подхватил архиепископ. — Я, конечно, знаю, что вы имели в виду девяносто один памфлет, написанный для тридцати шести разных политических группировок. Но... в Лилипутию вы приехали из Англии, а откуда в Англию, дорогой сэр? — Архиепископ любил и умел поддерживать веселую шутку. Правда, его чуть смущало грустное лицо собеседника.

— С далекой-далекой звезды, милорд, — в тон Кингу ответил его подчиненный, — вернее, с планеты, которая вращается вокруг этой далекой звезды.

— Почему же ваше пребывание в Англии так затянулось?

— Я решил здесь остаться.

— Зачем же, сэр?

Мгновение — и архиепископ увидел, как посерегло лицо Свифта, как сжались в кулаки руки. Но голос декана Дублинского собора был по-прежнему весел.

— Да, знаете, решил попробовать побороться с людскими бедами. Я был так счастлив, так счастлив до этого... Несчастье казалось мне уродством. Я не мог оставаться счастливым, зная, что такие уроды есть. Мне говорили, что все зря, ничего у меня не выйдет.

— Что именно зря и кто говорил? — Архиепископ наслаждался мыслью, что он первым слышит новое творение величайшего писателя века.

— Говорили капитан и члены экипажа, а зря — зря было оставаться. Они уверяли, что уже не раз и не два молодые энтузиасты пытались переделывать человеческие общества на других планетах. И всегда это вело лишь к насилию и злу. У каждого человечества, как и у каждого отдельного человека, должно быть детство. Обойтись без этого нельзя. Пока человечество не созрело, всякий контакт с ним бесполезен...

— И все-таки?

— И все-таки я был таким дураком, что остался. Один.

— Почему именно в Англии?

— Это как раз было естественно. Самая могущественная страна. Я решил стать ее правителем и для начала хотя бы покончить с войнами.

Архиепископ захлебнулся от удовольствия.

— Так вас же и называли диктатором Англии! Я помню вашу приемную, набитую послами и лордами.

Граф Оксфорд, премьер-министр, был готов исполнить любое ваше желание.

— Мои памфлеты против его врагов охраняли власть графа. Конечно, благодаря этому быстрее кончилась проклятая война за испанское наследство... Но власть моя над правителями оказалась призрачной, Кинг, вы же знаете. Я всегда говорил: если позволить великим мира сего распуститься, ими нельзя будет управлять, а их так распустили... Я был беспомощен, как слон. Вспомните! Гулливер оказался бессилен не только против великанов, но и против лилипутов. Что может человек, откуда бы он ни пришел, сделать один? Вот и стало в мире всего-навсего одним писателем больше. О если бы нас было много, мы поставили бы этот мир с головы на ноги, силой заставили бы людей принять счастье.

Джонатан Свифт задыхался, руки его вцепились в ручки кресла.

— Счастье — и силой? — скептически покачал головой Кинг. — Да и как бы вас встретили на Земле? (Он невольно вошел в роль легковера.)

— Да, встреча вряд ли была бы радостной. Наверное, прав все-таки капитан, а не я, и моя жизнь, моя жертва прошли даром...

— Ваша жизнь — и даром? — ахнул архиепископ. — Ну, не мучьтесь, не увлекайтесь этой фантазией, Джонатан. Впрочем, ваш друг Аддисон тоже иногда воображает себя героем собственных произведений. Что с вами? Вы плачете, Джонатан?! — вскричал потрясенный Кинг.

— Я не стучусь! — раздался веселый голос, и в библиотеку вошел шумный бездельник Дилэни, общий друг собеседников.

Вошел и остановился как вкопанный. Свифт молча

пробежал мимо него к выходу, закрыв лицо ладонями. Новый гость озадаченно посмотрел ему вслед, потом перевел взгляд на Кинга.

— Что с ним случилось?

Архиепископ сидел неподвижно. Все в нем сопротивлялось желанию поверить в услышанное.

— Выдумщик? — пробормотал он. — Чего ждать от писателя, ни одной книги не издавшего под собственным именем. Или... Нет! Не может быть! Чтобы этот гений сошел с ума? Лучше не ломать голову. Тут недолго самому рассудок потерять. Одно знаю...

Впоследствии Дилэни рассказал в своих воспоминаниях, как он видел плачущего Джонатана Свифта. И пишет он далее, что на его вопрос архиепископ Кинг грустно ответил:

— Вы только что видели самого несчастного человека на земле.

ТОЛЬКО СВЯЗИ!

За столом сидели только свои, поэтому леди Блау позволила себе отшвырнуть рассердившую ее газету.

— Подумать только, — сказала она, — мой кузен опять остался без должности! Наглец Монтегю, будущий лорд Галифакс назначил смотрителем Монетного двора дядю своей любовницы.

— Говорят, Монтегю уже женился на ней, тайно, разумеется, — меланхолически заметила ее сестра, баронесса Шикльвуд. — Низко же пал канцлер казначейства!

— Какое там жалованье? — деликатно поджав губы, осведомилась несколько перезрелая мисс Джулия.

— Семьсот пятьдесят фунтов. С перспективой повышения. Как бы онигодились нашему сэру Артуру!

— А кто он? — продолжала спрашивать мисс Джулия.

— Разве ты не знаешь сэра Артура, моего кузена?

— Я о новом смотрителе, дорогая.

— Милочка! Сразу видно, что ты только что из провинции и не в курсе придворной жизни. — Леди Блау окинула мисс Джулию оценивающим взглядом. — Тебе еще рано думать о нем. Пятидесятилетний мужлан, ужасно некрасив. Его выдвинули только связи! Если он тебя все-таки интересуется... Пожалуйста. Его зовут — такое мещанское имя — Исаак Ньютон.

НЕПРОСТИТЕЛЬНАЯ ОШИБКА

Гусиное перо хорошо зачищено, лампа до отказа заправлена маслом, бумага как раз того формата, который он любит. Слуге велено говорить, что месье Дидро нет дома. Ни для кого! Сегодня он хочет остаться наедине с этим могучим умом XVI столетия.

Какое грубое и дерзкое лицо смотрит с небольшого портрета! Лицо государя, мужика и мыслителя одновременно, человека, привыкшего и повелевать, и пахать, и учить. Да, такой мог спасти города и сжигать книги, считавшиеся священными, мог надменно сказать о самом Лютере, что тот недостойн развязать ремни его башмаков.

Как напыщенно звучат сами имена, данные ему при крещении: Филипп Авреол Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм!

Впрочем, это-то от него не зависело. Но имя, под ко-

торым он вошел в историю, выбрано им самим — Парацельс. Немец — и отказался от своего «фон»!

Господин Дидро пробует имя на вкус, перебирает губами его звуки. Великолепное имя! Немножко слишком звучное, особенно если учесть, что получилось сложением имени древнеримского врача Цельса и греческого — «пара», что значит «возле», «мимо», «около», «рядом».

На городской площади сжег Парацельс книги великих Галена и Авиценны. Не потому, что они были плохи, а потому, что врачи Европы слепо следовали каждому их слову, не думая о развитии своей науки. Да, именно с этого надо начать статью о Парацельсе для Энциклопедии. Итак...

Парацельс сделал лекарствами ртуть и железо, свинец, сурьму и мышьяк. Он составил рецепт создания искусственного человека — гомункулуса. Он вылечивал больных сифилисом и холерой, чего не умеют еще делать даже в наш просвещенный XVIII век. Он спасал от эпидемий целые области и громил на диспутах схоластов, за которыми стояла сама всемогущая церковь. Однако... Можно опередить свой век, но выпрыгнуть из него нельзя. Груз суеверий сказался и на трудах этого гения. Вот пример.

Парацельс считал, что многие болезни вызывают живущие внутри человека очень маленькие, невидимые глазу живые существа.

Правда, — Дени Дидро на мгновение задержал бег своего пера, — голландец Ван Левенгук открыл каких-то невидимок в капле воды и даже в собственном рту. Но за прошедшие с этого открытия десятилетия никому даже в голову не пришло хоть как-то связать этих невидимых зверюшек и болезни. Потому что для этого нет фактов. Фактов!

Тем более их не было у Парацельса, который даже знать не мог о самом существовании невидимок, не говоря уже о вреде или пользе от них.

Ясно, что тут сказалось влияние века, свято верившего в демонов; влияние мистики, которой была проникнута вся эпоха. В этом объяснение, но не оправдание ученого. Даже великим людям нельзя прощать их ошибки. Мы впервые создаем науку, опирающуюся только на факты. С ее точки зрения ошибочная гипотеза Парацельса подлежит бесспорному осуждению...

Перо великого энциклопедиста исписывало один лист за другим.

САМОЕ СТРАШНОЕ

*От гражданина Мерси из Парижа графу
де Мерси в Лондон. Вандемьер VII года
республики (октябрь 1798 года)*

Итак, дорогой брат, я вернулся во Францию, сломенную столькими годами тревог и ужасов, страну, обреченную на унижения и порабощение... Но самое страшное впечатление произвели на меня не гильотина и не парижская толпа, а лицо и фигура одного весьма достойного и способного юноши — сына моего и твоего банкира. В свои семнадцать лет это маленький, почти совершенно лысый старичок... вернее, человек без возраста, живое олицетворение буржуазии.

Тщедушный и слабогрудый, он все же способен вызывать к себе какую-то симпатию — симпатию жалости, не без примеси омерзения. Но как эта голая голова

умеет командовать числами! А тонкие пальцы словно нарочно созданы для того, чтобы считать, считать, считать цветные бумажки.

Отец юноши только что вышел из тюрьмы, куда его бросили по подозрению в монархическом заговоре. За короткое время отсутствия банкира заменявший его сын нажил двести тысяч франков!.. «Он еще будет первым банкиром Франции, вот увидите», — сказал мне счастливый папаша. Боюсь, что и вправду увижу. Вот еще несколько штрихов этого беглого портрета: отец — наш, роялист, а сын — убежденный республиканец. Тем не менее юноша великолепнейшим образом справлялся с финансированием групп, стремящихся к возвращению законных государей. Дело есть дело!

Этот хитрый гном — для меня — воплощение завтрашней Франции, холодной, беспринципной и корыстной. Он же вместе с десятком других банкиров будет и управлять ею вместо всех королей, конвентов и директорий.

Запомни имя мальчишки — его зовут Пьер-Жан Беранже *...

Приписка на полях письма

Мой несчастный брат умел разбираться в людях. Но Пьер-Жан Беранже поет теперь о радостях любви и безденежья, и его зовут первым поэтом Франции. Что можно предвидеть в этом безумном, безумном, безумном мире?

Граф де Мерси

15 февраля 1827 года

---

* Все факты взяты из автобиографии великого французского поэта Пьера-Жана Беранже.

ЦЕЛЬ И СРЕДСТВА

«Получение совершенно чистой воды обошлось мне в два миллиона, — сказал химик Лавуазье. — Чтобы делать науку, нужны деньги. Кто мне даст их? Король? Академия? Вот я и стал откупщиком. Кто меня за это осудит? И пусть откупщиков ненавидят. Цель оправдывает средства...»

«Он гений, — сказал великий Питт, английский министр, — именно поэтому он так опасен. Лучший в мире порох французская армия получила от Лавуазье. Его необходимо устранить — лучше всего руками самих французов. В интересах спасения Англии и Европы. Цель оправдывает средства...»

Великий Робеспьер отшвырнул донос в сторону:

— Я не думаю, чтобы Лавуазье был изменником. Но то, что он был откупщиком, я знаю точно. Пусть народ увидит казнь еще одного из этих кровопийц, пусть еще раз убедится, что мы защищаем его интересы. Цель оправдывает средства...

И великий Лавуазье был гильотинирован.

НЕУДАЧНЫЙ ДЕБЮТ

В книжной лавке было шумно, как всегда по четвергам в этот час. Со всей столицы собирались сюда писатели и критики, чтобы обменяться мнениями по поводу очередной литературной новинки.

— Одного не понимаю, что тут могло понравиться Василь Андреичу, — желчно говорил высокий красивый мужчина. — Оно, конечно, и живо, и логично, и остроумно, да ведь читать все равно неинтересно. Поторопился автор с печатанием. Все сметано на живую нитку.

— Я и вас не понимаю, — пожал плечами его сосед. — Вы так спокойно говорите об этом поэтическом недоноске! Что автор сделал с русской историей? Читатель видит имя князя Владимира, ему хочется того времени, того быта, тех поверий... А где Илья Муромец, Добрыня, Чурило?

— А вы слишком строги, — вступил в спор третий, известный поэт, — есть, конечно, в поэме натянутые остроты, вялые стихи, мужицкие рифмы, однако ж...

— Фу, о чем вы! Народности, народности здесь нет!

— А Василию Андреичу понравилось...

— Но что? Ни мысли, ни чувства — одна чувственность.

— Это уж надо признать! Сплошные двусмысленности. Кстати и некстати женщины нагие, полунагие, в одной сорочке! Даже холмы у него нагие, и сабли тоже.

— А ведь потомки могут вздумать судить по всему этому о нашем вкусе!

— Ну, им-то не придется читать сию итальянскую сказку с русскими именами!

— Да, опять-таки скажу: главное — нет народности.

— И откуда это бедствие пришло в русскую литературу? Все, все я еще в детстве от бабушки слышал. Но зачем воскрешать плоские шутки старины?

— А я составил список из дюжины вопросов по поводу всяких несуразностей в тексте. Сочинитель мне ни на один не смог ответить!

— А вот Василий Андреич...

— Да он просто своего ученика вверх тянет. Я сей-

час всех примирю. Вот истинный образец стиля поэмы. Две строчки — и уже достигнут предел вульгарности.

Я еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу.

И все дружно закивали в знак согласия. На несколько секунд в лавке Смирдина даже (редкий случай!) наступило молчание: не было слов для достойного осуждения этого двустушия.

...У Смирдина разбирали первую поэму Пушкина «Руслан и Людмила» *

ПРЕДЕЛЫ ФАНТАЗИИ

Разговор шел на английском языке — из уважения к младшему гостю. Невзирая на то, что этот нищий полуноша-полумальчик, назвавшийся гражданином Соединенных Штатов, был подобран хозяином дома несколько часов назад около кабака на Фонтанке.

И молодой князь из рода Одоевских, Рюрикович, бывший познатнее самих Романовых, богач, писатель и философ, чувствовал себя преотлично в застольной беседе с заокеанским побродяжкой, впрочем, как и третий сотрапезник, провинциальный профессор лет тридцати пяти. Тот, однако, больше слушал, с явным удовольствием поглядывая на спорщиков.

— Я утверждаю, — князь, разгораясь, пристукнул по столу мягкой, но сильной рукой, — человеческую

---

* Все высказывания спорщиков взяты из статей в ведущих журналах того времени. «В а с и л ь   А н д р е и ч» — В. А. Жуковский.

фантазию больше всего прельщает неземное! Мистика — потребность человека. Пусть родится из перстня сильфида, пусть привидение неслышно пройдет по обжитым и привычно банальным комнатам. Ах, общение с духами — общая страсть наша! Пусть же читатель встретится с ними если не в жизни, то в книгах.

Американец взял бокал... и неожиданно отставил.

— Что ж, ваш путь, может быть, где-то и пересечется с моим. О эти тайны неземного! Но думали ли вы, что несравненно больше скрыто в земном? В человеке и в том, что его окружает? Вот ваш чубук, князь... разве вы не отличите его среди тысячи таких же? Вы наложили на него свой отпечаток, вступили с ним в какую-то связь. Так представьте древний род, из века в век живущий в дряхлом замке. Замок стал не только родным. Он проникся жизнью бесчисленных поколений. И в час смерти последнего представителя рода рушится... Или другое... Жена художника должна умереть, когда он положит последний мазок на ее портрет... чтобы жизнь таинственно перешла от человека к изображению. И это еще не все. Раскрыть фантастические глубины души... Я это сделаю, не будь я Эдгар Аллен По из Балтимора!

Князя явно покорило это бахвальство. Но он был хозяином. И, смягчая взгляд, он повернулся к их общему слушателю.

— Ну, а вы, профессор, что скажете о нашем споре? Что вы думаете о предмете фантазии?

— Не знаю, что и ответить вам, дорогой Владимир Федорович. Сей предмет довольно далек от меня. Более интересна мне реальность. Сейчас меня занимает вот что. Смотрите, — профессор взял лист бумаги и карандаш, быстро и удивительно точно провел от руки прямую линию, поставил рядом точку, — кажется, через эту

точку вопреки Эвклиду можно провести не одну, а, по крайней мере, две прямые, параллельные данной. А выводы из сего...

— Ну, это уж вы чересчур! — воскликнул американец.

— Хватили, батюшка! — эхом отозвался князь. — О выводах еще говорите! И у фантазии должны быть пределы, господин Лобачевский!

НЕ НАДО РАЗБРАСЫВАТЬСЯ...

Директор патентного бюро легким толчком послал через весь широчайший стол своему сотруднику коробку с сигарами. Тот неумело закурил.

— У меня к вам серьезный разговор.

— Я весь внимание, герр Галлер!

— О, речь пойдет не о вашей работе в бюро. Как бы вы к ней ни относились, справляетесь вы с нею великолепно. Это не комплимент. Мы ведь даже повысили вам жалованье. Но именно из-за того, что вы такой великолепный инженер, я и хочу предостеречь вас. Вы слишком разбрасываетесь. На мой взгляд, у вас большое дарование изобретателя, его и надо развивать. Только точное определение цели жизни делает жизнь по-настоящему полноценной. Единство цели! Вот общая черта всех истинно великих людей. А вы?

— Но я и не претендую на величие, герр Галлер!

— Тем более необходимо единство цели нам, скромным труженикам, не отмеченным печатью гениальности. А вы? Одновременно написали четыре работы по столь различным темам, что даже смешно. Вы открываете тайны излучения света, и определяете величину атомов,

и объясняете броуновское движение молекул. Мало этого! В четвертой статье пытаетесь создать даже новое учение о пространстве и времени! Если бы я не был уверен в вашем душевном здоровье, я просил бы вас обратиться к психиатру. Только не обижайтесь, дорогой мой. Ведь я говорю все это только для вашего блага. Сколько непризнанных гениев, переворачивавших науку наизнанку, кончило сумасшедшим домом. Если бы у вас призвание к науке было выражено так же ярко, как призвание к технике!.. Но этого нет. Недаром же вас в отличие от стольких ваших друзей не оставили при Цюрихском политехникуме. Мне говорили, что там вы прогуливали лекции по математике. Так к чему увлекаться несбыточными мечтами? Делайте свое прямое дело, делайте его все лучше и лучше — и перед вами откроется такое будущее, дорогой мой Альберт!

Эйштейн поблагодарил и согласился.

СОДЕРЖАНИЕ

Четверть гения (фантастическая повесть)	
I. Сражение	5
II. Трое Согласных	13
III. Они замахнулись	30
IV. Первая звезда	38
V. Кляузное дело	46
VI. Слияние душ	51
VII. Большой пасьянс	59
VIII. Две руки, три ручки	67
IX. Любите друг друга	71
X. Выбор предмета	76
XI. Удача (отрывок из незаписанных воспоми- наний Игоря Плонского)	81
XII. Поражение (отрывок из незаписанных вос- поминаний Игоря Плонского)	91
XIII. Сотворение звезды	96
XIV. Признание (отрывок из незаписанных вос- поминаний Игоря Плонского)	108
XV. Бунт на борту	116
Перед послесловием. Счастье Цезаря.	122
Послесловие автора	134
 Возможное и невозможное (фантастические рассказы)	
Дальнейшему хранению не подлежит	137
Необходимая случайность	154
Кто поверит?	160

Нашествие	163
Потомки делают выводы	167

Бывшее и небывшее (неисторические рассказы)

Впервые	173
Мореплавание невозможно	176
Ешь своих	180
Тем хуже для фактов	183
Начало одной дискуссии	185
Путешествие в Англию	190
Только связи!	195
Непростительная ошибка	196
Самое страшное	198
Цель и средства	200
Неудачный дебют	200
Пределы фантазии	202
Не надо разбрасываться...	204

Подольный Роман Григорьевич

ЧЕТВЕРТЬ ГЕНИЯ. (Повесть и рассказы) М.,

«Молодая гвардия», 1970.

208 с., с илл. («Б-ка советской фантастики»)

P2

Редакторы Г. Еремин и С. Жемайтис

Художественный редактор Б. Федотов

Технический редактор М. Сольшко

Сдано в набор 27/III 1970 г. Подписано к печати 15/VII 1970 г.,
 А08630. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 6,5 (9.1).
 Уч.-изд. л. 8,5. Тираж 100 000 экз. Цена 26 коп. Т. П. 1970 г.,
 № 228. Заказ 623.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
 Москва, А-30, Сущевская, 21.

26 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

